АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВ
ДМИТРИЙ ШИМОХИН
ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ РОДА
ГРИФИЧЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гибель родителей от рук отморозков и детский дом определили мою судьбу. Я посвятил жизнь борьбе с преступниками и стал стражем закона. Даже перерождение в новом мире не заставило меня отказаться от своего пути. Только в этом мире для возмездия и кары нет преграды в виде законов. Тут действует лишь один закон — закон меча и молота. Я последний из своего рода, величайшей династии, когда-либо правящей в Померании. Если враги узнают, что я жив за мной начнется охота. А ещё сила, текущая в моих венах слишком безумная, и сложно поддаётся контролю…

- Дмитрий Шимохин, Алексей Владимиров
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

○ 8

Дмитрий Шимохин, Алексей Владимиров
Последний из рода Грифичей

Пролог

Ночь. Я за рулем автомобиля еду в аэропорт по загородной трассе. Отсечка, тапок в пол, приятно рычит движок, и я на полной скорости несусь по дороге, мимо меня пролетают поселки и леса. Фонари освещения словно стробоскопы.

Потянувшись к банке с энергетиком, я сделал большой глоток, в голове туман и глаза закрываются, веки словно свинцовые. Сколько я уже не спал — день, два? Нет, уже третью ночь. Ничего, сейчас в аэропорт приеду, пройду регистрацию и отосплюсь в салоне самолета. В такие моменты начинаешь ненавидеть свою работу и думаешь, для чего это все?!

Как уже было сказано: «Вор должен сидеть в тюрьме»! Да, Глеб Егорович, как же ты прав. Но больше всего я ненавижу убийц, насильников и педофилов, этих тварей, отморозков, ублюдков, нелюдей.

Пред глазами проносятся далекие воспоминания из детства, то, с чего все началось. Точка моего невозврата, точка моей ненависти. Все еще живы мама, папа, сестрёнка Сонечка.

Летний жаркий вечер и семейная идиллия, я играюсь в комнате, собираю конструктор. Рядом на стуле сестра читает какой-то новомодный журнал с яркими картинками. Мама на кухне готовит ужин, а отец ковыряется с бумагами и журналами. Он у меня бизнесмен и занимается торговлей, пара своих точек. Как их раньше называли, «ларечники», забавно. Время было такое, голодное, святые девяностые и дикий оскал капитализма.

Раздается звонок в дверь, отец идет открывать дверь, и я слышу крик, подскакиваю и выхожу в коридор, отец поднимается с пола, изо рта течет кровь, крики матери с сестрой.

Какой-то разговор для меня непонятный. Тон людей повышается, и вновь крик. Один из трех зашедших мужиков бьет отца по лицу, мама прижимает к себе Соньку и заслоняет собой ей лицо.

А после только крик отца бьет по ушам:

— Бегите!

Я стою и не понимаю, что делать, пошла потасовка в узком коридорчике. Мать хватает меня за руки, позади нее сестра, а после выталкивает на балкон, я лечу через перила, со второго этажа в большой раскидистый куст сирени. Ушибы, ссадины, кровь. И мой крик, рев на всю улицу.

Сестра, мама, отец? Никого!

Я стою под балконом и смотрю вверх, никого, больше никого.

Крики раздаются из нашей квартиры, отца, мать и сестру я не

слышу. Голова выглядывает с балкона, короткая стрижка, шрам на щеке и обычные глаза.

Отец был принципиальным и не хотел платить браткам и другим шакалам, называемым «крышей», вот и вышел результат.

Сколько я так ревел, уже и не помню, кто-то из соседей вызвал милицию. Я порывался зайти домой к маме и папе, но меня не пустили соседи и правильно сделали.

А после интернат, голод, холод, и мы зверята. Адское времечко. Я повел плечами, не самые лучшие воспоминания в моей жизни.

Жизнь в интернате меня приучила быть сильным в любой ситуации, там нет места слабости, там выживают только сильные, как в дикой природе.

А после совершеннолетия я смог ознакомиться с материалами дела в милиции, рыдал, смотря на фото, и рыдал, когда читал протоколы осмотра места происшествия, отрезанная голова отца и тело с пулевыми ранениями. Изнасилованная мать и сестра Сонечка. Сонечку-то за что? Она была еще совсем ребенком, на два года старше меня. Кровь была повсюду. Согласно судебно-медицинской экспертизе, отца убили последним, так что все происходило на его глазах. Также указано, что эти ублюдки были найдены мертвыми после очередной бандитской разборки, так дело и закрыли.

Дальше армейка и погранвойска, важный этап моей жизни, который мне многое дал и еще больше меня закалил в череде событий. Когда караван с наркотой прет через границу, пули летят над головой, а рядом с тобой такие же молодые парни, не все из которых вернулись домой, этого не забыть.

Именно тогда я решил для себя, кем хочу стать, не зря меня называют Живоглот, Копач, да, я следователь, так что теперь давлю, давлю эту ненавистную гниль и накипь. Давил бы их собственными руками каждого, но у нас же правовое государство, законность на каждом углу. И у меня на лице появляется ухмылка. Суки, ненавижу, ненавижу.

В машине я один, так что усталость и сонливость быстро накатывают, делаю еще один большой глоток энергетика. Я открываю слегка окно, делаю приемник погромче, чтоб хоть как-то взбодриться. Прохладный ветер приятно бьет в лицо. Правой рукой крепко сжимаю руль, кожаная оплётка приятно скрипит.

Мысли резко сменяются, думаю об этом подонке. Я уверен в его вине, у меня чутье на таких, как он, выработанное годами, но, как говорится, чутье к делу не пришьешь.

Мне необходимо как можно быстрей добраться до свидетеля. В телефонном разговоре он сказал, что видел из окна своей

квартиры, как какой-то мужик тащил за руку девочку. Она упиралась и не хотела с ним идти. Он не придал этому значения, поскольку нынешнее воспитание детей оставляет желать лучшего, думал, что малышка капризничает и не хочет идти с отцом.

Более того, он собирал чемоданы в командировку и опаздывал на самолет. О том, что случилось, он узнал уже от жены, которая ему позвонила после поквартирного обхода участкового полицейского.

Осталось только взять свидетельские показания, описание этого ублюдка, чтоб я мог его закрыть. Ведь сейчас он только задержанный, и его сорок восемь часов скоро истекут, а после где его искать?

Вдруг резкая боль пронизывает все тело. Пронизывает каждую клеточку моего организма, я не могу пошевелиться. Слышу звон разбитого стекла и металлический скрежет, грохот и скрип. Я не могу открыть глаза, веки свинцово тяжёлые. Через мгновение боль резко удаляется, мне уже не больно. Я проваливаюсь в темноту, наступает идеальная тишина и невесомость.

Глава 1

Ощущение невесомости. Где-то вдалеке чуть слышны человеческие голоса. Понемногу они становятся громче. В какой-то момент я ощутил, будто меня подкинуло резко вверх. После чего грубый мужской голос матюгнулся:

— Вот сука.

С трудом открыв глаза, я обнаружил, что нахожусь в повозке или карете, больше походящей на телегу, только с крышей. Меня подбросило, когда так называемая карета наехала колесом на какое-то препятствие. Внутри я находился один. Некоторое время не мог собраться с мыслями и понять, что происходит.

Осмотревшись вокруг, я обратил внимание, что одет в просторную кожаную куртку чуть ниже пояса. На ногах высокие кожаные сапоги на шнуровке, а также штаны из темной плотной ткани. Правая рука сжимала рукоять полуторного меча, вложенного в ножны, лежащие на сиденье рядом со мной. На левом бедре были пристегнуты ножны с обычным, ничем не примечательным мечом, прикрепленным на широкий кожаный ремень.

Меня привлек цокот копыт лошадей по каменной мостовой. Отодвинув занавеску от окна, я увидел, что мы подъезжаем к огромному и очень красивому дворцу.

Центральный корпус дворца представлял из себя большое четырехэтажное здание, по сторонам от него, словно крылья птицы, расположились два корпуса по два этажа.

По сторонам центральной аллеи, ведущей ко дворцу, располагалось по большому боскету, за которыми виднелись пруды фигурных форм, соединённые между собой каналом. А через канал был переброшен изящный белоснежный мост. Вокруг прудов были дополнительные окаймленные стриженой зеленью дорожки.

Вдалеке у парадного входа на территорию дворцового комплекса находились позолоченные ворота, украшенные гербом, короной и головой льва. На площади перед дворцом стояли огромные скульптуры. Рядом с воротами стояли стражи, облаченные в кольчуги, держа в руках щиты и копья.

Въехав на территорию, карета остановилась у парадного входа во дворец. Дверь открыл мальчик, на вид лет восьми, может, десяти.

— Здравствуйте, ваша милость! Мы рады вас приветствовать. Разрешите вас сопроводить и показать дорогу! Прошу следовать за мной, — малец поклонился в пояс, словно я долгожданный

гость в этом чудном месте.

Я молча вышел из кареты и огляделся, взяв с собой своего «Бастарда», к ножнам которого был пристегнут широкий ремень. Словно на автомате, быстро перекинул его через правое плечо, узким же ремнем обвязав его вокруг талии, и застегнул на груди на быстросъёмную защелку и последовал за мальчиком.

Мы шли по широкому и длинному коридору, но за счет колонн он казался небольшим и темным. Вдалеке еле слышно раздавалась музыка, она была очень странная, как будто флейты, трубы или даже волынки. Приблизившись к двери, которая была огромная и тяжелая, мальчик с трудом ее открыл, и мы вошли в парадный зал. Потолок у зала был очень высокий. Широкие колонны поддерживали балкон, на котором располагался придворный оркестр, встречавший гостей торжественными звуками музыки. Пол был выложен паркетом из ценных пород дерева в виде клеток шахматной доски, а с потолка свисали бронзовые люстры со свечами. Стены были украшены фресками, полотнами и скульптурами, шелковыми коврами и парчовыми драпировками, позолоченными вставками и бархатными покрывалами. Красиво и богато.

В зале находилось очень много людей. Я услышал, как несколько человек о чем-то спорят, чуть ли не крича. Еще несколько что-то рассказывают друг другу.

Мальчик подвел меня к длинному и широкому столу, расположенному посередине зала. Он был П-образной формы. Меня усадили на свободное место в конце стола.

— Приятного вечера! Если вам необходимо будет пройти в ваши покои, попросите об этом любого из слуг. Ваши вещи уже доставлены, — он сделал поклон и удалился.

Я расположился за огромным деревянным столом на здоровенном и тяжелом табурете. Стол был уставлен различными яствами, блюдами, такими, как фаршированные туши кабанов, разные виды мяса и дичи, выпечка, запечённые в глине лебеди. В голове были только два вопроса, какого черта происходит и что это за маскарад?

Бросив взгляд на присутствующих в зале людей, тихонько осматриваю и замечаю крадущегося вдоль стены парня, у меня срабатывает профессиональная чуйка. Парень медленно проходит от одной колонны к другой, пытаясь держаться в тени. Замечаю, что он что-то прячет под одеждой. В следующий миг под его длинной одеждой, напоминающей платье, что-то сверкнуло в свете отражения свечей, расставленных по всему центру этого огромного зала. Его лица не видно, поскольку он его прячет в тени, неумело, но все же у него это получается.

Я медленно и не спеша прогулочным шагом двигаюсь в его сторону. Пробираюсь сквозь толпу людей, не выпускаю его из вида. Он спрятался в тени за одной из колонн. Правую руку я держу на рукоятке меча, висящего на поясе. В одно мгновение наполовину вытянув меч из ножен, я прижал лезвие к груди мальчишки, левой же рукой перехватил его правую с кинжалом, которая уже неслась в мою сторону. Этими движениями я немного вытолкнул парня из полумрака, и свет упал на его лицо.

Передо мной стоял мальчишка лет шестнадцати от роду. В его глазах вижу страх и безысходность. В дрожащей руке он сжимает кинжал сантиметров сорок в длину, довольно искусной работы. Навершие рукояти кинжала изготовлено в виде головы медведя, а его гарда в виде расправленных медвежьих лап. Под гардой в пятке по обеим сторонам была нанесена гравировка в виде какой-то неразборчивой буквы.

В голове промелькнула мысль, украл? Украл у кого-то из гостей, поскольку, судя по одежде, не похож он на дворянина, и такой кинжал точно не может себе позволить. Но почему он крался от дверей в глубь зала, когда выход находится в другой стороне? Нет, скорей всего, что-то задумал. Убийство? Но кого и за что? И почему так испугался меня? Я понимаю, что он от меня бежать не собирается, да и из-за страха попросту не сможет. Ослабив натиск, я убрал меч в ножны. Парень, не сопротивляясь, отдал кинжал мне. Я вижу, как он дрожит, и дыхание будто у загнанной лошади.

Вдруг на моё правое плечо легла чья-то тяжелая рука. Повернул голову, справа от меня стоял высокий, широкоплечий, крепкого телосложения мужчина более двух метров роста, с мощной челюстью и волевым подбородком.

Черные густые волосы свисали на его широкий лоб, под которыми едва виднелся шрам. Слегка прищуренные карие глаза пронзительно смотрели на нас. С его спины свисал плащ, размеры которого были внушительны. Под плащом на левом бедре виднелась ручка меча. Навершие рукояти в форме головы льва, которую он натирал большим пальцем левой руки. И под его огромной ладонью рукоять «бастарда» почти полностью скрывалась. На среднем пальце красовался перстень также в форме головы льва, вместо глаз сверкали драгоценные камни, похожие на рубины. Судя по этим атрибутам, я смог предположить, что это его семейный герб или символ.

Слегка пьяным басистым голосом и с ухмылкой здоровяк спросил:

— Ратибор, ты че тут по углам зажимаешься? — В голове мысль, какой нахер Ратибор? Я Дмитрий Громов!

— Да вот, парень кинжал мне показывает. Отличная работа! Ты что на это скажешь? — я протянул кинжал незнакомцу.

— Отличная работа, и я даже знаю, чьих она рук, — сказал незнакомец, крутя в руке кинжал. — Похожа на работу одного хорошего кузнеца, как же его имя, ах да, вспомнил, Бернард, он создает не оружие, а шедевры.

Его взгляд упал на парня.

— А ты что такой испуганный, неужто нашего Ратибора испугался? — и залился громким смехом.

Парень не может продохнуть от страха и волнения.

— Я заказал этот кинжал, вот он и принес мне его посмотреть и оценить, а то, что он дышит тяжело, так это он бежал, боялся не поспеть вовремя.

— Когда это ты его заказал, ты ведь только приехал?

— Я послал гонца с данной просьбой, чтоб клинок был готов как раз к моему приезду, — приходится врать и изворачиваться. — О кузнеце Бернарде знают далеко за пределами этих земель.

— Ведь так? — повернувшись к парню, я спрашиваю.

— Да, ваша милость! — а парень еще сильнее вжался в стену.

— Ты с дальней дороги, устал. Поэтому давай отдыхай! Пей, гуляй, а завтра я жду тебя у себя, — он улыбнулся своей звероватой улыбкой и вернул мне кинжал.

— Слуги проводят тебя в покои. Твои вещи наверняка уже принесли. — После чего мужик направился на свое место во главе стола.

Он выделялся ростом и телосложением в толпе людей, как будто отколовшийся айсберг плывет среди маленьких льдинок. Сзади на его синем плаще красовалась вышитая позолоченными нитями огромная голова льва. У меня еще раз промелькнула мысль о его семейном символе.

Я вновь посмотрел на паренька, он немного успокоился. Дрожь пропала.

— Рассказывай! — немного грубоватым голосом сказал я ему.

— Ваша милость, что рассказывать?

— Все рассказывай по порядку, как звать тебя и на кого ты тут устроил охоту?

— Ваша милость, я расскажу вам все, только пощадите! Пощадите меня и моего отца. — Я немного опешил, почему он так боится меня и просит пощадить их с отцом?

— Здесь нам не дадут спокойно поговорить, — сказал я мальчишке. — Пойдем, заодно увижу, что там за покои у меня.

При выходе из зала, около дверей, стояло несколько слуг. Один подошел ко мне, поинтересоваться, не желаю ли я чего-

нибудь.

— Проводите меня в мои покои и принесите что-нибудь поесть и выпить.

Слуга что-то шепнул на ухо мальчику, который меня встретил у кареты, и тот поспешно удалился, а после попросил следовать за ним.

Мы шли по длинному коридору, на стенах которого висели фамильные портреты, и я мельком успевал их рассматривать. После мы поднялись по широкой винтовой лестнице.

Пойманный мальчишка шел рядом со мной, и я видел, как его вновь начала бить дрожь. Спустя некоторое время мы уже стояли возле моих покоев. Слуга услужливо распахнул двери в комнату. Несмотря на относительно небольшие размеры, в ней имелось огромное окно, из которого виднелся сад, а также был балкон. В середине комнаты находился круглый дубовый стол, без особых изысков, вокруг которого стояли четыре стула, под стать столу, дубовые и достаточно тяжелые, с резными ножками и подлокотниками. На спинках стульев были вырезаны головы львов. Над столом висел крупный медный потолочный светильник, конструкция которого состояла из стержня с профилированными насадками. В верхней части стержня находилось кольцо для подвески к потолку.

С левой стороны от входной двери по центру стены расположен камин, в котором горела и трещала огромная сосна. Неподалеку от камина стоял диван, не большой, но достаточно удобный.

Справа от входной двери была дверь, ведущая в спальню. Рядом с кроватью в спальне стояли два сундука среднего размера. Я так понял, это мои вещи. Слуга поклонился и закрыл за собой двери.

Я велел парню сесть за стол, сам же устроился напротив, сняв со спины «Бастарда» и положив его на стол перед собой.

— Рассказывай! — скомандовал я.

Парень весь замялся. И прикрыл глаза, словно собираясь шагнуть в бездну. Выдохнув, он начал рассказ:

— Мне уже нечего терять, милорд, жизнь моя растоптана. Но перед смертью я хочу убить эту тварь, барона Вальдемара, — и парень весь сжался, словно ожидая удара с моей стороны.

Не дождавшись моей реакции, он нашел в себе силы и продолжил, видно было, что он нервничает и переживает.

— Меня зовут Антуан, и я сын кузнеца из баронства Бартон, которое в одном дне пути отсюда. Моя мама умерла, когда я был еще совсем маленьким, меня воспитывал отец в одиночку. А этот кинжал — моя работа. Я его делал по заказу барона Вальдемара,

он сейчас внизу за одним столом с его светлостью герцогом Робертом Линским. Герцог, он ведь ваш друг? — голос Антуана дрожал.

— Да, разумеется, — я немного растерялся от его вопроса.

Про себя же подумал: оказывается, этот здоровяк и есть герцог Роберт Линский, и это его дворец.

— На кого или за кем ты устроил охоту внизу, в зале? — мой голос звучал как приказ.

— На барона, — опустив глаза в пол, выдавил Антуан.

— Да на какого барона, там внизу же не один барон? — из меня вырвалось раздражение от того, что мне приходится из парня вытягивать каждое слово. Словно я на допросе.

— Вальдемара, барона Бартонского, — ответил мальчишка, словно шел на эшафот.

— Интересно получается, он тебе заказывает кинжал, а ты этим же кинжалом хочешь его порешить. С чего такая лютая ненависть к нему?

Парень ответил не сразу, он задумался, а его лицо меняло выражение от грусти до гнева.

— Натали, я хотел жениться на ней, — выдавил он. Было заметно, что слова даются ему с трудом. — Она была смыслом моей жизни.

— Почему была? Что случилось?

— Три месяца назад барон приехал к нам для сбора подати. Он сам любит ездить и собирать налоги, ему доставляет удовольствие унижать и глумиться над людьми. У моего отца, не было денег заплатить налоги, как и у многих других в наших краях, поэтому в счет уплаты долга и приказал изготовить кинжал. После чего очередь дошла до семьи Натали. Ее отец был пекарем, а ее мать сильно болела. Натали приходилось ухаживать за ней, поэтому почти все заработанные деньги уходили на лечение.

— Подробней, что за налоги?

— Каждый барон собирает подати со своих земель, а после часть из них идет герцогу. У каждого владетеля имеются свои собственные обязательства перед сюзереном, и точно известно, сколько людей, лошадей, лучников, даже мешков зерна или муки он будет предоставлять ежегодно. Он должен выслушивать жалобы от своих крестьян и решать проблемы. Он требует от каждого крестьянина определенного количества дней труда, чтобы пахать и жать господские земли, помогать строить и поддерживать замки, дороги, мосты. Плюс любые другие «налоги», которые он на нас накладывал. Ваша милость, барон Вальдемар только требует, но он никакие проблемы не решает.

Мы не можем пойти к герцогу и пожаловаться на барона, потому что нас всех повесят.

— Так вот, барон пришел к отцу Натали. Заплатить ему было нечем. Натали хотела заступиться за отца, побоявшись, что его подвергнут наказанию за неуплату налогов, поэтому стала умолять барона о помиловании отца в связи с болезнью матери. На что барон закатился смехом и сказал, что тогда заберет ее в счет уплаты долга. Через три дня Натали вернулась, вся в слезах. Рассказала, что барон надругался над ней, а после отдал своим приближенным на потеху. Она не выдержала и через день повесилась, на собственном поясе в отцовской пекарне. А её отец тронулся головой, мама ушла вслед за дочкой, пережив ее на два дня, — голос Антуана был тих, в нем звучала боль. А под конец по его лицу побежали слезы.

В голове у меня всплывают воспоминания детства, когда повсеместны были несправедливость, поборы, убийства, тогда я был маленьким и ничего не мог поделать, но сейчас…

Антуан продолжал рассказ, но воспоминания перебивали его голос, и я его почти не слышал. Пришел в себя, когда он уже говорил, что изготовил кинжал и как раз на этом приеме хотел убить барона.

— Эх ты, мальчишка! — крикнул я на него. — Ну а меня почему так испугался?

— Ходит слух, что к герцогу на службу должен прибыть мастер меча. Говорят, будто он безжалостный и очень жестокий человек. А также говорят, что он за раз в бою смог зарубить двадцать семь человек и раненых не оставляет. В турнирах он не участвует, поскольку ему нет равных во владении мечом, а приехать он должен был как раз сегодня. Вот я и подумал, что это вы. Когда подошли ко мне, я даже не заметил, как вы оказались рядом. Думал, все, там меня и зарубите.

— В случае, если бы смог добраться до барона и заколол его, как бы ты выбрался? Ты же понимаешь, что тебя бы сразу не убили, тебя бы пытали. А об отце ты подумал?

К вискам начала приливать кровь, я чувствую усиливающийся стук сердца, еще мгновение — и оно выскочит из груди. Гнев и злоба возрастали ежесекундно. Антуан что-то говорил, но с каждой секундой его речь становилась протяжной и мало понятной, его движения, которыми он жестикулировал, медленными. Он издевается надо мной?

Встав со стула, я хотел взглянуть ему в лицо. Оказавшись рядом, он продолжал смотреть в ноги, его голова поднималась медленно, словно в замедленной сьемке, наконец наши взгляды встретились. И он нелепо отпрянул от меня, так же медленно, как

и поднимал голову, если бы не спинка стула, на котором он сидел, точно бы упал. Тут я услышал протяжный и долгий стук в дверь.

— Да, войдите! — грубым голосом ответил я.

Дверь распахнулась, слуги принесли ужин. Биение сердца пришло резко в норму, кровь от висков отхлынула. Вносили разные яства: запечённого молодого поросенка с золотисто-блестящей корочкой, копчёного каплуна, запечённую рыбу различных сортов, выпечку, фрукты. Все блюда были на больших серебряных подносах с изящной гравировкой. Также принесли два больших серебряных кувшина с красным вином, гравированными вензелями и ручкой под стать гравировке. Поставив все угощения на стол, слуги удалились.

Я взглянул на Антуана. Он сидел на стуле, зажавшись и часто дыша, как будто задыхался, в его глазах я видел тот же страх, как и внизу при первой нашей встрече.

— Что с тобой?

— Как вы это сделали, господин? — он вновь начал дрожать.

— Ты о чем? — я недоумевал.

— Ваша светлость, вы только что сидели напротив меня за столом, — указал пальцем на стул с противоположной стороны стола. — Я только моргнул, а вы уже стоите возле меня, и ваши глаза были белые, как скорлупа от яиц, но сейчас они снова нормальные.

— Что за вздор, ты че несешь? Я встал и подошел к тебе, это ты устроил тут представление пантомимы в замедленных действиях.

Налив вина в бокал и оторвав ногу копчёного сочного каплуна, я уселся в каминное кресло. Антуан смотрел на меня голодными глазами. От такого взгляда у меня вино в горле встало комом.

— Принеси поднос со стола с копченым поросенком и кувшин вина, — мой голос прозвучал словно приказ.

Антуан принес поднос и поставил его рядом с камином.

— Ешь и пей, — проговорил я задумчиво.

Размышляя о случившемся и наблюдая, как голодный парнишка просто с какой-то яростью уничтожал запечённого поросенка, я спросил его.

— А как ты смог проникнуть на данное мероприятие, ведь тут полно охраны? — поинтересовался я у Антуана.

— Ваша шветлошть, — с набитым ртом ответил Антуан, после чего, сделав пару глотков вина, продолжил, — одному пройти достаточно легко, поскольку продуктов в замок везут очень много и стража не досматривает повозки. Вот в одной из

них я и пробрался во дворец. Добравшись до входа на кухни, смешался со слугами и помог разгрузить продукты. Ну а после спокойно прошел в коридор и увидел, куда несут слуги угощения. И пробрался в зал, после спрятался за палантином, ну а дальше вы сами знаете.

— Да уж, охраны никакой, все по классике, — пробормотал я себе под нос.

Обглодав ногу каплуна, бросил кость в камин, который уже догорал. Допивая второй бокал вина, я размышлял о сегодняшнем дне, что со мной произошло и как я здесь оказался. Я хотел поскорее проснуться и оказаться в кресле самолета, надеясь, что это был всего лишь странный сон.

Глава 2

Яркие солнечные лучи коснулись кожи, и по телу — от головы до кончиков пальцев и от ладоней до самого сердца — разлилась приятная теплота. Разлепив глаза, я надеялся увидеть перед собой кресло самолета. Но мечте не суждено было сбыться, вместо этого я увидел храпящего Антуана, свернувшегося калачиком у моих ног на полу. Рядом с ним лежал пустой серебряный поднос, на котором еще вечером был запечённый поросенок, а сейчас лишь обглоданные кости и пустой кувшин из-под вина.

С трудом встал с кресла, чувствуя, как при любом движении ноет каждая мышца в теле, спину и кости ломило, руки и ноги затекли. По привычке, выработанной еще с интерната, я разделся, оставив на себе только брэ[1], принялся делать утреннюю зарядку: отжимания, приседания, а также стойку в планке.

В дверь неожиданно постучали. В коридоре оказались слуги. Позволил им войти, они внесли ушат теплой воды в комнату и поставили неподалеку от камина.

В отражении воды на меня смотрел мужчина лет тридцати, с мощной шеей и плечами, а также мускулистой грудью, на которой виднелись два ярко выраженных шрама. Шрамы были свежими, год или полтора от силы. Тяжелые черные волосы свисали на лоб, прикрывая рваный шрам над бровью. Брутальные черты лица, мощные скулы и гладко выбритый подбородок, орлиный нос — незаурядная внешность. Это было не мое лицо. Однако голос был все тот же, мой, и это удивляло.

От шока я уселся на пол и пребывал в прострации. Какого черта? Это не я, а вокруг, получается, все настоящее, а не бред моей больной фантазии.

Меня никто не беспокоил и не трогал в этот момент. А слуги застыли рядом, как оловянные солдатики.

Найдя в себе силы, я все же поднялся. Умылся и ополоснул торс, а слуга подал свежую рубаху. После чего сообщил, что герцог готов меня принять и сейчас находится в своих покоях.

— Хорошо, скоро буду.

В этот момент проснулся Антуан.

— Ваша светлость, прошу простить за мою наглость, что остался в ваших покоях.

— Да встань ты с колен. И садись за стол. А твои слова, сказанные вчера насчет барона Вальдемара, я проверю. Если они подтвердятся, я постараюсь помочь тебе, а если нет…

Мальчишка, приподнявшись с пола, уселся за стол.

— Я сейчас иду к герцогу, а с тобой после поговорим. Из комнаты не выходи, а то поймают, как воришку, и повесят во дворе. Можешь доесть все, что осталось, — подмигнув Антуану, я вышел в коридор, закрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

В коридоре меня ждал слуга, который и проводил до апартаментов герцога. Про себя я думал, может, хоть кто-то мне прояснит сложившуюся ситуацию и расскажет, что я тут делаю и кто я вообще. Слуга открыл передо мной двустворчатые дубовые двери, и я вошел в апартаменты.

Первое, что бросилось в глаза, — это потолок, украшенный позолотой, а также стены, обитые белой тафтой и затканные золотыми цветами.

Слева стояла мягкая мебель, предназначенная для отдыха, без всяких изысков, а справа что-то похожее на кабинет — небольшой, уютный.

Под окном стоял стол с зелёным сукном, на столе масляная лампа и документы, огарок свечи и палочка сургуча. А рядом мягкое кресло, позади на полке лежало несколько книг. На стене картина с изображением парусника.

В зале имелось два камина, и несколько кресел стояли возле них. На дворе было около десяти часов утра, но этот зал показался мне мрачным.

Из глубины его раздавался скрип паркета, на меня двигался, словно гора, герцог Роберт Линский. Его тяжелые, огромные сапоги стучали о паркет, словно раскаты грома. Подойдя, он обнял меня своими здоровенными руками, так что выбил из меня весь воздух.

— Я очень рад, что ты приехал, Ратибор. Вчера не смогли поговорить, сам видел, какая была суматоха, да и разговор на щекотливые темы, касаемые не только моей семьи, не для широкого круга. Пойдем, присядем за стол, — махнул рукой Роберт в сторону стола. — Рассказывай, как добрался?

Усевшись и устроившись поудобней в кресле, я начал:

— Добрался достаточно быстро, сам не понял, как это произошло. Зачем ты меня пригласил? Да и тебя не сразу признал, — я улыбнулся уголками губ.

Тут Роберт громогласно рассмеялся.

— Конечно, мы ведь так давно виделись, если бы не слуги, и я бы тебя не признал. Эх, хорошее было времечко, сколько мне лет-то тогда было? Двенадцать, а тебе, кажется, семь. Ох и помотали мы нервы нашим отцам, — и Роберт грустно улыбнулся. — Мне понравилось у вас тогда в гостях.

И он задумался на некоторое время, я его не беспокоил, обдумывая его слова.

— Значит, мне нужно кое-что рассказать. Ну хорошо, тогда слушай, может, что новое и узнаешь.

— Твой род ведет начало от Ратибора I, он был Померанским князем, который управлял Славно и Слупском — это города такие. Ратибор был младшим братом первого поморского князя Вартислава I. При жизни брата Ратибор был его помощником. Ты же являешься его потомком, хоть и не совсем законным. Твой дед был последним князем Грифичей, или как вас еще назвали Грифоны. Не зря же у вас на фамильном гербе нарисован красный Грифон.

Никто не знает, что на самом деле случилось с Ратибором II, твоим дедом, одни говорили, что он принял христианство, ушел в монастырь и там умер, другие же утверждают, что он остался язычником и отправился на очередную войну с Асканиями[2] и там пропал.

Но доподлинно известно, что перед отъездом из фамильного замка у него родился сын, твой отец Казимир. Который в дальнейшем и стал первым герцогом Померании. И как герцог и христианский владыка он участвовал во многих сражениях с Данами, где и познакомился с моим отцом. Они сражались спина к спине не в одной битве и не раз спасали друг другу жизни.

Мой отец считал, что был в неоплатном долгу перед твоим. И поклялся отплатить тем же, но не успел, да и повода не было. Он подхватил чуму и скончался через три дня, но свою клятву передал мне и попросил исполнить ее.

Через некоторое время после похорон я отправил гонца с письмом, известить Казимира о смерти моего отца. Но прибывший в замок твоего отца гонец обнаружил, что все его жители мертвы. Нет, их не убили, они были мертвы все. Все живое было мертво. Все, начиная от домашних животных, слуг и кухонных служащих, до твоего отца. Мой гонец видывал разное, но, как он сказал, такое встречал в первый раз.

Прости меня, конечно, за эти подробности, я знаю, что ты об этом не знал. Но никакой насильственной смерти на их телах не обнаружено. Я потратил несколько долгих лет, чтоб найти наследника Казимира, то есть тебя. Ты ведь незаконнорожденный сын, так что ему пришлось удалить тебя от своего двора, — и Роберт невесело хмыкнул. — Мне жаль, что так вышло, — и Роберт развел руками. Ведь мы как раз с тобой и виделись в последний раз, когда Казимир отправил тебя к своим союзникам.

Дело не в том, что твоя мать нагуляла тебя, нет. Твои родители попросту не успели обвенчаться и узаконить брак. А в твоей стране, как ты знаешь, считается, что ты незаконнорожденный. Но это, с одной стороны, может быть, и

хорошо, поскольку тебя никто не искал, и ты был в стороне от всех этих войн. Так что ты смог спокойно отсидеться в тюрьме у Асканиев, они не знали, кто у них в каземате сидит, — и Роберт начал ржать, как конь.

— Подумаешь, на дуэли зарубил кого-то, не в тюрьму же за это сажать, если все было по чести.

В общем, полагаю, что я исполнил долг своего отца и вытащил тебя из тюрьмы. Дом Асканиев пытается вырезать полностью твой род. Даже сейчас ты находишься в опасности, да и я тоже вместе с тобой, если кто узнает, что я помог наследнику Грифичей.

Ты, разумеется, вольный человек и можешь вернуться к себе на родину в любое время, но подумай сам, там сейчас небезопасно. Вместо этого ты можешь пока побыть здесь, ну и послужить мне, пока все у тебя на родине не уляжется. И когда мы наедине, называй меня Робертом, этого будет достаточно.

— Допустим, я соглашусь послужить тебе, но что я буду делать? Чем заниматься? — я был в шоке от рассказа Роберта, но все же смог сосредоточиться на его вопросе.

— Если ты такой же верный своему слову и делу, как и твои предки, то я могу доверить тебе свою жизнь. Как мой отец доверял твоему отцу. Более того, ты здесь человек новый, никого не знаешь, и тебя никто не знает. Ведь так?

— Да, разумеется. Но в том, что меня никто не знает, я сомневаюсь. Вчера уже рассказали, что меня давно ждут.

— Вот суки!!! — Роберт хлопнул по столу с такой силой, что от порыва ветра из-под ладони сдуло какие-то письма, лежащие на столе. — О чем я тебе, собственно, и говорю, не могу я доверить дела никому из своего окружения, каждый свой кусок пытается урвать и интриговать.

— Я хорошо тебе буду платить, если ты согласишься. Первым делом стоит выяснить, что затевает жена моего брата, графа Карла Алиронского. До меня дошли слухи, что она что-то задумала. Карл человек малодушный. Сам ничего решить не может, практически графством управляет Юлиана и ее сестра, Анна Гегенская. Ее муж, барон, близкий друг моего брата. Около месяца назад служанка Юлианы заболела и не может уже исполнять свои обязанности, я распорядился прислать ей новую служанку из нашего герцогства. Единственные распоряжения, которые Юлиана выполняет, хотя и с не охотой, мои. Но я не могу вмешиваться в дела семьи моего брата. Новая служанка Юлианы, Элен, остается мне верна, но я думаю ненадолго. Пару дней назад я получил от нее письмо, в котором говорится, что Юлиана и Анна уходят на всенощную молитву. Эти молитвы, как ни

странно, совпадают с отъездом Карла, то на охоту, то на заседание в палате лордов. Возможно, они затевают какой-либо заговор с целью свержения Карла или гражданское восстание, подобное уже было около десяти лет назад.

— Так, может, они действительно молятся.

— А ты много видел женщин, идущих на молитву в праздничных расшитых платьях? — спросил Роберт. — Вот и я не видел. Ратибор, тебе предстоит выяснить, в чем там дело. Может, они и действительно молятся, может, заговор планируют, а может, и что-то хуже. В общем, как выяснишь, сообщи.

— Интересно, и как я туда заявлюсь? Под каким предлогам?

— Давай пройдём по саду, прогуляемся. Не хочу сидеть в этом мраке.

Прогуливаясь по каменным дорожкам мимо цветущих деревьев, он осмотрелся и продолжил разговор:

— Ты поедешь в Алиронское графство с проверкой готовности войск к войне. Наш король, возможно, в ближайшее время объявит войну. Своему военачальнику это доверить не могу, поскольку Юлиана его знает, а ты, как лучший мечник, проверишь войско. Может, проведешь небольшой турнир, ради развлечения и выявления лучших, ну там сам решай по обстоятельствам.

— Конечно, не по теме, но все же. Можете рассказать о бароне Вальдемаре, он вчера присутствовал на вечере и сидел за вашим столом?

— А что это он тебя так заинтересовал?

— Пока ехал в герцогство, по дороге о нем рассказывали не самые хорошие вещи, будто он насилует молодых девушек, дочерей его крестьян.

— Ратибор, какое тебе дело до его крестьян? Он унаследовал титул и баронство от отца. Детей у него пока нет, да и баронство у него не из больших. Он мне поставляет воинов, несколько рыцарей. Налоги платит. С задержкой, конечно, но все же платит. Обязательства свои выполняет как вассал, а больше мне ничего не надо. Кстати, кинжал, который тебе сделали, этот кузнец как раз живет в его баронстве. Он мне ковал в свое время меч и доспех. Бернард считается одним из лучших мастеров своего дела. Как раз на пути в графство будет и баронство Вальдемара. Он должен прислать мне воинов. Заодно проверишь и его войсковую подготовку.

— Роберт, думаю, Юлиану спугнет такой нежданный и тревожный визит. Может, ей какой-нибудь подарок от вашего имени подарить, чтоб менее подозрительной была?

— Хм, хорошая идея, тогда и ее сестре Анне тоже. Придумай

сам, что можно подарить молодым девушкам. Пройдем ко мне в апартаменты я напишу тебе соответствующие бумаги.

Вернувшись обратно, Роберт уселся вполоборота на свой огромный стул, достал бумагу и начал писать. В этот момент в зале раздались еле слышные шлепки. Вдруг из-за колонны, стоявшей неподалеку, выбежал мальчишка лет пяти на вид. Подбежав к Роберту, обнял его огромную ногу, но ручонки малыша не смогли её обхватить, а Роберт слегка улыбнулся.

Малыш сел на ступню его огромного сапога, Роберт, придерживая ребенка, стал его качать, словно на качелях.

И тут появилась нянька мальчишки.

— Простите, ваша светлость, Людовик становится такой шустрый, что даже не уследишь.

Нянька, забрав мальчишку под пристальным взглядом герцога, спешно удалилась.

— Это мой сын Людовик, его мать умерла при родах, так что… О чем это я? Ах да, письмо.

— Предлагаю подарить им помандеры[3] на золотой цепи. И подарок достойный, и подозрения не вызовет.

— Прекрасно, Ратибор. Займись этим немедленно.

— Ваша светлость! Тут могут возникнуть некоторые финансовые расходы.

— Хорошо, вот тебе сто серебряных на первое время. Этого должно хватить.

Протянув руку в один из ящиков в столе, достал и поставил передо мной небольшой кожаный мешочек на шнурке, после чего Роберт взял бумагу на столе, что-то написал на ней, свернул в конверт, на огарке свечи расплавил и залил сургучом, запечатал своим перстнем.

— Вот возьми, передашь это купцу Андрэ Грасси, он сделает любую ювелирную вещь. Его лавка находится на центральной базарной площади города.

Взяв со стола мешочек с монетами и письмо, я вернулся к

себе в покои, время уже шло к закату. Войдя в комнату, увидел Антуана, спящего на стуле за столом. Толкнул его в плечо, он, проснувшись, вздрогнул.

— Пойдём со мной, проводишь меня к купцу на центральной базарной площади. Заодно покажешь и расскажешь, что тут к чему.

Выйдя из замка, мы вышли на городские улочки, где царила обыденная городская суета. Пройдя немного по одной из центральных улочек, мы вышли на городскую площадь. Обнаружив базар, я был удивлен, сложилось такое впечатление, что он круглосуточный. Время шло к закату, но народ не расходился, а ощущение было, что, наоборот, торговля вот-вот начнется. Антуан указал мне, куда идти.

Неподалёку от центральной площади рынка располагалась лавка купца Грасси. Внутри меня встретил невысокий, грузный мужчина с лоснящейся кожей на лице и тоненькими усиками, темными волосами. На вид лет пятидесяти, одетый в кожаный дублет до колен, с явным недовольством на лице.

— Доброго вечера! Герцог просил вам передать это, — я протянул ему письмо.

Купец, увидев печать герцога Линского на конверте, расплылся в угодливой улыбке. Открыв и прочитав его, спрятал в стол.

— Добрый вечер! Меня зовут Андрэ, чем я могу быть вам полезен?

Вот сука хитрожопая, подхалим. Не люблю таких. Подумал про себя, улыбнулся ему в ответ.

— Герцог сказал, что вы лучший в своем деле и можете изготовить любое ювелирное украшение.

— Да, конечно, для его светлости все что угодно.

— Мне нужно два помандера с несколькими открывающимися отделениями и позолоченными цепочками к ним.

— Хорошо, мои лучшие ювелиры займутся этим сегодня же, но мне нужно для этого несколько дней.

— Хорошо. Сообщите мне, как будут готовы. Я живу во дворце у герцога. Меня зовут Ратибор.

— Непременно. Как будут готовы, я пришлю гонца.

Выйдя на улицу, я подошел к ожидающему меня Антуану.

— Пойдем, немного тебя приодену, а то без слез и взглянуть нельзя. И теперь ты будешь работать на меня, но об этом никому ни слова.

У юноши забегали глаза, его неподдельная радость сверкала на его лице.

— Ваша светлость, я сделаю все, что вы скажете.

Купил Антуану котарди[4] с широкими рукавами и широким поясом, на ноги кожаные полусапоги без каблуков. Приодел немного парня, и мы отправились гулять по городским улочкам. Шли не торопясь, Антуан все разглядывал свои обновки.

— Сэр, эм, ваша светлость, что я могу для вас сделать? — радостным голосом спросил Антуан

— Я должен съездить к графу Алиронскому, и ты, собственно, поедешь со мной. А по дороге в графство мы заедем к твоему

отцу, если ты не возражаешь, конечно, — ухмыльнувшись, сказал я.

— Ваша светлость, как вам будет угодно.

— Ну, вот и договорились. Пойдем уже в замок, а то я чутка устал от сегодняшнего дня.

Мы пришли в свои покои, слуги принесли ужин.

Перекусив, Антуан уже по привычке улегся калачиком возле камина и уснул. Я еще некоторое время сидел в каминном кресле и размышлял о случившемся, о том, как тут очутился, не сон ли это, да и вообще, как такое возможно, после чего побрел в спальню.

Переваривал все, и у меня не укладывалось в голове, оказывается, я наследник князя Померанского Ратибора I. Лежа на пуховой взбитой перине, уснул.

Следующий день я провел в саду, наслаждаясь природой и видами. Слуга принес записку о готовности украшений. Забрав украшения у купца и выйдя на улицу, я осмотрелся и пробормотал:

— Теперь можно и ехать.

Глава 3

Выехав из замка, первым делом мы отправились в баронство Бартон. Дорога пролегала через засеянные поля с разбитой колеёй, накатанной сотнями деревянных колёс, укрепленных железными обручами и утрамбованная копытами лошадей, подкованных и запряжённых в нагруженные скарбом возы и телеги. До баронства добрались уже ближе к закату.

На перепутье дорог, ведущих в Бартон и соседнее баронство, стояли вооружённые люди. Два отряда, они о чем-то спорили и были готовы накинуться друг на друга и устроить бойню.

Первой мыслью было проехать мимо. А потом я вспомнил, что герцог Роберт поделился со мной своей властью, так что я теперь уполномоченное лицо и официальный его представитель.

Ко мне подъехал глава сопровождения.

— Милорд, может быть, стоит вмешаться и предотвратить пролитие христианской крови?

— Может быть, — коротко ответил я. — Будьте готовы вмешаться только, по-моему, приказу.

Спешившись с коня, я расстегнул портупею и снял меч со спины. Я направился в сторону вооруженных отрядов, за мной следовал Антуан.

Подходя к ним, я увидел уже знакомого мне барона Вальдемара Бартонского.

— Здравствуйте, барон, — я улыбнулся ему, хотя моя улыбка была больше похожа на оскал.

— И вы здравствуйте, Ратибор, — он лишь на секунду бросил взгляд в мою сторону, все его внимание было приковано к противникам.

— Что происходит?

— То наше дело, — с напряжением ответил мне барон.

— А так, — достав грамоту с печатью герцога, я её продемонстрировал. — Герцог уполномочил меня следить за порядком и проверить готовность войск в баронствах и графствах, — я немного лукавил, но джентльмены верят друг другу на слово.

Вальдемар сначала скривился, а после указал в сторону своих противников и заговорил.

— Разграбили повозку с продовольствием, а также убили нескольких крестьян, сопровождавших груз. Выживший указал на людей барона Александра Аденского, состоявших в его войске. Данная повозка с грузом одна из многих, предназначалась она к отправке герцогу Роберту Линскому.

Находящийся вокруг нас народ жадно прислушивался к нашему разговору с Вальдемаром, в том числе и противники.

— Это Александр? — я указал на выделяющегося среди противников мужчину.

Вольдемар лишь, нахмурившись, кивнул.

— Александр, что вы скажете в свое оправдание? — спросил я.

Вышел светловолосый парень среднего телосложения, лет тридцати пяти. На нём был кожаный дублет чуть выше колен с узким ремнем на левом бедре, на котором висел невзрачный меч. Было видно, что он передавался по наследству долгое время.

— Мои люди взяли только свою долю, причитающуюся за проезд через мои земли. К тому же его холопы неуважительно отнеслись к моим людям, за это и поплатились головой, — ответил барон Аденский, ничуть не смущаясь.

А в голове начали всплывать воспоминания: опять поборы, дань, убийства безоружных. Кровь начинает приливать к вискам, сердце биться, ускоряясь с каждым мгновением. Я держусь.

— Барон Александр, вы неправы. Данный груз не собственность барона Вальдемара. Этот груз предназначался герцогу Роберту Линскому. За проезд по чужим землям и перевозку взимается плата, поскольку все вы живете в герцогстве Роберта Линского. Таким образом, вы обязаны возвратить все похищенное из повозки и возместить барону Бартонскому потери за убитых крестьян, а также принести свои извинения за убийц, которых вы называете воинами.

Из толпы вышел мужчина, с вынутым из ножен мечом, в стальном нагруднике, кольчуге, крепкого телосложения. Он обратился ко мне:

— Я Стен, начальник стражи барона Аденского. Ты такой смелый, потому что у тебя бумага от герцога? Если один на один, то я докажу тебе, что мы настоящие воины, — нагло прорычал он.

Александр ухмыльнулся. Скрестив руки на груди, сделал несколько шагов назад. Так же отступили и все остальные. Оставшись таким образом в кругу вдвоем.

Сердце колотилось с немыслимой скоростью, и вновь все начало замирать. Видя, как Стен начинает замахиваться мечом, подняв правую руку, молниеносно достаю свой бастард из ножен, сделав выпад на правую ногу. Бью колющим ударом под поднятую руку, где не было никакой брони, поскольку кольчуга была короткая и закрывала только торс. На плечах она лишь свисала.

Слышен еле уловимый треск и хлюпанье телесных тканей. Острие меча вышло со стороны шеи. Медленно, но с

нарастающим темпом из образовавшейся раны на шее прыснула и начала фонтанировать кровь.

Выдернув меч, мой противник простоял лишь пару секунд на ногах и упал замертво. Придя в себя, я увидел ужас и страх в глазах окружающих.

Все отошли еще на несколько шагов назад, кроме Антуана. Он продолжал стоять в шаге от меня, держа в руке поднятые ножны моего полуторного меча. Никто из воинов Александра и Вальдемара не мог произнести ни звука. После чего, как будто сговорились, в один момент подошли ко мне на трясущихся ногах оба барона.

— Кто ты такой? — спросил Александр.

— Ратибор. Проверяю войска на пригодность к войне по просьбе герцога Линского, или ты не слышал? — и я начал давить Александра взглядом, а после продолжил говорить: — У тебя был начальник стражи. Он даже не успел сделать ни одного удара. Думаю, и войско подготовлено отвратительно. Я доложу об этом герцогу. Ну, если больше смелых и тупых нет, то, барон Аденский, выплатите все барону Бартонскому в кратчайшие сроки, а также возместите потерю родным убитых и похороните Стена. Он был хоть и глупым, но храбрым. А вы, барон Вальдемар, доложите мне лично о выполнении обязательств бароном Александром.

Вложив меч в ножны и покинув столь высокое общество взглядом, я вернулся к своим людям, и мы отправились дальше. По дороге меня терзали мысли, ведь я не хотел драться. Но накал уже был слишком велик. Лучше пожертвовать одним, чем полегли бы все. Я только что убил человека. Я следователь, я страж закона. И что со мной произошло. Почему я так быстро принял решение убить? Нет, все верно. Он был убийцей. Убивал невинных безоружных людей. Возможно, он был и насильником.

Въехали в баронство Бартон, и сказать, что я был поражен, — это ничего не сказать. Кругом грязь, вонь испражнений. На городских улицах даже деревянных мостков нет, по которым можно ходить. Да уж, это, конечно, не дворец герцога.

— Обождите нас вон в той таверне. Я выдал пару монет сопровождению, навязанному мне герцогом Робертом. Дождавшись, когда они удалятся, я повернулся к Антуану.

— Антуан, веди нас к кузнецу, — отдал я распоряжение

Кузница располагалась практически на отшибе селения. Удивительно, но рядом с ней было сухо и положены деревянные мостки.

— Антуан, напои и накорми коней, это же твой дом, справишься? — дождавшись кивка от мальчишки, я шагнул в

кузню.

Кузнец, что-то правил на наковальне, и удары молота разносились по всему помещению, ушам аж больно было.

Кузнец не сразу обратил на меня внимание, а я наблюдал за его работой, за четкими и уверенными ударами молота по заготовке. Подняв взгляд и увидев меня, мужик вздрогнул. Его можно понять, он был полностью погружен в свою работу, а тут раз, и вооружённый воин стоит рядом и внимательно на тебя смотрит.

— Тебя ведь Бернард зовут? — и, не дожидаясь ответа, я продолжил говорить. — Мне нужен боевой молот. С ударной стороны сделай зубчатую поверхность, с тыльной же шип в форме вороньего клюва, способного пробить любой доспех с кольчугой. Рукоять не более восьмидесяти сантиметров, справишься?

Он на мгновение задумался, что-то прикидывая, а потом ответил:

— Сделаем. Не первый день в этом деле, но пару дней нужно для изготовления обождать. Уж не серчайте. А откуда вы моё имя знаете, ваша светлость?

— Герцог Линский говорил, что ты ему латы когда-то ковал. Да и мальчонка твой сейчас при мне.

— Слава богу! Я думал, Антуан уже сгинул. Устроил тут, понимаешь, истерику и сбежал, я уж думал, все, не увижу больше сына, — и кузнец расплылся в радостной улыбке, — отдеру его так, что ходить не сможет и все баловство из головы выметет.

Отложив молот, Бернард оперся о стену и продолжил:

— А латы действительно славные герцогу выковали с гравировкой в форме его герба, то бишь со львом. А вы кто будете? Раньше вас не видал, да и не слыхивал.

— Сам я неместный. Прибыл издалека. Сейчас еду с проверкой готовности войск во всем герцогстве. Расскажи о бароне, какой он и как относится к крестьянам.

— Помилуйте, ваша светлость, какое отношение может быть. Вы видели, что творится в городе? Никому дела нет до простых людей, он только налоги собирает, а чтоб помочь или выслушать, так ему некогда. Вон, полгода тому назад у пекаря Флавия, друга моего, дочку в счет налогового долга взял да надругался над ней. А девчонка молоденькая совсем, я ее с пеленок знал.

Она, видно, не стерпела, да и повесилась, как пришла обратно. Жена-то его после этого умерла, больна была, а он сам головой тронулся. На городской площади сейчас побирается.

Да, тут кругом разврат и насилие. Некоторые так вообще безвестно сгинули. В городе пройти невозможно, грязища и говнище. Обращались к нему, так он сказал, что нет средств, но бордель содержать у него средств хватает. Ему неважно, есть у нас деньги или нет, где и как мы заработаем, — и тут он оглянулся и добавил шёпотом: — Ходят слухи, что некоторые, кто не смог уплатить налоги, пропадают вовсе.

— Пару дней, значит, на изготовление. И бордель, говоришь, есть у барона. Хорошо, проверю. Пусть Антуан найдет меня завтра.

Не став дожидаться трогательной встречи отца и сына, я вышел из кузницы. И неспешным шагом отправился на центральную площадь с жестким намереньем проверить, действительно ли барон содержит бордель. Проходя по узким улочкам городишки, почувствовал что-то в своем кармане. Ага, вор.

Резкий разворот через правое плечо, хватаю хозяина руки, находящейся в моем кармане. Вот черт! Это девочка. Совсем маленькая девочка, лет шести. Грязная, худая, неухоженная.

— Дядя, опусти! Отпусти, пожалуйста!

— Как тебя зовут? И где твои родители? — я присел на корточки, не отпуская девчонку.

— Я Берта. Родителей нету. Убили их. А кушать хочется. Живу в заброшенном старом доме вместе с другими детьми, — на лице девчонки испуг начал проходить.

— Отведи меня к своим друзьям. В этот старый дом.

Девчонка замотала головой.

— Не бойся, дуреха, я вас не обижу, честно, — я постарался

по-доброму улыбнуться ребенку.

И маленькая Берта, немного подумав, все же кивнула мне.

Взяв Берту за руку, как отец своего ребенка, я зашагал к заброшенному дому, расположенному недалеко от центральной площади. Зайдя в дом, увидел около десятка маленьких ребятишек примерно от шести до десяти лет, у меня сердце кровью начало обиваться.

Расспросил их, почему они тут оказались, ответили все как под копирку: родителей убили, или они пропали. Воспоминания о жизни в интернате всплывали в моей голове, а меня начало потряхивать. Голод и холод.

Позвав с собой двух мальчишек, самых старших, мы отправились на центральную площадь. Дети постоянно озирались и как будто прятались за мной.

От этого кровь начинала приливать к вискам, а сердце ускоряться. Я держусь. Пожалуйста, не сейчас. Как же мне научиться контролировать это чувство. Вдруг услышал позади голос Антуана, который спешил ко мне. Дети, увидев его, бросились бежать.

— Не бойтесь, это мой друг, — я удержал ребят за плечи, — он ничего плохого не сделает.

Отпустил ребят, они все равно предпочли отойти и держались в нескольких шагах.

Вместе с Антуаном и детьми мы заходили в различные продовольственные лавки, скупая продукты. Я не знал стоимости товара, но на один серебряный пекарь отдал все, что было на прилавке, собрав в два больших мешка и дав сдачу в три медных монеты.

Зашел в соседнюю лавку к мяснику, так же за один серебряный он отдал целый мешок различного мяса, копченого, вяленого. На отданные пекарем монеты у стоявшего напротив торговца приобрели овощи, так же почти мешок.

Мешки были не как в современных магазинах, а настоящие мешки для хранения зерна, литров на сто пятьдесят. За один раз унести все купленное было невозможно, и пекарь предложил довезти все на его телеге.

Все продукты отнесли в заброшенный дом. Дети такому подарку были непомерно рады, набросились на мешки, чуть ли не до драки делили еду. А у меня выступили слезы на глазах.

Неужели в этом виноват барон. Он или с его, так сказать, благословения были убиты родители этих детей. Он лишил их родительской ласки и любви. Надо разобраться. Я просто обязан это сделать.

— Антуан, побудь с детьми. Посмотри, чтоб все было в

порядке, и никто из взрослых не отнял еду у детей. Я в бордель к барону.

Быстрым шагом зашагал в сторону центральной площади, где и располагался бордель. Под ногами хлюпала грязь. Зашел внутрь, уже в холле борделя в нос ударил резкий запах какой-то курительной смеси, мочи, дерьма и пота.

Пытаясь заглушить этот запах, горели свечи с благовониями, отчего запах был еще более отвратительным. Тут же ко мне подошла женщина не очень приятной наружности, от которой просто разило алкоголем.

— Красавчик, может, тебе помочь? — и полезла меня обнимать.

Сбросив её руку с плеча, я скривился.

— Вальдемара ищу, он где? — все-таки я смог ответить, не нагрубив.

— Пойдем покажу, — ответила хрипловатым голосом и пошла в глубь дома, виляя своей задницей.

Поднялся вслед за распутницей на второй этаж, она указала на дверь.

Вошел в кабинет, барон сидел за столом, откинувшись на спинку массивного дубового стула. Хлопнув за собой дверью, барон засуетился, начал как будто что-то поправлять под столом.

— Ратибор, я тебя не ждал сегодня. Александр рассчитается завтра. Я у тебя в долгу за то, что ты сделал сегодня. Еще бы немножко, и началась бы бойня. А ты вовремя появился и спас Александра, ух я бы ему, — и барон потряс кулаком в воздухе. Да ты проходи, присаживайся. Может, вина?

В этот момент из-под стола вылез мальчик лет восьми и убежал из кабинета. Барон встал со стула и затянул ремень на дублете.

Я аж охренел от такого действа, так он и педофил еще! А рука сама потянулась к мечу, так и хотелось зарубить эту тварь. Прикрыв глаза, я пытался успокоиться.

— Ну так что, отужинаешь со мной? Ну что стоишь, как неродной. Проходи.

Меня переполнял гнев. Вот же ублюдок! Извращенец, скотина! Сердце начинает разгоняться. Только не сейчас. Я не могу убить его. Сейчас он барон. Нужно выждать время и подходящий момент. Сев за стол, я налил бокал красного вина. Выпил его залпом и наполнил бокал заново.

— Так как мне тебя отблагодарить? Может, шлюху хочешь? Выбирай любую. Если эти не подходят, могу подобрать и другую, если хочешь, девственницу приведут или мальчика.

Хотелось ответить, что лучшей благодарностью будет твоя

смерть.

Тут барон медленно начал откидываться от стола на спинку стула и издал просто истерический крик. Секунда, и я прихожу в себя. Барон заикающимся голосом спрашивает, что случилось с моими глазами. Почему они стали ярко-белыми, как скорлупа от куриного яйца. Такими же, как тогда, когда я убил Стена.

— Ничего, просто вино у тебя кислятина. Как ты уже знаешь, я приехал с проверкой готовности войск по поручению герцога. Завтра пройдусь по твоим казармам, посмотрю, как твои воины живут. Кстати, почему у тебя в городе свинарник? Постелил бы какие-нибудь мостки, чтоб ходить удобно. А лучше собери крестьян, пусть сделают каменную мостовую вместо части оплаты налогов. А то по уши в дерьме, пока до тебя добрался, чуть не утонул.

— Да ты что! Для кого? Для этого быдла? Пусть спасибо скажут, что я добрый и не требую вовремя налоги и иду на уступки с отсрочкой платежа. Вот Александр, так он насчет этого строг. Если не заплатил вовремя, то выпорет розгами на площади прилюдно.

— А я тоже, по-твоему быдло? — я серьезно на него посмотрел.

— Ну что вы, Ратибор, вы поняли меня превратно, — Вальдемар начал передо мной вилять хвостом.

Допил вино со словами:

— Завтра с утра в казарме увидимся.

Вышел из кабинета барона. Гнев переполнял меня и никуда не делся. На улице уже было темно. Спешным шагом шел к дому, где оставил Антуана. Зашел в дом, дети уже спали. Остатки еды растащили и положили под импровизированные подушки из лохмотьев. Позвал Антуана, и мы двинулись в сторону кузницы.

— У твоего отца на крыше сарая сеновал есть. Он не будет возражать, если я переночую там? Не могу оставаться в этом городе, да и в таверну не пойду, я словно задыхаюсь. Ты был прав, барон та еще мразь. Я помогу тебе его наказать. Кстати, это правда, что дети говорили про своих родителей или просто разжалобить хотели?

— Конечно, ваша светлость. Оставайтесь, ради бога. Для нас это честь. Дети — это сироты на самом деле. Родителей их убили за то, что не смогли заплатить налоги. Или просто барону было так угодно. Это еще не все. Многие сгинули, некоторые ушли в соседние баронства, искать лучшей жизни. А где ее лучшую найдешь.

В кузнице всю ночь раздавались удары молота Бернарда, мешая мне спать.

Утром Антуан пригласил меня в дом на завтрак. На столе стояла овсяная каша и ячменные лепешки, а также травяной напиток наподобие нашего чая. Теперь понятно, почему Антуан так безжалостно уничтожал жареного поросенка в первый вечер нашего знакомства.

Каша с лепешкой мне показалась вкусней, чем все яства в замке у Роберта. Такой рацион был поголовно у всех крестьян, поскольку остальное считалось уже роскошью. Во дворе меня дожидался Бернард, который сидел на большем комеле[5] дерева неподалёку от кузницы. Заметив меня, спешным шагом подошел и сообщил, что молот готов.

Пройдя в кузницу, Бернард достал молот.

Древко молота было около восьмидесяти сантиметров, как я и заказывал, частично изготовлено из металла, рукоять обмотана кожей, очень приятно и удобно лежит в руках. Ударная часть молота напоминала мне современный молоток для отбивки мяса для стейка, только в несколько раз больше, и шипы острее. Тыльная сторона имела форму вороньего клюва, около двадцати сантиметров в длину, и была матового отшлифованного цвета. На щеках имелись какие-то загадочные узоры наподобие рунических символов.

— Ваша светлость, извольте проверить молот. Он пробьет любой доспех с кольчугой или без. Вот вам старый нагрудник с кольчугой.

На столбе, служащем подпоркой навеса кузнецы, висела кольчуга, поверх которой был нагрудник. Ударил что есть силы, острие молота вошло до рукояти, пробив кольчугу и нагрудник, застряв в столбе. Но без особо труда я достал его оттуда.

— Ваша светлость, вы довольны? Есть ли какие-нибудь

замечания или предложения? Между прочим, это столб из высушенного дуба. Не каждый топор может его прорубить.

— Бернард, это просто замечательно. Великолепная работа, я не понимаю, как такой мастер, как ты, может прозябать в этой дыре.

Сняв меч с левого бедра, продел под ремень молот рукоятью вниз. Отдал меч Бернарду, также в довесок десять серебряных монет.

— Антуан, седлай лошадей, — крикнул я мальцу.

— Ваша светлость, не нужно денег. Я молот вам из уважения сделал. И что сына моего непутевого сберегли.

— Оставь себе. Это за старание и скорость.

Оседлав лошадей, двинулись к таверне за моими сопровождающими, а после и к казармам барона Бартонского.

Подъехали к казарме, Вальдемар уже нас ожидал. Сотня бойцов выстроились в пять шеренг по двадцать в каждой, облаченные в кольчуги. У нескольких были нагрудники, в руках держали копья. Спешившись и вынув из-за пояса молот, пошел осматривать это «войско». Где-то из середины строя улавливался стойкий запах перегара. Кто-то с трудом стоял на ногах, переваливаясь с одной ноги на другую.

Вспоминал свою службу в армии, и, глядя на них, у меня проступила легкая ухмылка. Остановившись напротив одного из этих доблестных вояк, размахнувшись, я слегка ударил молотом в нагрудник, немножко помяв его.

— Воин, выйти из строя. Почему ты не отразил атаку?

— Не посмел, ваша светлость. Испугался после вчерашнего, что вы сделали со Стеном. Какой смысл вообще отражать удар, если никто из нас не успеет этого сделать.

— Позорище! А в бою также будешь стоять как корова? Зачем сражаться, мы ведь всё ровно умрем рано или поздно. Вы только и можете, что беззащитных крестьян резать и убивать. Барон, ваше войско не готово к военным действиям. Я доложу об этом герцогу. Разойтись.

Сунув молот в петлю за пояс, я вскочил на коня, и мы галопом полетели из этого проклятого городишки, прямиком в графство Алиронское.

Глава 4

К вечеру того же дня добрались до графского замка. При въезде у главных ворот нас встретил десятник графа Алиронского, сообщив, что хозяин сейчас на охоте и прибудет только через пару дней. Показав грамоту от герцога и пояснив, что приехал с проверкой войск к боевой готовности, десятник проводил нас в замок.

Встретила меня графиня Юлиана, симпатичная девушка двадцати двух лет отроду, с шикарными черными волосами. На лице выделяются миндалевидные глаза насыщенного голубого оттенка, что несвойственно брюнеткам, их обрамляли длинные пушистые ресницы, которые отбрасывали тень на покрытые румянцем щеки. На высоком лбу выделяются темные, изящно изогнутые брови. Тонкий, слегка вздернутый нос придает лицу девушки игривое выражение. Не поспоришь, девушка действительно красива.

Приветливо улыбнулась и протянула руку с тонкими длинными пальцами для поцелуя. Поцеловав ее изящные пальчики, я проговорил:

— Ваше сиятельство, рад знакомству со столь очаровательной особой. Меня зовут Ратибор. Я прибыл от герцога Линского с проверкой войск к боевой готовности. Король, возможно, в ближайшее время объявит войну, а при таких обстоятельствах каждый воин на вес золота. Герцог просил передать вам и вашей прекрасной сестре символический подарок от всего сердца.

Достав из внутреннего кармана дублета две шкатулки с помандерами, передал их графине.

— Как это прекрасно, что деверь помнит обо мне. Какая прелестная вещица. А как давно вы служите у Роберта? Прежде я вас не видела у него. Да и вообще, судя по внешности, вы нездешний. Вы новый начальник стражи герцога?

— Нет, ваше сиятельство. Какой я начальник. И всего лишь выполняю поручение по проверке войск. Прибыл в ваши края всего несколько дней назад. И приехал я, как вы уже подметили, действительно издалека. Я прибыл из Померании.

— Так вы, значит, из тех ужасных мест, где сейчас идут кровопролитные войны. Я наслышана об этом, — с грустью сказала графиня. — А с вопросами о проверке войск лучше говорить с моим мужем, я всего лишь слабая женщина. Но он в настоящее время на охоте, поэтому вам лучше поговорить с нашим начальником стражи. Вас проводят к нему.

Юлиана позвала служанку. В комнату вошла женщина

средних лет.

— Элен, пригласи нам сэра Алена.

Служанка, поклонившись, удалилась. Через некоторое время в зал вошел высокий мужчина крепкого телосложения, в полных доспехах, без шлема.

— Сэр Ален, это господин Ратибор. Он по приказу герцога Линского с проверкой войск на предмет боевой готовности. Вы можете пообщаться на данную тему, а я вас покину. Прошу простить меня.

— Доброго вечера. Пройдёмте во внутренний двор замка, — сказал сэр Ален и указал правой рукой на дверь.

Выйдя в коридор, спустившись по довольно-таки крутой винтовой лестнице, мы оказались во внутреннем дворе замка. Поразительно, с какой легкостью Ален двигался в этой массивной броне. Пройдя мимо конюшни, которая мне показалась просто огромной, мы подошли к казарме.

— Вот тут у нас располагаются солдаты. Сейчас посмотреть всех солдат не получится. На это нужен хотя бы день, чтобы их собрать, поскольку кто-то из них отдыхает, а часть сопровождают графа.

Войдя внутрь, увидел привычную для себя картину. Огромная комната, в которой расположены деревянные кровати на очень низких ножках. Пройдя по казарме и осмотрев условия содержания солдат, я вернулся во двор.

Где договорился с Аленом о размещении моего сопровождения.

А в замке слуги вовсю суетились, накрывали на стол в большом зале. Меня проводили в выделенную мне комнату. Откинувшись на спинку кровати и поглядывая на огонь в камине, уснул, не дождавшись ужина.

Проснувшись утром и позавтракав, вышел во двор замка, где меня ждал Антуан. Побродив по территории замка, мы отправились в город. Гуляя по центральным улочкам, наблюдая за людской суетой. Всё как и везде в больших городах. Всё-таки приятно ходить по относительно чистым и мощеным улицам, не то что в баронстве Бартон, где грязь по колено.

Неспешно прогуливаясь, мы подошли к центральной площади города, где в основном и происходят все события. Тут в толпе людей я увидел Юлиану. Она стояла в компании девушки, такой же приятной на внешность и двух молодых парней высокого роста, коренастых и достаточно богато одетых. На слуг они явно были не похожи. Как выяснилось позже, девушка — это сестра Юлианы. Ее звали Анной, ей был на тот момент двадцать один год. Она была невысокого роста. Худая, хрупкая и бледная, со

слегка округлым лицом, рыжевато-золотистыми волосами. Ее зеленые глаза были обычно опущены вниз, но, когда она их поднимала, они казались необычайно большими.

Они стояли и о чем-то разговаривали. Попросив Антуана встать передо мной, заслонив таким образом меня от прекрасных глаз Юлианы, повернулся к ним вполоборота, чтобы подслушать их разговор.

— Милейшая Юлиана, ответьте же мне, кто вам и прекрасной Анне подарил эти бесподобные украшения? Я не знаю, как насчёт Филиппа, но у меня внутри просыпается ревность, поскольку я больше чем уверен, это подарки не вашего мужа Карла или же мужа Анны. Поскольку еще вчера на вас их не было, а мужья ваши два дня как на охоте.

— Горден, я уже вам говорила, что это подарок от очень богатого и могущественного мужчины. Что вы еще хотите знать?

Сестры хихикнули враз.

— Вы уже слышали про ведьму? Сэр Ален мне сегодня утром сказал, что все решится сегодня ночью. Я, конечно, не хочу туда идти и смотреть на этот ужас. А вы пойдете? — спросила загадочным голосом Юлиана.

— Я, возможно, и сходил бы, но есть и другие планы, — ответил Филипп.

Достав клочок бумаги из кошеля, Анна вручила его Филиппу. Повернувшись, сестры пошли в сторону замка, а красавцы-парни остались стоять на месте. Прочитав обрывок бумаги, Филипп взял за руки Гордена и с горящими глазами сказал:

— Сегодня! Сегодня мы вновь встретимся. Как долго я этого ждал.

Скомкав обрывок бумаги, он положил его в правый карман камзола. Филипп вместе с Горденом с горящими глазами и улыбками до ушей отправились в противоположную сторону от уходящих девушек.

Я посмотрел на Антуана и сказал:

— Ты видел, что он положил в карман. Достань мне это. Я буду ждать тебя здесь.

— Постараюсь, — и Антуан ринулся за ними.

Догнав Филиппа, сделал вид, что его толкнули, сунул руку в карман и достал заветный кусок бумаги. Извинившись, Антуан развернулся и быстрым шагом подошел ко мне и передал записку. В ней было написано: «Сегодня в полночь в том же месте». Интересно, что они задумали. Может, действительно какой-то заговор, как и говорил Роберт. Нужно это проверить.

Идя по улице с размышлениями о том, кто эти парни и как они оказались рядом с графиней и баронессой, мы с Антуаном

дошли до ворот, которые вели за пределы города. Выйдя наружу, мы немного прошлись и оказались на поляне, в центре которой стоял высокий столб. Вокруг поляны был непролазный лес, в котором где-то куковала кукушка. Вдалеке за поляной над кронами деревьев виднелась старая заброшенная сторожевая башня, выходящая на берег реки.

Постояв несколько минут, полюбовавшись на данную красоту, побрели в замок графа. Проходя мимо конного двора, я увидел две знакомые фигуры. Вернувшись назад и зайдя в казарму, увидел сэра Алена, нервно ходящего то в одну, то в другую сторону. Завидев меня, он подошел.

— Доброго вам дня, Ратибор, чем я могу быть вам полезен? — обратился ко мне начальник стражи.

— Добрый день, сэр Ален, вы чем-то встревожены? — уточнил я.

— Нет, все хорошо, просто нервничаю перед проверкой своих войск. Не хотелось бы ударить в грязь лицом.

— Сейчас возле конюшни видел двух парней в светлых камзолах, кто они, не подскажете? Сегодня видел их в городе, один из них обронил кошель. Попытался догнать, но они скрылись в толпе людей, а тут вот удача. Хотелось бы знать, как к ним обратиться и вернуть потерянную вещицу, — с интересом спросил я.

— Это наши конюшие[6], два брата Филипп и Горден Даттон. В этом замке конюшим служил еще их отец, царствие ему небесное, да простит меня господь. Умер от пьянства. Ну а братья заняли его место, надо отдать должное, они хорошо справляются со своим делом, граф с графиней всегда довольны их работой, — ответил Ален.

Поблагодарив сэра Алена, я вышел на двор. Братьев уже не было видно. На входе в замок нас встретили слуги и предложили пройти в покои, так как до ужина было далеко. Поднявшись на третий этаж, войдя в комнату, я был удивлен, что окна выходили как раз во внутренний двор, а также было видно конюшню. Вчера вечером не представилось возможности рассмотреть вид из окна, поскольку было темно, да и особо некогда.

С наступлением вечера я вышел во двор, взяв с собой Антуана. Мы отошли в сторону, дабы не привлекать к себе лишнего внимания. Дождавшись братьев, мы незаметно последовали за ними. Выйдя за стены замка, братья повернули налево, в чащу леса, а не в город. Было немного подозрительно, но тем не менее мы последовали за ними. Дойдя до пруда, через мост которого мы переезжали, у главных ворот замка обнаружили что-то наподобие пристани для лодок. По разводам на воде на

пруду было видно, что лодка с Филиппом и Горденом уплыла в сторону заброшенной сторожевой башни. Медленно, не создавая плеска от весел, подплыли вслед за ними к башне. Братьев уже не было. Лодку пришлось убрать в зарослях, чтоб не вызвать подозрения в случае внезапного появления кого-либо.

Оставив Антуана рядом с лодкой, я поднялся по развалинам наверх, вслед за братьями. Зайдя в коридор, соединяющийся с башней, услышал раздающиеся легкие шаги. В дверях показались сестры. Я же оставался в тени широкого коридора, в котором присутствовал шлейф благовоний помандеров Юлианы и Анны.

Братья Даттон уже сидели в зале, середина которого ярко освещалась костром, а также несколькими факелами на стенах. Филипп, заметив Юлиану, подошел к ней, но тут же остановился, увидев помандер на груди.

— Что с тобой, милый Филипп? Разве нынче вечером ты не чувствуешь себя счастливым? — спросила Юлиана.

— Конечно, чувствую, но эта штука у тебя на груди не дает мне покоя. Кто ее тебе подарил? Видно, что не простой человек, а явно с хорошим вкусом и очень богатый, — ответил Филипп ледяным тоном.

— Неужели ты до сих пор не понял, что я тебя дразнила? Нам его подарил действительно богатый и влиятельный человек, но ни одна из нас с ним не спала и тем более не любит его. Но не спрашивайте, кто он. Вам этого не нужно знать. Дарю тебе этот несчастный помандер. Надеюсь, теперь ты успокоишься. Это действительно дар любви, но предназначается он тебе. Мне ничего не жалко для моего хорошего, любимого Филиппа. Впрочем, посмотри сам, и у Анны точно такой же.

Юлиана, сняв с себя украшение и подойдя к Филиппу, надела его ему на шею, поцеловав жарким поцелуем.

Анна сидела в темном углу зала. Горден осыпал поцелуями ее шею и руки. И эти двое уже не обращали внимания на Юлиану и Филиппа. Горден целовал ее, словно изголодавшийся. Словно его держали в плену, не пуская к ней, а теперь он вырвался на свободу. С мужем, бароном Ге́генским, она такого никогда не испытывала.

Правой рукой Горден развязал шнуровку платья Анны на спине, левой же удерживал ее голову, целуя шею. Медленно сняв с нее платье, он играл ее грудями, трогая то одну, то другую, и попеременно лаская их губами. От удовольствия Анна запрокинула голову. А Горден стянул с нее платье, и его рука скользнула к животу и ниже, между расставленных ног.

Да и Юлиана с Филиппом не отставали, проявляя чудеса.

— Так это прелюбодейство, супружеская неверность, а не

какой-то там заговор, — прошептал я себе под нос.

Меня отвлек раздавшийся крик вдалеке. Обернувшись, я увидел сквозь деревья около пятидесяти вооруженных человек с горящими факелами, идущих к центру поляны, где сегодня я побывал. Начали подходить еще люди. Некоторые даже с детьми. Они становились за спинами людей с факелами.

Через некоторое время люди расступились, и к столбу подъехали две повозки, одна из которых для перевозки людей. Из второй повозки люди в длинных мантиях достали ящики с ручками по бокам и поставили под основание столба. Ящик обложили хворостом и дровами, а из повозки вывели девушку. Подведя к столбу, ее подняли на ящик и цепями заковали руки за спиной, вокруг столба.

Услышав голоса, Юлиана попросила Филиппа залить водой костер, горевший в середине зала, а также затушить пару факелов, чтоб с поляны их не заметили.

Толпа замерла. Подойдя к девушке, мужчина в красной мантии и капюшоне спросил ее:

— Последний раз спрашиваю перед всеми присутствующими: отрекаешься ли ты от сатаны и веруешь ли ты в Христа? Ответь, ибо ты будешь сожжена над коробом с живыми котами, и твоя душа никогда не попадет на небо, ибо она будет уничтожена. Очисти свою душу, дай ей бессмертие.

Его голос в тишине разлетался далеко, и его можно было услышать.

Девушка на это ничего не отвечала и стояла молча.

— Вы все свидетели. Этой несчастной был дан шанс отречься от сатаны, но она этого не сделала. Тем самым она признала себя ведьмой. Факел! — вскрикнул мужчина в красной мантии

Взяв факел в руку, мужчина начал поджигать хворост вокруг столба. В этот момент в круг въехали два всадника. Человек с факелом как будто их не замечал и продолжал поджигать хворост. Спешившись, всадники подошли и уселись на стулья, приготовленные для них заранее, и стали наблюдать за происходящим.

Огненное пламя взмыло вверх, обхватив девушку, словно страстный любовник. Раздался нечеловеческий рев, это горели коты в коробке, на котором стояла девушка. Кто-то из стоящих зевак бросился в ближайшие кусты, не сдерживая рвоту. Кто-то просто убегал. Языки пламени облизывали ноги девушки, превращая их в черные обугленные головешки.

И тут раздался громкий пугающий голос горящей девицы, как будто из самой преисподней:

— Граф Алиронский! Инквизитор Конрад Милфорский.

Воздастся вам справедливая кара! Будьте вы прокляты и род ваш до тринадцатого колена!

Пламя закрыло рот и заглушило последний истошный крик девушки. Тело ее, перегнувшись пополам, бессильно повисло на цепях. Люди, смотрящие на это, бросились врассыпную от ужаса.

«Вот ведь твари, нелюди. Как можно за отказ принять веру в бога признать еретиком! Да в мое время половину земного шара можно так сжечь», — подумал я про себя.

В гневе я спустился вниз, к месту, где должен был ждать Антуан с лодкой. Но его на месте не было. Это меня еще больше разозлило. Уже светало. Вдруг из башни вышли братья Даттоны. И мне пришлось спрятался за небольшим кустом. Спустившись к пруду, так же не обнаружив лодки, братья пешком через лес по тропинке пошли в замок. Филипп и Горден шептались и посмеивались.

Я шел за ними на достаточном расстоянии, не давая себя обнаружить. Вдруг спереди и сзади Филиппа и Гордена окружили шесть вооруженных людей. Трое накинулись на Филиппа, повалив его на землю, пытаясь отобрать украшение, подаренное ему Юлианой, а также другие ценности. Еще трое окружили Гордена, который успел выхватить кинжал и не давал нападавшим к себе приблизиться.

В голове промелькнула мысль: «Я их застал за любовной связью с сестрами. Если их сейчас убьют, ничего из этого хорошего не выйдет. Да и графиня с баронессой выйдут из этой истории мягкими и пушистыми». Сердце начинает разгоняться, кровь у висков уже бурлит, опять все вокруг начинает замедляться.

В один миг я возле Филиппа. Взмах меча, и у одного из нападавших усевшегося сверху Филиппа и пытавшегося отобрать украшение, нет головы. Филиппу в лицо хлынула горячая кровь. Обратным движение меча стоящему у ног Филиппа грабителю с ножом рассекаю грудь от ребер до ключицы. Он верещит от боли, он еще жив, но уже в скорости станет безжизненным куском мяса. Колющим ударом в спину добиваю третьего, который сидел на правой руке Филиппа и держал ее.

Пару быстрых шагов и вот я возле Гордена. Оказавшись за спиной одного из трех окруживших его, ударом меча разрубаю от правого плеча до середины спины. Он замертво падает. В этот момент его внутренности вываливаются наружу. С большим трудом я останавливаюсь. Поскольку оставшиеся двое нападавших упали на спину от страха и кричали: Пощади!

Постояв еще несколько секунд глядя на них,

— Пшли вон, — вырвался из меня рык.

В мгновение их след простыл. Повернув голову в сторону братьев, увидел, как их мучает рвота от всего этого, произошедшего минуту назад.

— С вами все в порядке? Вы не пострадали? — спросил я у братьев.

— Господин, спасибо вам огромное. Если б не вы, то нас бы точно убили. Кто вы такой и как это так быстро двигались, мы даже не заметили?

— Я, Ратибор, прибыл недавно по поручению герцога. Вот только застал это дикое, бесчеловечное зрелище с сожжением девушки. Может вы мне ответите, что это было, и за какие такие грехи сожгли ее?

— Ее обвинили в колдовстве. Она была ведьмой. Готовила отвары различные из трав. Говорят, что были травы любовные и приворотные, а были и от которых богу душу можно отдать, — ответил Филипп.

— Так это не ведьма. Это лекарка, врачеватель, травница. Откуда я прибыл, таких полно. Так что, всех их жечь? А зачем под ее ногами коробку с котами поставили? — спросил я у братьев

— Это для того, чтоб ее душа не смогла переселиться в кого-либо и умерла вместе с ней на костре, — утираясь платком, ответил Горден.

— Большего бреда в жизни не слышал. А вы, господа, в такое время, да еще с такими дорогими украшениями, по лесу ходите — я посмотрел на помандеры, висящие на шеях у братьев. — Кстати, вы знаете, кто это такие? — указав на лежащих мертвых бандитов спросил я.

— Не знаем, но слышали про них. Это грабители, они в основном грабят крестьянские обозы в баронствах Бартон, Аденск и Гегенск. В живых никого после себя не оставляют, но среди них нет их главаря. Это всего лишь его прихвостни.

— В Бартоне, значит. А откуда тогда такие слухи, если никого в живых не оставляют, — ухмыльнувшись посмотрел на перепуганных братьев. — Ну да ладно. Вы бы в таком виде в замок лучше не ходили, — указал на Филиппа. Сначала отмойтесь от крови в пруду. Да и от этих товарищей лучше избавьтесь, чтоб лишних вопросов никто не задавал. Может, еще увидимся. Бывайте, — махнув рукой, я пошел через лес в сторону замка.

Идя по лесу, внезапно задумался. Что со мной происходит и почему, когда на меня накатывает гнев, все как будто замедляется, либо мне это всего лишь кажется. Почему я так жесток в этом состоянии? Я ведь никогда таким не был. Но это я там Дмитрий Громов или просто Гром, а тут я Ратибор, мечник и

жестокий безжалостный убийца. Выходит, так? Почему мне сложно себя контролировать в этом состоянии?

Добрался до входных ворот замка, меня встречал Антуан. Встав на одно колено, запричитал:

— Ваша светлость, простите, я вас ждал. А там шестеро возле башни бродили, вот я и увел обе лодки, чтоб не заподозрили, что кто-то в башне есть.

— Ты все правильно сделал. Идем. Поздно уже или, наоборот, рано.

***

Проснувшись ближе к обеду, плотно перекусили. Я, сделав зарядку, попросил слугу доложить графу о моем приезде с просьбой об аудиенции.

Через некоторое время слуга сказал, что граф ожидает, и попросил следовать за ним. Пройдя вдоль длинного коридора и спустившись по лестнице на второй этаж, мы оказались в просторном и очень светлом кабинете. Стены которого были украшены головами различных животных и чучелами птиц. За широким письменным столом меня встретил Карл граф Алиронский. Среднего роста, худощавого телосложения, светлые волосы, тонкое вытянутое лицо со впавшими глазами. Сходства с Робертом, герцогам Линским, вообще никакого.

Поприветствовав графа, протянул ему письмо. Карл прочитал его бегло и поднял на меня глаза с вопросительным видом.

— С сэром Аленом договорились об осмотре на сегодня. Вы будете присутствовать?

— Я думаю, сэр, Ален вам все покажет без меня. Так что прошу меня простить.

Поклонившись, я вышел во внутренний двор, где меня уже ожидал сэр Ален. Поприветствовав друг друга, отправились к казарме. На площадке между казармой и конюшней стояли тридцать рыцарей в полных доспехах, сверкающих на солнце. Позади них около ста лучников и около двухсот пехотинцев, одетых в кольчуги с копьями и алебардами. Пройдя между рядами, сделал вид, что осматриваю бойцов, все как один подтянутые, физически развитые мужчины. Да уж, это не войско Вальдемара. Поблагодарив за подготовку сэра Алена, вернулся к кабинету графа.

— Ваше сиятельство, окажите любезность. Я напишу письмо герцогу о проведенной проверке, а вы могли бы запечатать его своей печатью для более оперативной доставки?

— Да, разумеется. Вот вам бумага, вот чернило и перо, — сказал тихим томным голосом граф.

Взяв бумагу, написал следующий текст:

Проверка завершена полностью. Можно принимать как можно скорей. Ратибор.

Карл бегло пробежался по тексту письма. Свернул его в конверт, залил сургучом и запечатал перстнем в форме щита, на котором расположен крест.

— Благодарю вас, ваше сиятельство. Могу ли я остаться в вашем прекрасном замке и дождаться ответа герцога?

— Разумеется, оставайтесь, — так же томно пробормотал Карл.

Найдя Антуана, вручил ему письмо.

— Головой отвечаешь за это письмо. Скачи в Линск. С печатью графа тебя никто не должен остановить. Письмо лично герцогу в руки и жди ответа на словах или так же в письме.

Антуан схватил письмо, сунул внутрь дублета и без слов побежал по винтовой лестнице вниз. Из окна видел, как он бежал в конюшню, после чего верхом на сером скакуне галопом пронесся по двору, оставив после себя только столб пыли.

Глава 5

Ожидая ответа от герцога, я изучал местные окрестности. Гулял по саду, а из головы не выходили мысли: почему я здесь оказался? Как мне научиться контролировать способность.

Я прожил в замке графа неделю, а наутро восьмого дня в окно комнаты увидел въезжающую карету герцога, а также его охрану из пятидесяти тяжеловооруженных всадников. Встречать вышли граф Алиронский и барон Гегенский, также гостивший у графа после совместной охоты.

Распахнув дверь кареты, из нее вышел герцог Роберт собственной персоной, после чего карета отпружинила. Ощущение было такое, что она перевернётся на другую сторону. Гигант возвышался над всеми его встречающими.

Приоткрыл окно, услышав разговор.

— Брат, что же ты без предупреждения, мы бы хоть приготовились, — вялым голосом спросил Карл.

— Извини, брат, но такая ситуация, что каждый гонец на вес золота, — отмахнулся Роберт. — Так что проще самому.

Под руководством братьев Даттон конюхи начали принимать поводья у сопровождения герцога и уводить коней в конюшню, туда же и отогнали карету, чтоб привести в порядок.

Роберт заметил висящие на шеях Филиппа и Гордена помандеры, но виду не подал. Лишь проводил братьев долгим взглядом, да и по выражению лица было видно, что герцог Линский все понял.

— Я получил письмо, о том, что твое войско едва ли не лучшее в моем герцогстве, хвалю. — обратился герцог к своему брату.

Барон Гетенский же предпочел уйти за спину графа и не мешать родственникам общаться.

— Пригласишь меня в дом или тут заставишь стоять? И где моя невестка Юлиана? — рассмеялся Роберт. — Ну и твою ненаглядную красавицу жену Беннет тоже хотелось бы повидать, а то все дела и дела. С похорон моей любимой Эльзы не виделись, а это, почитай, три года тому назад было, даже и не заедете в гости, — и Роберт грустно вздохнул.

Медленным шагом троица брела в замок, позади них шел сэр Ален вместе с сопровождением герцога.

Спустившись из своей комнаты на второй этаж, я направился в кабинет Карла.

В небольшой зале возле кабинета графа на мягком диванчике расположились сэр Ален и пару знакомых мне людей, которых я

видел в дворце Роберта. Кивнув им, я сел рядом.

А из-за закрытых дверей кабинета графа был слышен разговор.

— Ну, так вы покажете мне своих жен, или они до сих пор не могут прийти в себя от моего подарка?

Воцарилась тишина.

— Какого подарка? — раздался голос Беннета

— Вот чертовки, значит, скрывают до сих пор. Наверное, не надо было говорить, пусть бы оставалось тайной.

Из коридора раздавались звонкие голоса Юлианы и Анны, которые шутили и смеялись. Они пропорхнули мимо нас, даже не обратив внимания, сразу в кабинет графа.

— Дорогая, почему ты не показывала подарок, который тебе сделал герцог? — спросил барон.

— Да и мне тоже интересно, что же подарил брат моей супруге, — промямлил граф.

В кабинете повисла гнетущая тишина.

— Ваша светлость, мы их оставили в сторожевой башне, когда ходили на ночную молитву, мы сейчас принесем, — нервным голосом проговорила Анна

— Да ладно, чего уж там, вы женщины такие копуши, — со смехом произнес Роберт, — я вас так давно не видел, соскучился, а вы уже бежать собрались. Сэр Ален, распорядитесь позвать двух красавцев, что командовали конюхами, когда я только подъехал, — выглянул Роберт из кабинета.

А мне герцог махнул рукой. Пройдя в кабинет, я увидел растерянность и испуг на лицах Анны и Юлианы. Стараясь не отсвечивать, я встал в угол.

Через минуту братья Даттон вошли в кабинет графа. Меня они не заметили, поскольку я стоял в стороне и, когда они вошли в кабинет, оказался у них за спинами. И герцог сразу взял быка за рога:

— Позвольте поинтересоваться, господа, — произнес он с иронией, — вот эти украшения у вас на шеях, где такую прелесть можно найти? — спросил Роберт

— Это подарок любви, — звонко ответил Филипп, его даже не смутило испуганное выражение лица любовницы.

— Подарок любви, говоришь, а ведь именно эти «два подарка любви» я преподнес Юлиане и Анне. Их передал мой дорогой друг, приехавший с проверкой ваших войск, — с каждым словом в глазах Роберта разгоралась ярость, и последние слова он прокричал.

— Ратибор, ведь именно эти помандеры ты подарил Юлиане и Анне? — произнес Роберт, уставившись на меня.

Братья обернулись и увидели меня. В их глазах я увидел страх и безысходность.

Филипп сглотнул слюну и спросил:

— Это вы?

— Да, это я. — Сделав пару шагов вперед, подошел ближе к братьям: — Да, это, безусловно, помандеры, которые я привез в подарок Юлиане и Анне по просьбе его светлости герцога Линского. Их изготовил ювелир Андрэ Грасси, при необходимости можно представить их ему для подтверждения и опознания.

Размахнувшись, герцог засадил кулаком по столу, так что был слышен натужный скрип древесины, и столешница проломилась.

— Стража!!! — заревел Роберт.

В кабинет, звеня доспехами, влетел сэр Ален.

— Заковать в кандалы и увести в темницу этих двоих, — справившись со своим гневом, проговорил герцог.

Тут же раздался истеричный плач сестер, и они обе бухнулись на колени и поползли в сторону Роберта, умоляя о пощаде. Не церемонясь с братьями Даттон, стража их скрутила, они даже шевельнуться не успели, как очутились в кандалах. После чего их увели прочь из кабинета.

— А вы, мои голубушки, будете сидеть под арестом до вынесения вердикта о вашей виновности или невиновности. Сэр Ален, проводите графиню и баронессу в башню и поставьте круглосуточную стражу возле дверей, — спокойно проговорил Роберт.

После того как стража увела сестер, в кабинете остались герцог, граф, барон и я, изображающий из себя предмет интерьера.

— Как же так, брат? — дрожащим голосом проговорил Карл. — Ты уверен?

— А вот так, брат, ты в собственном доме не смог уследить за супругой и обеспечить её верность. Да, уверен, а ты так, что ли, и не понял? — со злостью бросил Роберт.

— Может, тогда не стоит придавать это огласке и устраивать суд? — с надеждой спросил Карл.

— Надо, наша честь была попрана какими-то конюшими, прости господи, — и герцог перекрестился.

— Для организации суда стоит сообщить о случившемся графу Валерианскому, все-таки Юлиана и Анна его дочери. И данное дело касается в том числе и его чести тоже, как вы считаете? — проговорил барон Беннет, он был серьезен и что-то обдумывал.

— Непременно, сегодня же послать гонца к графу, — рявкнул Роберт. — Сейчас напишу письмо, и отдадите его гонцу, который прибыл со мной. Антуан, кажется, его зовут, смышленый парень, быстро доставит. Герцог начал искать писчие принадлежности в кабинете, и я решил воспользоваться этим моментом и удалиться.

Выйдя из кабинета, я спешно направился в свою комнату. Войдя, увидел Антуана, ожидавшего меня, сидя за столом. Перед ним стояла еда, которую он нервно ковырял.

— Ты где так долго был, почему не предупредил, что герцог едет со свитой?

— Простите меня, ваша светлость, возникли независящие от меня обстоятельства. Вы сами просили, чтоб я ждал ответа в письме или на словах. Меня сначала вообще не хотели пускать в замок, только когда я показал печать графа и пригрозил им, они сдались. Да и герцог меня не сразу принял. После прочтения письма он пришёл в ярость, я думал, он меня там же убьет. Сказал, чтоб я ожидал в комнате, в вашей комнате. Я прожил там два дня, а после мы выдвинулись сюда к вам, так что я не мог вырваться, — нервным голосом спешно ответил Антуан.

— Сядь перекуси, сейчас опять в дорогу поедешь. На этот раз к графу Валерианскому с печатью герцога, так что там тебя точно никто не задержит.

За один присест Антуан съел копчёного каплуна и запил бокалом вина, утерев рукавом рот, в дверь постучал и вошел сэр Ален.

— Письмо необходимо доставить как можно скорее в графство Валериан. Это поручение герцога, — отчеканил рыцарь.

Антуан, взяв письмо, сунул его внутрь дублета и выскочил за дверь. Из окна я наблюдал, как он вскочил на всё ту же лошадь, на которой и приехал, и умчался.

Через некоторое время за дверью послышались тяжелые шаги Роберта. Дверь распахнулась, и вошел герцог.

— Ну, ты молодец, красиво придумал, а главное, оригинально. Расскажи мне все подробно, — с явным интересом спросил Роберт.

— Здравствуй, Роберт, — на что получил задумчивый кивок. Устроившись поудобней в кресле, я начал рассказ: — Я предполагаю, эта связь длилась на протяжении длительного времени. Юлиана и Анна тайно встречались с братьями Даттон в старой сторожевой башне, на берегу пруда недалеко от замка. Я их там и застал в процессе прелюбодеяния. Пользуясь тем, что граф и барон друзья и особо не уделяют время своим красавицам-женам, сестрички брали с собой на прогулку в качестве провожатых молодых красавцев-конюших, это, я так понимаю,

здесь не запрещено, ну а ночами, когда отсутствовали граф и барон, они ходили в башню.

— Вот ведь шлюхи. Они опозорили этой связью семью, и меня в том числе, — и Роберт в порыве злости вновь ударил по столу кулаком. Мой стол оказался менее крепким, чем графский, и столешница мгновенно надломилась. А Роберт лишь потер ушибленный кулак. Да на него никаких столов не хватит, — подумал я, слегка ухмыльнувшись.

Отстегнув с пояса кожаный мешочек с серебряными монетами, который мне дал герцог у себя в замке, я протянул его Роберту.

— Это остаток, столько денег мне не понадобилось, тут около семидесяти монет, так что возьмите, — я прокомментировал свои действия.

Тут раздался хохот Роберта, словно гром.

— Лишние? Лишние? А ты умеешь рассмешить даже в такой час. Деньги никогда не бывают лишними. Это я тебе как властитель герцогства говорю, их, наоборот, всегда не хватает. Это была лишь часть, так сказать, на расходы, а вот это тебе уже за работу.

Герцог отцепил кожаный мешок от пояса и бросил мне. Я ловко схватил его на лету левой рукой. Мешок был достаточно увесистый.

— Это честная плата. Эх, лучше бы заговор какой, чем вот это все, — протянул задумчиво Роберт

— Кто-нибудь еще, кроме тебя, знает о графине и баронессе и их любовниках?

— С моей стороны явно никто, кроме вас, графа и барона, со стороны братьев Даттон и сестер, полагаю, что тоже никого, поскольку, если б кто-то еще об этом знал, рано или поздно все равно проболтался бы. Такое в тайне сложно сохранить. Хотя, возможно, кто-то из слуг и знал или видел что-то.

— Что ждет Филиппа и Гордена Даттон и Юлиану с Анной, как все закончится?

— Их судьбу решит совет, после того как получат признание от братьев Даттон. Ну а на сегодня, пожалуй, хватит разговоров. Ты тоже отдыхай, впереди еще много работы, — ударив ладонью по колену, Роберт встал и пошел в свою комнату.

Сидя вечером у камина и попивая вино, я размышлял о сделанном. Может, мне надо было позволить бандитам в ту ночь ограбить и прирезать братьев Даттон, тогда бы никто ни о чем не догадался. Но все равно при первом визите в графство герцог бы справился о его подарке, и тогда было бы то, что было.

А может, надо было предупредить графиню, но она ведь не

верна своему мужу, а это грех. Нет, я все верно сделал, они все виновны. Братья Даттон виновны в том, что соблазнили замужних дам, да еще и более знатных. Они не дети и прекрасно должны были знать, с каким огнем играют. А Юлиана с Анной — в неверности своим мужьям.

Утром после привычной зарядки и завтрака решил прогуляться по окрестностям графского замка. Фруктовые сады завораживали. По периметру располагался искусственный водоем шириной не более трех-четырёх метров, периодически встречались мостики. Дорожки вдоль водоема выложены из камня. В центре сада располагался фонтан, рядом с которым стояли беседки. Так, бродя по прекрасным окрестностям замка, я вышел к невысокому и мрачному зданию, это была темница и пыточная для узников. Это здание соединялось подземным ходом с замком графа.

***

Лежавшие на сыром и грязном полу в камере братья Даттон познали все мучения, которые могли обеспечить им местные палачи. Еще вчера они были красавцами с темными кудрявыми волосами, в светлых камзолах, а сейчас они лежат в грязи избитые и презираемые. Их было не узнать, лица превратились в сплошную незаживающую рану от побоев и пыток. У них не было даже сил стоять на ногах. Палачи подвесили их за кандалы на кроки, торчащие из стены.

Разумеется, братья отрицали любовные связи с графиней Алиронской и баронессой Гегенской. Но спустя несколько дней палачи смогли выбить признание из молодых конюших.

Вечером шестого дня после приезда герцога Линского в графство въехал кортеж графа Генриха Валерианского. Выйдя из кареты, граф сразу же направился в зал, где уже был собран совет.

— Где мои дочери? Я желаю их видеть, — сказал нервно Генрих присутствующим благородным господам.

— Успокойтесь, ваше сиятельство, ваши дочери в башне. С ними пока все в порядке. Присядьте за стол, — на удивление спокойным голосом ответил Роберт.

— В чем они виновны, и какие доказательства есть? — тем же нервным голосом спросил граф Валерианский.

— Вот протокол допроса, в котором указано, что братья Даттон сознались в прелюбодействе с вашими дочерями, Юлианой и Анной, — протянув документ графу, сказал герцог

Линский.

Прочитав документ, граф Валерианский, опустив глаза в пол и нервно поглаживая пояс, сказал:

— Я хочу услышать своих дочерей, и как можно скорей.

Роберт кивком дал понять сэру Алену, чтобы тот проводил графа в башню к дочерям.

— Ратибор, помоги сэру Алену и проводи графа в башню.

Откланявшись, наше трио отправилось в башню, где содержались графиня с баронессой. Впереди шел сэр Ален, а я шел за графом.

Передо мной шел высокий, но сутулившийся мужчина сорока пяти лет с худощавым лицом и тонким длинным носом, со светло-голубыми глазами. Виски его уже были покрыты седыми волосами, а на макушке пробивалась лысина.

Он шел, уткнувшись взглядом в ноги сэра Алена, и как будто вокруг ничего не замечал. Дойдя до башни, мы поднялись на самый верх, сэр Ален распорядился открыть двери, и мы вошли в большую комнату, в которой располагались всего две кровати и стол.

— Отец, — вскрикнула Юлиана и со слезами бросилась ему на шею.

Следом подбежала Анна и обняла отца. Обе дочери стояли и плакали. Граф Генрих прижал их головы и поцеловал по очереди в макушки.

— Что вы натворили, дочери мои, рассказывайте все как есть, иначе я помочь вам не смогу. Это правда, что я слышал, что мне сейчас сказали? Вы вступили в связь с этими мерзавцами конюшими? — прошептал граф, и из его глаз упали слезы на головы дочерей.

Юлиана подняла заплаканные глаза на отца:

— Да, отец, это правда. Я люблю Филиппа Даттона. С ним, в его объятиях, я самая счастливая женщина на свете. Ты выдал меня замуж за человека, который даже спит в другой постели. Мы были близки с ним последний раз около года назад, он отвратителен мне.

— Я тоже не люблю своего супруга, он мне противен. В постели он ничего не может. Он на охоте проводит времени больше, чем со мной. А мы, женщины, хотим любить и быть любимыми, — истерично завопила Анна.

— Дочери мои, я вас выдавал замуж за самых богатых и уважаемых людей нашего герцогства, а не за любовников. Вы понимаете, что натворили? Вас за это могут казнить. Хорошо, что ваша мать не дожила до этого и не видит такого позора, — еще сильней граф прижал дочерей к груди, и из его глаз полились

слезы.

— Папа, ты знаешь, что с Филиппом и Горденом? — прошептала Юлиана.

— Мне дали прочитать протокол. Допрос вел мессир Морэ. Я наслышан о его методах. Сейчас совет решает их дальнейшую судьбу. Насчет вас еще разговора не было, но я приложу все усилия, чтоб вам сохранили жизнь, — смахивая слезы с лица, чтоб никто не видел, тихонько произнес Генрих.

— Граф, нам пора, — произнес сэр Ален.

Попрощавшись с дочерями, как будто видит их в последний раз, граф отступил на пару шагов и отвернулся. За нашими спинами закрылась тяжелая дверь, отрезая покои с неверными женами от всего остального мира.

Идя в замок, граф Генрих Валерианский, вновь опустив голову, смотрел себе под ноги. В лучах закатного света на его лице проявлялись морщины, которых по пути в башню не было видно. Создалось такое ощущение, что он за пять минут общения с дочерями постарел на десять лет.

Зайдя в зал, где ожидал совет, граф Валерианский подошел к столу. Словно гора, перед ним из-за стола встал герцог Линский с бумагой в руке.

— Граф, вы как раз вовремя, совет вынес приговор братьям Даттон, я оглашу его. Филипп и Горден Даттон признаны виновными в порочащей связи и нанесении тяжкого оскорбления графу Карлу и барону Беннету. Через два дня, в полдень, на центральной площади им будут переломаны кости рук и ног, после чего приговоренные будут оскоплены, с них будет содрана кожа. После их обезглавят, и их головы будут выставлены на всеобщее обозрение.

— Что насчет моих дочерей, приговор уже вынесен? — дрожащим голосом произнес граф Генрих.

— Нет, граф, без вас мы не можем приступить к разрешению данного вопроса. Мы вернемся к нему после казни конюших, — ответил Роберт.

Граф Валерианский кивнул и, подойдя к герцогу Линскому, тихо попросил о снисхождении для братьев Даттон, дабы сохранить им жизни. На что Роберт ответил, что он не вправе изменить приговор, поскольку тот был вынесен и утвержден советом достойнейших.

Глава 6

С самого утра после оглашения приговора братьям Даттон на центральной площади графства Алирон застучали молотки и топоры.

Строили помост для казни конюших. Горожане начинали понемногу сходиться и занимать места получше, не каждый день казнят придворных. Среди них пошла молва, якобы казнят их за любовную связь с графиней, некоторые упоминали о связи с ведьмами, но точно никто не знал, только слухи ходили.

В это время в подземелье мессир Морэ и его подручные палачи готовили к казни молодых людей. Слегка зашивали им рваные раны, а также остригали волосы.

Палачи мессира Морэ сделали просто месиво из лиц братьев, носы разбиты, глаза заплывшие. Руки и ноги были закованы в кандалы и скреплены цепью перед собой.

Братья подымались наверх по винтовой лестнице почти на ощупь.

— Помолись, брат, скоро все закончится, — раздавался тихий шепот Филиппа, пытавшегося поддержать и успокоить своего брата.

На выходе из заклятого подземелья солнечные лучи ударили в глаза, отчего Филипп и Горден зажмурились, хотя глаза и так были заплывшие от регулярных побоев. Им было больно смотреть на солнце, а понимание, что скоро их ждет смерть, сковывало их лучше любых кандалов, со стороны казалось, что братья смирились со своей участью.

Дав им немного пройтись и прийти в себя после ужасов подземелья, их усадили в стальную клетку на повозке с черным пологом, закрывающими братьев от сторонних взоров. Повозка медленно двинулась по направлению к центральной площади. Братья про себя молили господа бога, чтоб их мучения быстрей закончились, они не знали, что им уготовано.

Повозка въехала на улицы города, где за темным пологом слышались улюлюканья толпы, от этого страх Филиппа и Гордена еще больше усиливался. Повозка резко остановилась, и занавес полога открылся, давая братьям возможность осмотреться. Подошел один из палачей и открыл стальную клетку, и по одному, их затащили на построенный к этому времени помост.

Палачи сорвали с братьев всю одежду, толпа с удовольствием за этим наблюдала, а крики, улюлюканье и веселый смех неслись из каждого угла. Братьев привязали к огромным деревянным колесам, и палачи на помосте встали, ожидая дальнейших

приказов, скрестив руки на груди.

Горден плакал, ему это казалось несправедливым, хотелось верить, что все это происходит не с ним, что это все какая-то ошибка. Даже поддержка брата не помогала ему успокоиться.

Филип же был, наоборот, спокоен, он прекрасно понимал, что смерть у них не будет легкой, но его губы продолжали шептать молитву, обращенную к богу, с просьбой подарить легкую и быструю смерть и избавить от мучений.

Мессир Морэ ожидал возле лестницы на помост. Гул толпы начал немного успокаиваться, все ждали продолжения. В этот момент на площадь въехала еще одна повозка, вслед за которой тянулся кортеж из двух карет в сопровождении пятидесяти тяжеловооруженных солдат. В одном из экипажей прибыли граф Карл Алиронский и герцог Линский, во втором же граф Генрих Валерианский и барон Беннет Гегенский. Остальные члены совета остались в замке, поскольку не хотели смотреть на кровавое зрелище.

Из кареты легко выбрался герцог Линский, возвышаясь над горожанами, он был расслаблен, и на его лице блуждала легкая улыбка, его же брат Карл оставался сумрачен, а его движения скованными.

Стражники разгоняли копьями горожан, освобождая проход к помосту для благородных. Толпа расступилась и прибывшие проследовали в сопровождении плотного кольца из охраны к помосту, где на отдельной площадке были приготовлены для них удобные места.

Вдруг к помосту подошел мессир Морэ с двумя солдатами, которые вели впереди себя двух человек в длинных плащах. На головах у них темнели большие капюшоны, надетые так, что лиц не было видно. Подойдя к помосту и встав неподалеку от круга, в котором располагалась вся знать, мессир Морэ махнул рукой, дав команду к началу казни.

На помост поднялся глашатай и начал говорить четко поставленным голосом, он не пытался перекричать людей, но с каждым сказанным словом толпа затихала, прислушиваясь.

— Они совершили злодейство, они попрали все законы и покусились на честь и достоинство людей, приютивших их, дававших им кров и хлеб в доме своем. Ибо, как сказано в святом писании, если кто согрешит и сделает что-нибудь против заповедей Господних, чего не надлежало делать, и сделается виновным и понесет на себе грех. И воздастся им кара за грехи их.

Глашатай, закончив свою речь, удалился с помоста.

А палачи приступили к своей работе, подтащили ящик со

специальными принадлежностями для пыток и казней и достали оттуда по здоровенной дубине. Подойдя к братьям Даттон, они синхронно как будто по команде нанесли сокрушительные удары по голеням.

Послышался хруст раздробленных костей. Из уст несчастных вырвался вопль боли. После чего тем же способом были раздроблены предплечья рук. От болевого шока Филипп и Горден начали терять сознание, их головы опустились на грудь.

Палачи повернули колеса так, что конюшие оказались вверх ногами, для того чтобы кровь прилила к голове. После чего, положив дубины в ящик, достали из него предмет, напоминающий серп для уборки зерна, только немного меньшего размера.

Подойдя к братьям и взяв их за половые органы, одним быстрым движением нанесли удары, и провели оскопление. Тут же раздался нечеловеческий крик. Братья Даттон закричали и начали биться в путах.

К их крикам присоединились два человека в длинных плащах и капюшонах. Капюшоны спали с их лиц, обнажая гладко выбритые головы, это были женщины, еще недавно поражающие окружающих своей красотой. Графиня Юлиана и ее сестра Анна пребывали в истерике, они зажимали ладошками себе рты, но их всхлипы были слышны окружающим.

Лица Филиппа и Гордена залила горячая кровь, хлынувшая из раны. Толпа пришла в истерическую эйфорию, кто-то свистел, кто-то кричал: Давай еще, — подбадривая мучителей.

Палачи были неутомимы и делали все монотонно, вновь подойдя к ящику, взяли небольшие ножи и крюки с зажимами.

Сделав круговой разрез на щиколотке ноги, движением вниз разрезали заднюю часть голени до подколенного сустава. За оттопыренные уголки кожи были зацеплены зажимы с крюками, после чего начали тащить за них вниз. Раздавался треск разрывающейся плоти. У братьев Даттон к тому моменту уже не было сил кричать. Из их уст раздавался только хрип. Они были в предсмертной агонии. К тому моменту, как с их животов начали сдирать кожу, они были уже мертвы, но палачи продолжали свои действия, до тех пор пока последний кусок кожи не был ободран.

После чего одним ударом топора были отсечены головы и надеты на пики, которые после были прикреплены к поручням, расположенным по краям помоста, и оставлены до следующего дня.

После того как головы были подняты на пики, Юлиану и Анну стража, взяв под руки, отвела к повозке. В их глазах была пустота, никаких эмоций, они шли словно куклы, все, что они

любили и ради чего жили, было уничтожено на помосте.

Граф Генрих, видя обритых наголо дочерей, проходящих мимо него под конвоем, вцепился в пояс руками, а из его глаз непроизвольно потекли слезы, в этот раз он не скрывал их от сторонних взглядов.

Усадив графиню и баронессу в повозку, они двинулись в сторону башни, где их содержали уже несколько дней.

Роберт и сопровождавшие его члены совета встали с кресел и, не говоря ни слова, проследовали в свои кареты, на которых они возвратились в замок.

Добравшись в замок, Роберт заперся у себя в кабинете. И спустя час слуга передал мне, что герцог меня зовет к себе.

Зайдя в кабинет, я увидел, что Роберт сидит в кресле у камина, положив ногу на ногу, и в руке болтает бокал с вином, но этот бокал был объёмом не менее литра. Жестом герцог подозвал меня к себе, подойдя, я уселся в кресло рядом с ним.

— Я не поощряю такие казни, как сегодняшняя, не люблю излишнюю жестокость, если в ней нет необходимости, — пояснил он.

А дальше мы сидели в тишине, герцог смотрел в огонь, изредка прикладываясь к бокалу.

Этим же вечером я вырвался в город, мне не хотелось находиться в замке. Прогуливаясь по городским улочкам, я вышел на центральную площадь, где сегодня были казнены братья Даттон. Возле помоста, на котором лежали изуродованные тела Филиппа и Гордена, дежурил караул из трех вооруженных стражников.

Горожане ходили мимо помоста, как будто это обыденное дело, лицезреть залитую кровью площадь и растерзанные тела.

Вдруг я заметил девушку, она выделялась на фоне остальных горожанок, но и в замке за все время своего пребывания ее не видел.

На ней был длинный роскошный плащ с капюшоном. Она подошла к старшему стражи, что-то ему шепнула на ухо, и в ее руке сверкнула пара серебряных монет. Кивком он дал понять двум другим, чтоб девушку пропустили на помост к телам конюших. Так как уже было достаточно поздно и людей на площади почти не оставалось, на нее никто не обращал внимания.

Поднявшись на помост к изуродованным телам Филиппа и Гордена, девушка достала из-под плаща небольшой нож и с хирургической точностью сделала разрез вверху живота под ребрами, просунув руку внутрь, она вырвала окровавленное сердце Филиппа. То же самое она проделала и с телом Гордена.

Спустившись с помоста, завернула сердца в ткань и положила все это в маленький мешочек, после чего вытерла руки платком. Кивнув стражникам напоследок, двинулась по темной улице по направлению к выходу из замка. Решив узнать, в чем дело, я последовал за ней.

Странно все так, и я двинулся следом за женщиной.

Идя по темным улицам, я достал молот, держа его в правой руке вдоль правого бедра. Вдруг девушка свернула в один из переулков. И когда я повернул вслед за ней, её уже там не было. Остановившись, я прислушался.

Слева от себя из тени услышал ее голос.

— Я почувствовала тебя еще на площади, ты наблюдал за мной. Кто ты и зачем за мной идешь? — ласковым и нежным голосом спросила девушка.

Вот только от её голоса меня бросило в дрожь.

Тут она сделала шаг в мою сторону и вышла из мрачной темноты. Она стояла передо мной, но я не мог разглядеть ее лица, скрытого капюшоном. Тут из-за облака выглянула луна, и девушка уставилась на мой молот, который в лунном свете переливался неестественно светло-голубым светом.

Сделав резкий шаг назад, она прошептала:

— Не надо, — выставив вперед ладонь, как будто от чего-то закрывалась. От резкого шага с её головы слетел капюшон, открывая лицо.

Передо мной стояла девушка лет двадцати-двадцати двух, с золотистыми волосами, падающими на плечи, с необычайно большими голубыми глазами, тонким носиком и слегка припухлыми губками. Она напоминала баронессу Анну. Под плащом девушки, который был застегнут на ее тоненькой шейке, просматривалась изящная худенькая фигурка. Ее грудь вздымалась учащённым дыханием, как будто от страха.

— Я не причиню тебе зла. Расскажи, кто ты и зачем тебе сердца этих несчастных парней.

— Ты не такой, как все остальные, я чувствую в тебе что-то странное, пока не могу сказать что. И ты пришел издалека, — девушка опустила руку, но взгляд от молота не отводила.

— Меня зовут Изабелла, я живу в общине в небольшой деревушке на границе графства Алирон и баронства Аденск. Мы занимаемся врачеванием, но наши способы иногда идут в разрез с церковными канонами, поэтому многие нас называют ведьмами. Но они не видели настоящих ведьм, — девушка отвела взгляд от молота и посмотрела мне в глаза.

— Если вы занимаетесь врачеванием, то зачем вам сердце мертвого человека?

— Это не просто сердца, это сердца мучеников. Наша старшая сестра говорит, что в сердце человека, умершего в адских муках, остается частичка его души, и можно его использовать в различных обрядах.

— Так зачем такие сложности, берите крестьянина и пытайте его у себя в общине до смерти, — с сомнением прокомментировал я, мне хотелось увидеть её реакцию на такие слова.

— Нет, мы людей не пытаем, мы им, наоборот, помогаем, лечим. Такими делами занимаются только ведьмы, я об этом не могу тебе рассказать, но, если интересно, приезжай к нам в деревню, сестра Перрайн, возможно, тебе расскажет.

— Значит, вы лекарки. Видел я, как недавно одну ведьму сожгли живьем, страшное было зрелище. — В голове всплыли воспоминания о несчастной девушке, сожжённой на костре.

— Она не была ведьмой, ее звали Матильда, она была одной из нас. Но она не была согласна с правилами старшей сестры, решила отделиться и ушла из общины. Она темными делами не занималась, но за пределами общины старшая сестра не может нас защитить, договор не действует, — опустив голову, произнесла Изабелла грустным голосом.

— Какой еще договор, с кем?

— Ой, я не должна этого рассказывать, многого еще не знаю, но между общиной и инквизитором Конрадом Милфорским есть договор. По этому договору мы обязаны ему платить одну тысячу серебряных в год, в обмен он не трогает нас и не допускает церковников к нашей деревне. Извините меня, я, наверное, много лишнего сказала, мне нужно бежать. — Изабелла скрылась в ночной мгле.

Я возвращался в замок, из головы не выходила Изабелла, ее прекрасное личико, отраженное в лунном свете, и ее слова про темных. Неужели все-таки ведьмы существуют, или, как обычно говорят, жрет и не толстеет, значит, ведьма. А также про договор между ними и инквизицией было весьма любопытно, значит, церковники знают об их существовании.

На утро следующего дня был созван совет для решения дальнейшей судьбы графини Юлианы и баронессы Анны.

Первым заговорил герцог Линский о том, что стоит высказаться, кто что думает.

— Туда же их, к любовникам, ободрать кожу и отрубить головы, — барон Беннет, муж Анны, был категоричен.

Тут начался словесный бардак, крик, ор. Кто-то поддерживал барона, кто-то, напротив, кричал, что этого нельзя допускать, поскольку они дворянского рода. Мессир Морэ заговорил о

лишении их титулов, а после предложил казнить, отрубив им головы. Так продолжалось около трёх часов подряд, к единому мнению не могли прийти.

— Я готов ее простить, но если она признается мне в своей любви, — проговорил дрожащим голосом Карл граф Алиронский, супруг Юлианы.

— Из благодарности за заслуги графа Генриха Валерианского предлагаю сохранить титулы и жизнь графине Юлиане Алиронской и баронессе Анне Гегенской, отправив на пожизненное заточение в Торненский монастырь, и пусть они вымаливают прощение до конца своих дней, — высказался один из совета благородных.

И это предложение было поддержано большинством, хотя муж Анны продолжал настаивать на казни неверной супруги.

Граф Генрих Валерианский просидел весь процесс, не произнеся ни слова. После принятия решения советом попросил дозволения проститься с дочерями, после чего вышел из зала.

Граф вошёл к своим дочерям в присутствии охраны, но они на него никак не отреагировали, в их глазах была пустота и озлобленность на весь мир. На отца, который выдал их замуж за нелюбимых, на всех остальных, которые отобрали у них любимых людей и смысл жизни.

А утром следующего дня к башне, в которой находились в заточении благородные дамы, подъехала карета. Разместив в ней осужденных женщин, карета двинулась в сторону Торненского монастыря в сопровождении десятка бойцов. Судя по состоянию сестер, им было уже все равно, что с ними будет.

Граф Валерианский наблюдал за этим со стороны, он не сдерживал слезы, прощался с дочерями навсегда.

Роберт же пригласил меня к себе, где предложил продолжить дальнейший осмотр его владений и готовности войск.

Глава 7

Подготовив кортежи к дороге, благородные уселись в свои комфортные кареты и отправились в разные стороны.

Мы же с Антуаном на серых скакунах направились следом, не забыв прихватить и мою свиту.

Как хорошо видеть чистую, не загаженную природу, где нет еще заводов и вредных предприятий с их выбросами. Переезжая через небольшие речушки по деревянным мостикам, было видно, как в них плескаются рыбешки.

Добравшись до перекрёстка дорог между баронств, я вспомнил, что барон Вальдемар не прислал мне гонца и не уведомил каким-либо другим способом о том, оплатил ли ему понесенные убытки барон Александр.

Поскольку видеть рожу Вальдемара у меня никакого желания не было, а огромное желание укоротить на голову собственноручно имелось. Я решил навестить барона Александра сам.

А в голове роились мысли о моей дальнейшей судьбе. Быть другом герцога и выполнять его поручения весьма неплохо, но хотелось бы чего-то большего. Однако и уйти из-под крыла Роберта сейчас будет глупо. Да я бы и не отказался сам стать герцогом, а, судя по моей родословной, я имею право на этот титул. Только своими силами я не смогу вернуть этот титул, нужно обзаводиться союзниками. Я сейчас всего лишь пешка, даже в глазах Роберта, да, он испытывает ко мне дружеские чувства, но этого мало, чтобы он решил помочь в возвращении моего титула, нужно что-то еще. Кто сейчас в Померании взял власть? Какие силы были задействованы в убийстве моего рода, неизвестно, а соваться в воду, не зная брода, глупая идея.

Надо продолжать осваиваться в этом мире, завести союзников, причем разных рангов. Ведь иногда лейтенант решает больше, чем генерал, не раз проверено в прошлой жизни. Узнать о делах в Померании, а после и принимать какое-то решение. Да и силу свою научиться контролировать, опять же, я не знаю, может, в этом мире я не один такой и у других есть какие-то другие силы, а ведь мой род был уничтожен при весьма странных обстоятельствах.

Дорога продолжала извиваться змеей под копытами наших коней, да и вечереть уже начало, пора и место для ночлега подыскивать.

Неожиданно до моего слуха донеслись крики, полные страха. Пустив коней в галоп по извилистой дороге, мы увидели из-за

поворота, как бандиты грабят повозку.

Коня распрягали двое грабителей, а рядом с телегой лежал мужчина. В нескольких метрах от телеги двое ублюдков пытаются раздеть и изнасиловать молодую девушку.

Ее повалили на землю, и один из насильников сидел сверху, держа жертву за ноги, срывал с нее платье, второй — сидел у головы и держал ей руки. Увидев это, Антуан сиганул с не успевшей остановиться лошади и ринулся на помощь девушке.

Вот ведь Робин Гуд хренов.

Подбежал и с ноги нанес удар в голову одному из насильников, от такого удара тот свалился с красавицы и, походу, потерял сознание.

Второй же отпустил руки девушки, оглянулся, было видно, что первым порывом бандита стало ринуться на Антуана, но, увидев за его спиной меня и солдат, он изменил свое намеренье и отбежал к подельникам.

Двое рыскающих разбойников в телеге, увидев меня, подняли крик:

— Уолтер, Уолтер, это он, тот самый, который убил Хью, Вильяма, Саймона и Курта.

Тут из телеги вылез крепкого телосложения мужчина лет тридцати с короткими черными волосами, округлым лицом, широкими плечами, одетый в белую рубаху с широким воротом, на шее его болтался какой-то талисман, а пальцы украшали золотые перстни.

Все разбойники были в доспехах, кроме этого здоровяка, и это заставило меня немного напрячься, не люблю странности.

Спрыгнув с коня, я отстегнул портупею и, обнажив бастард, пошел в сторону здоровяка, у которого в руке тоже был полуторный меч.

— Мне сказали, что ты убил моих ребят, да еще так быстро, что они и глазом не успели моргнуть. Может, со мной попробуешь, — с ухмылкой сказал Уолтер и поманил меня рукой.

Меня вызывают на дуэль?

Хм, а почему бы и не да.

— Он мой, — я обернулся и отдал приказание своей свите.

Разжигать специально ярость и злость не понадобилось. Ведь я видел, что творили эти твари. И ненависть к ним начала кипеть с первого взгляда, ненавижу насильников и убийц.

Кровь снова подступила к вискам, сердце начало колотиться с бешеной скоростью, все вокруг начало замедляться, мне нравится данное состояние. Ведь я в нем чертовски быстр, и это такой кайф. Стискиваю зубы. Ублюдки, возмездие пришло. Вы все сдохнете.

Взмах меча, и Уолтер его с легкостью отбивает, он двигается медленнее меня, но успевает парировать мои удары.

Какого черта?

В ответ он наносит рубящий удар сверху направо, я парирую, отвожу его удар вниз и следом бью острием меча ему по торсу, но ничего не происходит, меч не пронзает его, нет даже раны. Лишь порез на его рубахе.

Не понял, он что, такой же, как и я? У него есть способности, мысли несутся в голове.

Увернувшись от следующего его удара, делаю рывок вперед и с размаха бью сверху вниз в район левой ключицы, но меч вновь отскочил.

Я не могу его пробить, словно он в какой-то невидимой броне.

Я улавливаю на лице Уолтера ухмылку.

Радуется козел. Хрен тебе.

Уворот от его меча, и бью снизу вверх, вкладывая все свои силы и пытаясь вскрыть ему живот, но он отбивает удар, так что пальцы у меня занемели моментально.

Вновь обмен ударами, так что искры летят во все стороны. Клинки скрестились, и он давит на меня с силой носорога. Он крутанул запястьем свой меч, мой клинок вырывается из руки и летит в сторону. Я отвлекся и вижу летящий удар ноги, но увернуться уже не успеваю.

И меня отбрасывает на пару метров, в глазах потемнело, и я не могу вздохнуть.

Уолтер идет на меня не спеша, словно наслаждаясь, я с трудом поднимаюсь на ноги. До меча далеко, да и он меня к нему не подпустит.

Сдаться? И принять смерть от его рук. Хрен, я тебя зубами грызть буду, если придется, тварь.

— Ратибор, — я слышу крик Антуана и вижу, как он бросает в мою сторону выкованный его отцом молот, который был прикреплен к седлу моей лошади. Молот падает к моим ногам.

Это хорошо, зубы я еще поберегу, нечего в рот всякую пакость тащить.

Чудом успеваю подхватить молот и отскочить назад, избегая удара Уолера.

Рывок вперед. Я стою боком к нему, замах молотом, и в этот момент на нем светло-голубым светом вспыхнули руны. Что есть силы бью острием молота в голову этому непробиваемому здоровяку. Я вижу, как оружие проламывает кости его черепа.

Выдергиваю молот из головы Уолтера, струя крови продолжает тянуться за его острием.

— А-а-а-а, — на меня несется с мечом прихвостень Уолтера.

Увернуться от его удара не составило труда, удар молота, и он валится к моим ногам.

Я обтер молот об одежду поверженного противника и убрал за пояс. Поднял с земли свой меч, грудь саднит после удара Уолтера, но хоть вздохнуть уже могу. А тем временем меня окружило четверо противников.

Они мне не соперники, кровожадная улыбка наползает на мое лицо.

Удар копья летит мне прямо в живот, шаг в сторону, и я его пропускаю мимо, а удар меча смахивает с плеч тупую голову.

Разворот, и отрубаю руку следующему, который решил воспользоваться моментом и ударить меня сзади. В уши бьет крик, полный боли и отчаянья, а его рука вместе с оружием отлетает в сторону.

Несколько капель крови попадает на меня. От этого накал ярости возрастает еще больше. Он зажимает свою культю и спешит покинуть место боя, но его с радостью принимает в мечи моя свита.

Оставшиеся двое врагов атакуют одновременно, они надеются так со мной справиться, наивные.

Я с легкость уклоняюсь от их ударов, рывок вправо, и наношу удар в живот ближайшему противнику, острие меча выходит у него из спины, он падает на землю, издавая предсмертный хрип.

Мой меч смотрит в землю, на меня наседает последний противник. Раз уворот и шаг влево, два уворот и шаг вправо. На лице противника паника, еще пара таких ударов, и он попытается сбежать от меня.

Надо заканчивать.

Отвожу меч, и горизонтальный удар сносит его голову.

Фонтан крови вырывается у него из разрубленной шеи, а тело делает пару шагов и валится.

Вот и все, осматриваю место побоища, мда, неприглядная картина. Кругом кровь и трупы, а еще вонь, видимо, из бандитов кто-то обосрался.

Повернув голову вправо, вижу, что начинает шевелиться на земле тот, что лежал без сознания, которого Антуан вырубил ногой, и на земле рукой шарит в поиске меча.

Нащупав клинок, он встает, и тут его замечает девушка, стоящая рядом с Антуаном, который с удовольствием наблюдал за моим боем.

— Сзади, — раздается крик девчонки.

Антуан молниеносно выхватывает свой кинжал из-за пояса, оборачивается и всаживает его в брюхо нападавшему.

Молодец он все-таки. Но со своим первым порывом он мог все испортить.

Я только сейчас задумался, почему так хорошо сражаюсь на мечах, ведь раньше даже на фехтование не ходил. Тело будто само знает, что делать. Словно рефлексы отработаны годами, и в момент боя они берут надо мной вверх, и я им подчиняюсь.

Стражники все стояли как вкопанные и не могли произнести ни слова, увидев такую расправу над бандитами. Да и я пребывал немного в шоке от встречи с Уолтером, серьезный был противник, и моя жизнь висела на волоске в бою с ним. Ладно, потом порефлексируем.

Подойдя к девушке, я осмотрел ее, а ничего, миленькая.

Девушка была невысокого роста, худенькой и хрупкой. Ее светлые волосы ниже плеч едва закрывали полуобнаженную грудь из-под разорванного платья, из ее серых глаз ручьем текли слезы.

— Кто такие? — я указал рукой на лежащего невдалеке мужчину, что, судя по всему, был ее отцом или, возможно, даже мужем.

Девушка же зарыдала пущего прежнего и уткнулась головой в плечо к Антуану.

Минут десять нам пришлось успокаивать барышню, прежде чем она начала внятно говорить.

— Меня зовут Агнес, из баронства Аденск, а это мой дедушка Фрей, — она указала на лежащий труп мужчины и снова залилась слезами.

Не люблю успокаивать женщин. Справившись с чувствами, девушка продолжила:

— Он раньше был плотником, но теперь старенький, мы возвращались из графства Алирон, там была ярмарка, еще и аристократов казнили, они были придворными. Поэтому там народу собралось много, мы поехали туда продать дедушкины поделки, поскольку в баронстве мало покупателей, ну а на вырученные деньги купили зерна для хозяйства. Немного припозднились, у нашей телеги колесо сломалась, пока дедушка его починил, уже и свечерело, а тут они напали.

— И-и-и деду-ушку-у убили, он пытался меня защитить, — и вновь у девчонки полились слезы. — Спасибо вам огромное, — девушка поклонилась.

Я же направился к старику, оставив Антуана успокаивать девушку.

У старика была рана на голове. И сломана рука, она была выгнута под неестественным углом, на всякий случай я проверил пульс. Мужчина был жив.

— Эй, малая, жив твой дедушка.

И девчонка, вырвавшись из объятий Антуана, рванула к своему родственнику.

— Дедушка, милый дедушка, — она начала его трясти.

— Да уйди ты, — я оттолкнул Агнес от старика, — его бандиты не добили, ты добить хочешь.

— Нет, — девчонка в страхе отпрянула.

— Вот и не мешай, — наставительно проговорил я девчонке.

Солдаты помогли уложить старика в телегу, собрав разбросанные вещи вокруг. Тела бандитов сложили кучкой возле дороги, предварительно обобрав. И неспешно продолжили путь в баронство, ведь до городка оставалось немного.

Глядя на Антуана, было сразу понятно, что Агнес ему понравилась, и она тоже с него не сводила глаз. Из-за этого на душе становилось теплей и радостней.

А я же задумался о своем бое с Уолтером, ведь он двигался почти так же быстро, как и я. Вдобавок я не мог пробить его мечом. Только молот мне помог в этом деле, да и еще этот непонятный свет, что исходил от него.

Вопросов было больше, чем ответов.

Перебирая вопросы в голове, я пытался найти хоть какие-то вразумительные ответы, но не находил.

К самым сумеркам мы добрались до столицы баронства Аденск, на въезде у ворот стояли два стражника. Предъявил им грамоту с печатью герцога, нас свободно пропустили, а после закрыли ворота на ночь.

Я же обратил внимание на сам городок, и отличия от города в баронстве Бартон были существенные и в лучшую сторону.

Центральная улица была освещена факелами, изредка попадались и масляные лампы. Улочки были сухие, по бокам имелась клиновидная борозда, напоминающая в нашей современности ливневки для стока воды. В дополнение лежали дощатые настилы для прохода в дождливую погоду.

Пьяных криков не слышно. Людей, бродивших по ночным улицам, тоже почти не было. Изредка попадались стражники.

Явно местечко приятное, и впечатления пока сплошь положительные.

Агнес указала путь до ее дома, там солдаты помогли занести старика в дом и положить его на широкую деревянную лавку. Протерев и осмотрев раны, я сделал старику шину[7] на руку из подручных материалов и перемотал имеющимися тряпками, ведь у нас в полиции были курсы по оказанию первой помощи, и нас учили, что необходимо делать при переломах. Никогда не думал, что когда-то это понадобится.

Расспросил Агнес, где искать барона Александра Аденского,

после чего Антуан вызвался остаться и помочь ей приглядеть за стариком.

С ухмылкой на лице я дал ему разрешение остаться. Хотелось пошутить и дать благословение на свадьбу этому Ромео, но, боюсь, мою шутку не оценят.

А сам отправился вместе со свитой в замок барона.

Осмотревшись, подумал, что замком или вообще укреплением это с трудом можно назвать.

Входные ворота отсутствовали напрочь, охраны не было вовсе. Заехав во двор, мы увидели покосившееся строение, которое когда-то было конюшней.

Сам замок представлял собой двухэтажное каменное строение с двумя шпилеобразными башнями по краям. У одной из которых отсутствовала крыша. За замком виднелись загоны для скота.

Тут на пороге дома показался старик с факелом. Спросив, кто мы и откуда, позвал двух молодых парней, которые забрали лошадей и отвели их в конюшню, чтоб покормить и напоить. Свиту расположили в небольшом домике рядом с конюшней.

Сам же старик проводил меня внутрь замка и пошёл будить Александра. Меня проводили в довольно просторный зал, где горел камин.

А при въезде в город казалось, что здесь дела обстоят получше.

Усевшись в одно из кресел, стоящих возле камина, стал дожидаться барона, но он не заставил себя долго ждать. Сонный и протиравший глаза, он вошел в зал. Увидев меня, Александр распорядился принести еды, что осталась от ужина. Я не возражал, тем более день выдался длинным и богатым на эмоции.

— Ваша милость, Ратибор, доброго здравия вам, вы проездом или целенаправленно по делу? — сонным голосом пробормотал Александр

— Мы проездом, но и по делу тоже. Во-первых, хотелось бы узнать о выплате барону Вальдемару, о которой я вам говорил при прошлой встрече, во-вторых, у меня приказ герцога о проверке имеющихся сил и их боеготовности.

— Ваша милость, я смог выплатить лишь часть, понимаю, что ваше распоряжение равно распоряжению герцога, но у меня нет таких денег сейчас, я бы попросил вас об отсрочке, — опустив глаза в пол пробормотал Александр.

Тут слуги принесли два кувшина красного вина, половину запечённого поросенка и жирного копчёного каплуна. Утолив голод, я подумал над словами барона и вернулся к разговору:

— А с войском как обстоят дела?

— Войско можете посмотреть хоть сейчас, они у меня всегда в боевой готовности, это моя гордость, — с лёгкой улыбкой произнес барон.

— Сейчас, разумеется, не стоит, но вот завтра после обеда я готов на них посмотреть. Барон, я надеюсь, вы не держите на меня зла за вашего Стена?

— Разумеется, нет, он ведь сам вызвался, его никто не толкал на этот бой.

Обглодав ногу каплуна, налил еще бокал вина и выпил его так же залпом.

— Барон, вы не возражаете, если я у вас остановлюсь в замке и переночую?

— Разумеется, нет, я буду польщен, — тут же Александр приказал слугам проводить меня в комнату.

Слуга показал мне приготовленную комнату. Войдя, я был немного ошарашен. В комнате стояла только широкая кровать и стол со стулом, это мне напомнило общежития в студенческие времена. Минимализм в красках.

С дворцом герцога, конечно, не сравнишь.

Улегшись на кровать, практически сразу же уснул.

Меня разбудили солнечные лучи, пробивающиеся сквозь крону дерева, растущего рядом с окном, а также щебет птиц. За окном был уже полдень.

Спустившись вниз, в каминный зал, барон уже ожидал меня за накрытым столом. Плотно перекусив, вышли с ним во двор, где уже дожидалась моя свита.

Я не мог до сих пор привыкнуть, что кто-то прислуживает мне, от этого было не совсем комфортно. Отправившись к казарме, где нас уже ждало войско Александра, я обнаружил, что все его воины облачены в кольчуги, переливающиеся в лучах солнца.

Все физически развиты, почти такие же, как и у графа Карла Алиронского. Подойдя к копейщику, попросил его с места метнуть копье в ближайший столб, расположенный в двадцати метрах, и каково было мое удивление, когда он метнул его с невероятной силой, даже попав, к тому же еще и наконечник крепко засел в столбе, почти на всю длину.

После осмотра войска попросил Александра показать мне город подробней.

Неспешным шагом мы прогуливались по улочкам, наслаждаясь чистотой и порядком.

— Александр, вернемся к нашему разговору по поводу возмещения компенсации семьям убитых. У тебя все прекрасно, солдаты в достойной форме, город облагорожен. Видно, что ты

заботишься о своих людях, экономя на себе.

— Ваша милость, мне стыдно признаться вам, но скажу как есть. У меня не хватает в казне средств даже на оплату налога герцогу. Поэтому я вас и прошу дать мне отсрочку платежа. У меня баронство не такое, как у Вальдемара, это у него сплошной бордель, поэтому он там и живет, совсем позабыв свой замок.

— Я как-то был у Вальдемара в борделе, так жаба красивее, чем дама, которую я там видел. Не понимаю, как при таких работницах могут быть клиенты, или я там не весь цветник увидел, — я содрогнулся, когда вспомнил тех дам. — А что тебе мешает открыть бордель, неужели желающих не найдётся?

— Я уже пробовал открывать, но все ровно все идут к Вальдемару, а эта жаба, как ты ее назвал, встречает клиентов и готовит девушек. Сами девушки из своих комнат практически не выходят и трудятся без отдыха и сна, а также говорят, что эти девушки весьма хороши собой. Такие красивые, что нельзя глаз отвести. Как только их увидишь, тут же вспыхивает желание ими овладеть и никаких денег за это не жалко отдать.

В этот момент на площадь въехала повозка. На ней сидели два стражника. Увидев барона, стражники спрыгнули с повозки, один из них подошел к Александру и с легкой улыбкой произнес:

— Ваша светлость, рано утром дозорные обнаружили мертвыми Уолтера и его подручных, вот привезли, чтоб вы лично убедились.

Второй стражник, стоявший возле повозки, скинул полог. В повозке лежали окровавленные трупы ублюдков, которые вчера пытались изнасиловать Агнес, сверху лежал Уолтер с пробитой головой.

Александр на ватных ногах подошел к повозке и несколько секунд рассматривал окровавленные трупы. Увидев мертвого Уолтера, барон Александр, сжав зубы, почти криком приказал:

— Сжечь этих тварей, сжечь ублюдков, пусть люди видят, что они все мертвы, на площади жечь, я сказал.

Стражники закрыли пологом трупы мерзавцев. Развернули повозку и спешно на ней укатили.

Александр повернулся вполоборота и посмотрел на меня, сглотнув слюну:

— Это ты сделал? — нервным голосом произнес он, на его глазах выступили слезы, но не сожаления, а радости.

— Да, вчера вечером мы наткнулись на них. Они грабили телегу ваших горожан. В ней ехали старый плотник Фрей и его внучка Агнес, они пытались изнасиловать девушку. Я с удовольствием это сделал, покарав всех. Но с Уолтером пришлось повозиться, — улыбнувшись, хлопнул Александра по плечу.

Александр в этот момент опустил глаза.

— Я должен тебе признаться. Эти ублюдки, которых ты убил, непонятно откуда пришли на наши земли, они промышляли убийствами, разбоем, грабежом, насиловали женщин. Многие в этих краях пострадали от этих нелюдей.

— Бывает, возможно, дезертиры, — я пожал плечами.

— По слухам, Уолтер сбывал часть награбленного в борделе у Вальдемара, но это только слухи. Поэтому они его и не трогали, плюс к этому, сам барон предоставлял ему лучших своих шлюх, разумеется, бесплатно.

А после Александр прикрыл глаза, он весь дрожал.

Дав ему время, я немного покашлял. Барон пришел в себя и продолжил:

— Я не мог просто смотреть на это сложа руки, собрал отряд и отправился их уничтожить. Наткнулись мы на них на дороге, идущей вдоль реки, трое лучников и двое арбалетчиков выпустили в Уолтера по пять стрел каждый, но ни одна не смогла его пронзить, хотя он был без кольчуги и доспехов, стрелы как будто отскакивали от него, он был только в одной рубахе. Лучникам удалось убить только одного его подручного. В наказание за это он убил пятерых моих воинов и обязал меня ежемесячно выплачивать ему сто серебряных монет, а чтоб я об этом никому не сказал, приставил ко мне своего воина и наказал сделать его начальником стражи, это был Стен, которого ты убил. А вернувшись домой, я обнаружил, что моего сына выкрали. Стен сказал, что он будет заложником, чтоб я не наделал глупостей.

Я лишь слушал и охреневал от сказанного.

— Я всем сказал, что отправил сына учиться. Я не видел его уже три года, — Александр сжал кулаки, и его костяшки побелели. — Ратибор, умоляю тебя, я отдам тебе все, что ты скажешь, помоги вернуть мне моего сына. — Глаза Александра налились слезами.

Больно смотреть на здорового, крепкого мужчину, который плачет от безысходности.

— Я помогу тебе. Скажи, у тебя в городе есть лекарки или врачеватели? Нужна помощь, старику Фрею сильно досталась.

— Нет, у нас лечатся сами, кто как может, — утирая слезы, ответил мне барон.

— Слышал, что на границе твоего баронства и графства Алирон есть деревушка, в которой живут лекарки и травницы, как насчет них?

— Да, есть такая деревушка, вон там она находится, — Александр указал пальцем на восток. Только они там все ведьмы, проклятое место, я настрого запретил туда ходить горожанам, да

и тебе не советую.

— А что ты со своими доблестными воинами не сожжёшь эту деревню ведьм дотла?

— Как тут ее сжечь, если сам инквизитор Милфордский в этом замешан, он их покрывает, да и граф Карл Алиронский тоже причастен, — прошептал Александр.

— Граф тоже в курсе?

— Так говорят, но проверять я не хочу, как и видеть гнев Графа, у меня и без этого проблем хватало, — и барон развел руками.

— Мне нужна любая информация о том, где может быть убежище Уолтера и его приближенных, поскольку с трудом верится, что убитые — это все его люди. Расскажи, где ты с ними встретился, когда он убил твоих лучников?

— В северной части моего баронства есть река, на ней есть небольшой островок со старой мельницей. Вот недалеко от нее и встретились, возможно, его убежище именно там.

— Я проверю, — задумчиво ответил барону.

Попрощавшись с бароном, я отправился за Антуаном, справиться о здоровье старика и Агнес тоже не будет лишним.

Зашел в дом, Антуан и Агнес сидели за столом и мило щебетали. Увидев меня, Антуан подскочил с места и рванулся навстречу.

— Ваша светлость, Фрей, дедушка Агнес, пришел в себя, вроде как все нормально, но рука действительно сломана.

Тут подошла Агнес и поклонилась.

— Ваша светлость, еще раз спасибо вам, что спасли меня и моего дедушку.

— Ну, без Антуана я бы не справился, так что это и его победа тоже, — улыбнувшись, подмигнул Антуану.

Агнес достала из печи огромную кастрюлю с носиком, которая служила для приготовления похлебки, а когда ее не было, та служила огромным заварником. Девушка налила мне железную кружку отвара, заваренного на травах и кореньях, на вкус было достаточно приятно.

Тут проснулся Фрей, дедушка Агнес. И, увидев меня, попытался встать с кровати, но Агнес не позволила ему этого сделать, вцепившись в деда. Фрей поблагодарил нас за то, что спасли его внучку.

После непродолжительной беседы я спросил Фрея, слышал ли он об Уолтере и кто может знать, где тот может скрываться.

Фрей не спешил отвечать, а долго разглядывал меня перед ответом.

— Я не знаю, — прокаркал он, — но слышал, что их видели у

старой мельницы.

Глава 8

— У старой мельницы, говоришь? — задумчиво протянул я. Барон тоже ведь упоминал об этом месте.

А Фрей лишь кивнул.

Расспросив Агнес о дороге к мельнице, мы покинули этот гостеприимный дом. Заехав в замок барона, я приказал свите седлать лошадей и следовать за мной, дождавшись их готовности, мы выдвинулись в путь по указанному маршруту в сторону заброшенной мельницы.

Антуан летал в облаках, и было заметно, что он хотел остаться с Агнес.

— И как тебе Агнес, понравилась? — решил я начать разговор.

— Ага, она милая, — парень немного смутился. А после продолжил: — Мы проговорили почти до рассвета, она многое рассказала о себе. Ее родители умерли, когда ей было шесть лет, по зиме простудились и до весны не дожили, а ее к себе и забрал Фрей, её дедушка, раньше он плотничал, и получше было, а сейчас уже и не может так работать, — и он тяжко вздохнул.

— Понятно, — протянул я и решил сменить тему. — Ты у нее спрашивал об Александре, и что думают на его счет горожане?

— Да, господин. Она говорит, что большинство горожан довольны им, он хороший человек. Не поднимает налоги без каких-либо оснований. На общегородских работах по благоустройству пашет сам, не чураясь грязной работы.

Наш путь до реки занял больше трех часов, и, добравшись до неё, мы двинулись вдоль берега вверх по течению. Перелески сменялись на поля, поля на густой лес. И вот наконец-то вдали показалась полуразрушенная водяная мельница, которая располагалась на небольшом островке. Большие колеса мельницы не крутились, ось уже давно сгнила, и колесо, покосившись, лежало в воде.

Рядом был построен довольно-таки свежий мостик через протоку к мельнице.

Сопровождающей меня свите приказал занять оборону и быть начеку, если кто появится, сначала хватать и лишь потом спрашивать.

Вынув молот из-за пояса, с Антуаном двинулись к мельнице. Не доходя до двери пару шагов, из-за мельницы вышли двое, о чем-то переговариваясь друг с другом и похихикивая, да еще и перегаром от них несло так, что я за пару метров смог учуять этот запах.

А из самой мельницы были слышны голоса еще нескольких людей.

— Уолтера ждете? — с ехидцей спросил я. — А он больше не придет, я его лично убил. — Хотите жить? — вкрадчиво спросил я.

Посмотрев на окруживших их солдат, они переглянулись и синхронно ответили:

— Хотим, — бросили копья, которые были у них в руках, на землю так же полетела баклага с каким-то сивушным запахом.

Подоспевшие солдаты связали бандитов.

Зайдя внутрь мельницы, я огляделся, вокруг хватало всякого добра, но в основном это была какая-то рухлядь, и явно не было всем тем, что успели награбить бандиты за прошедшее время, а значит, у них явно есть где-то схрон с более богатой добычей.

Поднявшись на второй этаж мельницы, я увидел бандитов, готовых к драке. В руках у них были кинжалы, нацеленные на нас с Антуаном.

Эти просто так не сдадутся, во мне начала разгораться ярость, а перед глазами появились картины, как они грабили, убивали и насиловали.

— Твари, — вырвался из меня рык.

Кровь бьет в голову, и я слышу стук своего сердца, а пыль, летающая в воздухе, словно замерла.

Рывок вперед к бандитам и выбиваю из рук кинжалы, а после раздаю им удары, ярость сходит на нет, и мир возвращается в свое русло.

Бандиты стонут от боли, и мы с Антуаном их с легкостью стаскиваем вниз, словно кули с картошкой.

И пристраиваем к остальным, а солдаты пинками заставляют их встать.

Я всматриваюсь в их лица, и никто не вызывает у меня сочувствия, человеческое отребье.

— Как я уже сказал, ваш Уолтер мертв, и помочь вам никто не сможет, ни сейчас, ни потом. Итак, чтоб нам не терять времени, кто мне скажет, где награбленное вами имущество, и где находится сын барона Аденского, тем гарантирую справедливый суд, — завел я разговор, хотелось сейчас на месте разобраться с этим делом.

К тому же они сейчас явно в некотором шоке пребывают, так что, думаю, разговорчивей будут.

Трое из бандитов уставились на четвертого, рослого и плечистого мужика. Сразу стало понятно, кто из них старший.

— Я представитель герцога Линского, и ваши жопы находятся в моих руках. Ни барон Аденский, ни барон Бартонский не могут

указывать, что мне с вами делать. Если ты не скажешь мне, где награбленное и сын барона Александра, я разорву тебя конями.

Дав пару мгновений им для осмысления сказанного, я продолжил:

— Я расскажу, как это будет выглядеть. К твоим конечностям привяжут веревку, накручивая ее от запястья до самого локтя и от лодыжки до колена. Другие концы веревок прикрепят к брусьям, в которые впрягутся вот эти самые лошади, их будут подстегивать медленно, заставляя растягивать в разные стороны конечности.

На лицах разбойников отражается неверие, а я продолжаю говорить:

— Это причинит неимоверную боль. Когда же будешь корчиться от боли и умолять отпустить, но мне это будет уже неинтересно, всех четырех лошадей начнут лупить почем зря, и те вырвут руки и ноги из твоего тела.

И я снова даю время им осмыслить сказанное, пусть ужас и страх затопит их разум. Дождавшись эффекта от моих слов, я продолжаю рассказ:

— Но и это еще не все. Иногда конечности не отрываются от суставов, и тогда придется кому-то из присутствующих закончить свое дело с помощью топора или меча. К слову, из присутствующих отрубить конечность от тела за один удар получится только у меня. Вчера я это уже показал, один из твоих уже бывших друзей потерял руку, после чего, корчась в муках, умер, а двое — голову, им повезло. Но я не предоставлю тебе такой чести, поскольку доделывать разделение конечностей от туловища будет вот этот бравый парень. Он только с виду молод. На деле же он хладнокровный убийца, его зовут Антуан. Он своим прекрасным кинжалом будет отделять конечности прям по суставу, пока ты будешь еще живой, у него как раз личные счеты с вашей сворой.

— Я все скажу, только пощадите нас, — прокричал рослый мужичина, — на лице которого отражался ужас и страх.

А после он бухнулся на колени, а вслед за ним и его подельники.

— Награбленное частично мы сбывали через Вальдемара. Еще часть припрятана здесь, под жерновами. Там есть потайной люк в подвал, там все. Третью часть Уолтер забирал себе, куда он отвозил ее, мы не знаем. А мальчишку барона он тоже увез сам, еще три года назад, больше мы ничего не знаем, это правда, клянусь.

Приказав охранять разбойников, я полез под жернова, где действительно обнаружил люк.

Подняв его, я спустился в подвал, Антуан не отставал и полез

вслед за мной, освещая мне дорогу разожжённым факелом.

Разбойник не соврал, и здесь действительно было награбленное, а не тот мусор, что лежал наверху.

Это был не подвал, а целый ангар. В нем были мешки с зерном, мукой, мужская и женская одежда для придворных, кольчуги, латы, доспехи и многое другое. Ходя между рядами награбленного я подобрал камзол и туфли для Антуана. Надев новый наряд, он стал похож на придворного. Еще бы манерам его подучить, и был бы вылитый дворянин.

— А можно, я возьму этот расшитый золотом платок себе? — неуверенно пробормотал Антуан.

— Бери, еще чего-нибудь выбери себе, — рассмеявшись, показал на шикарное платье с декольте, приятного кремового цвета, расшитое жемчугом.

Поняв, что все это за раз увезти не сможем, мы вернулись наверх, к стражам.

Вскочив на лошадей, отправились обратно в город. Поскольку уже вечерело, я приказал Антуану скакать вперед и попросить у барона подготовить повозки для транспортировки награбленного. Мы же тихонько ехали верхом, в середине нашего конвоя шли разбойнички, связанные друг с другом.

К самой ночи мы въехали в город, где ворота были открыты, стражники заверили, что ждали нас, и как только мы въехали, они закрыли ворота.

Проезжая по центральной площади, на которой собирались горожане. А в её центре готовили большой костер, рядом стояла все та же телега с окровавленными трупами Уолтера и его подручных.

Наш конвой специально придержал лошадей, чтобы разбойники получше разглядели своих мёртвых товарищей. Увидев Уолтера, наши пленные начали перешёптываться, после чего пристально уставились на меня. А мы двинулись дальше, к замку барона. Не доезжая до замка, мы повстречали барона.

— Где мой сын, вы нашли его? — нервным голосом проговорил барон.

— К большому сожалению, его там не было, пленные говорят, что его увез сам Уолтер еще три года назад, куда, они не знают, — мой голос был полон сожаления, мне было жаль барона. — Но ты не расстраивайся, я найду его. Ты приготовил костер для сожжения этих ублюдков?

— Да, пусть все видят, что они мертвы. Тут многие от их рук пострадали. Кого-то они ограбили, кого-то изнасиловали, а у кого-то и убили близкого родственника. Хоронить их даже за оградой кладбища слишком много для них чести, пусть очистятся

огнем.

— Тогда пусть и эти посмотрят на своих дружков, — я кивнул на связанных бандитов. Заодно, может, кто из горожан их опознает. Пригодится для справедливого суда. Поскольку они утверждают, что только отвечали за сохранность награбленного, и ничего больше. Если это так, то они получат по заслугам, но если их опознают как грабителей или убийц, то, как я помню, в здешних краях за это смертная казнь предусмотрена, и возмездие не заставит себя долго ждать. — Ответил я Александру, смотря на связанных пленников.

В это время к высокому столбу, расположенному в центре площади, прикрепили колесо диаметром около полутора метров, наподобие тех, на которых казнили братьев Даттон. Только горизонтально к самой вершине по краям колеса были закреплены блоки, через которые продели цепи.

Конструкция представляла собой некое подобие аттракциона цепной карусели «Вихрь» времен советского союза. Только данное колесо не вращалось, а в месте, где должны были крепиться сиденья, были прикованы кандалы, за которые подвешивались тела убитых преступников, и за второй конец цепи их подвешивали так, чтоб все восемь тел возвышались над толпой горожан. Ноги всех восьми были связаны между собой, чтоб избежать раскачивания тел. Под основанием столба выкладывали вязанки с дровами и обливали их маслом, сверху закладывали хворостом.

Некоторые горожане, проходя мимо вздернутых за руки вверх бандитов, плевали на их трупы со словами:

— Поделом вам, сволочи, дай бог здоровья тому, кто вас покарал, — после чего крестились.

Чуть в стороне от столба был расположен небольшой помост, служивший трибуной для выступления барона на городских мероприятиях, на который затащили пленных бандитов. На помост так же поднялся барон Александр. Шум и гам среди толпы начал смолкать, и все горожане обратили взоры на своего господина.

— Горожане и гости нашего города и баронства, сегодня будут преданы огню тела ублюдков, которые долгие годы не давали нам спокойствия на наших дорогах. Многие из вас пострадали от их рук. Но сегодня мы будем наблюдать, как их проклятые тела сгорят и исчезнут навсегда в очистительном огне. Все это благодаря Ратибору, представителю нашего славного герцога Роберта Линского, — громко произнес Александр

Тут толпа заликовала, крик и ор поднялся на всю площадь.

— Но это еще не все, за моей спиной стоят оставшиеся в живых бандиты, если кто из вас их когда-либо видел при грабежах и разбое, прошу подойти, чтоб мы могли записать сказанное вами. Через два дня в полдень они предстанут перед судом, — так же громко распорядился Александр.

Он взмахнул рукой и дал понять двум стражникам, держащим в руках факелы, что пора приступать, и стража начала поджигать хворост под висящими трупами бандитов. Стражники, ходя по часовой стрелке друг за другом, подожгли хворост. Огонь медленно распространялся по кругу, но, дойдя до дров, обильно смоченных маслом, взмыл вверх, поглотив висящие трупы на цепях. Горожане бурно начали улюлюкать и смеяться, радуясь свершившемуся правосудию.

По площади начал разноситься запах горелого мяса.

А после горожане рванули смотреть на еще живых разбойников. Некоторые подходили и указывали, где и при каких обстоятельствах видели того или иного арестованного.

К утру, когда костер догорал, в кандалах, висящих над ним, остались только несколько застрявших обугленных костей предплечья с кистями рук. Арестованных было велено отправить в подвальное помещение казармы, для дальнейшего содержания.

А с утра во дворе баронского замка были готовы восемь телег, запряженных двойкой лошадей каждая, для транспортировки награбленных ценностей. В этот раз Александр отправился вместе с нами. По дороге меня начало тянуть в сон, переместился в телегу и в скором времени закемарил.

У мельницы меня разбудил Антуан. Спустившись в подвал, Александр был ошеломлен, сколько всего было здесь. Зажгли факелы, осветив подвал и импровизированную тропинку, чтоб стражники могли носить вещи к повозкам. Мы же с бароном встали по обе стороны двери мельницы, стали переписывать все вещи, которые стражники выносили и грузили на повозки. На перепись и подъем всех вещей понадобилось много времени, и мы закончили лишь поздней ночью.

После того как подвал был освобожден от ценностей, Александр решил спуститься в подвал. Бродя по темным уголкам, в одном из которых он наткнулся на уже давно отсыревшую тряпицу, расправив которую, узнал в ней котарди своего сына, в котором тот был, когда его забрали из замка. Стиснув его руках и прижав к груди, Александр скрипнул зубами, и на глазах его выступили слезы.

— Я найду его, обещаю, — проговорил я, положив руку ему на плечо.

Убедившись, что подвал полностью пуст и все загружено в

телеги, наш обоз отправился обратно в город Аденск.

Не было никакого желания оставаться на ночлег у логова бандитов.

Утром мы добрались до Аденска. На городских улочках наблюдалась все та же суета, кто-то куда-то бежал по делам. Жизнь шла своим ходом, центральная площадь была убрана, ничего не напоминало о вчерашнем событии. Содержимое обоза было решено поместить в амбары барона Аденского. На амбарные двери был повешен замок и приставлен дозорный на всякий случай. Хотя в самом городе краж уже давно никто совершал под страхом смертной казни за такие проступки.

Немного отдохнул, и барон пригласил меня на обед. Я зашел в зал, за уже привычным столом возле камина был накрыт стол. Хотя Александр носил титул барона, но питался и жил чуть лучше богатых горожан, без излишеств и роскоши. На столе нас ждал запечённый поросенок, пара запечённых уток с яблоками, несколько жареных рыбин в кляре, масса зелени и овощей, ну и, разумеется, красное вино.

— Ратибор, позволь тебя поблагодарить за все, что ты сделал для меня и моего города, я уже у тебя в долгу и хотел бы отпраздновать это сегодня, — налив бокал вина, он поднял его и протянул в мою сторону.

Я так же налил и поднял бокал, осушив залпом, набросился на печеного поросенка. Набив пузо и налив полный бокал вина, я растекся в кресле и стал смаковать по глоточку. В это время Александру слуга принес протоколы допроса бандитов и опросы горожан.

— Вот, прочти, — барон протянул мне бумаги.

Я же принялся знакомиться с бумагами.

Двух арестованных люди опознали. Один из них — это Вил, его обвиняли в краже свиньи в одной из деревень неподалеку отсюда, а также мешка зерна. После чего он сбежал и присоединился к Уолтеру. Второго опознали как Теда, он жил в баронстве Бартон, уличен в кражах, а также замешан в убийстве и грабеже. Его опознал молодой парень лет пятнадцати, но на момент, когда это произошло, ему было около десяти лет.

— Александр, прошу вас об услуге, людей, опознавших бандитов, надо будет доставить на завтрашний суд. Я сам буду председательствовать на процессе, а если их вина будет доказана, то и приговор приведу в исполнение собственноручно, — с силой сдавив в руках серебряный бокал, залпом выпил остатки вина в нем. — А также мне нужен полный свод правил и сборник законов вашего баронства и герцогства в целом, если имеются таковые.

— Разумеется, я уже об этом распорядился, в дополнение попросил еще привести свидетелей, если такие найдутся. Сборник уже доставлен к вам в комнату, — спокойно проговорил барон.

— Барон, вы должны понять, я не мясник и не люблю убивать, но зло должно быть наказано, и пусть это грех, но я готов его нести, поскольку возмездие должно настигнуть каждого заслуживающего того. Прошу простить меня, я пойду.

Поднялся в комнату, на столе обнаружил лежавший сборник законов. Почти всю ночь пришлось потратить на изучение местных правил.

Вздремнув пару часов, я проснулся ближе к утру. Решив допросить арестованных, я отправился в подвал в казарме, где их содержали.

Спустившись в подвал, увидел клетки, в которых и коротали свое время бандиты.

Подошел к клетке, в которой сидел рослый мужчина, который рассказал мне о спрятанных ценностях.

— Вас всех опознали горожане на площади, вот их показания, в которых указаны имена людей, которые видели вас ранее. Хочешь знать при каких обстоятельствах? Почти все они указывают на то, что вы все воры, а также убийцы. Поэтому я вряд ли смогу сохранить вам жизнь, за каждое из ваших преступлений предусмотрена смертная казнь. Поскольку я буду председательствующим на сегодняшнем суде, то и приговор буду исполнять тоже сам. Никто больше ничего мне сказать не хочет? Облегчите душу.

Тут здоровяк вскочил с лавки, на которой сидел, с криком:

— Я Арно, я никого не грабил и тем более никого не убивал. Я жил в Бартоне, родители умерли, когда был маленьким, вот и побирался, как мог. Жил случайными заработками, кому крышу подлатать, кому по хозяйству помочь. И как-то вечером возле борделя ко мне подошел Уолтер, тогда я не знал, кто это, и предложил работу, помочь разгрузить телегу с товаром. Я подумал, что это купец товар привез. Через несколько дней он привез еще телегу, после чего предложил мне поехать к нему и охранять склад с товаром, я согласился и только через некоторое время узнал, чем он занимается, но уходить уже было поздно, он убил бы нас.

— Нас — это кого? — спросил я с ухмылкой.

— Меня и Вила. Ему он также предложил подзаработать, когда тот шел в графство Алирон в поисках работы. Поскольку он тоже голодал, ему пришлось украсть мешок зерна, а через некоторое время у того же мужика и свинью. Тогда его чуть на

вилы не подняли, успел сбежать. У мельницы нас встречали Эрик и Тед. Уолтер сказал, чтоб никуда не отлучались от мельницы, и, если вздумаем сбежать, он найдет нас и убьет.

— Ну а вы двое как оказались у Уолтера в подчинении? — спросил я у Мола и Теда.

— Я Эрик. Я сам к нему пришел, наслышан был о его делах. Поскольку я нигде не мог найти хоть какую-то работу, то решил примкнуть к нему. Но на сами нападения и грабежи он меня не брал, поскольку я телом слаб. Вот и поставил меня на мельницу, чтоб им еду варил, когда они возвращались, вот так и оказался у него, а после уже и привык. Мне другого и не надо было, главное, есть где спать и пузо всегда набито.

— Ну а ты, Тед, что-нибудь можешь рассказать в свое оправдание?

— Я так же, как и Арно, жил в Бартоне, но в баронстве не было работы, поэтому и пришлось пойти на кражу, украл мешок зерна, после чего сбежал из баронства и по дороге встретил Уолтера. Вот так и попал на мельницу.

— Интересно, как все у вас складно, получается.

Глава 9

Вернувшись в замок, я застал барона, все так же сидевшего у камина, он смотрел в огонь немигающим взглядом.

Я кашлянул, чтобы привлечь внимание.

— А, это вы, Ратибор, вы уже закончили с этими, — и барон вальяжно махнул рукой.

— Да, Александр, я переговорил с этими бандитами и предполагаю, что двое из арестованных, Арно и Эрик, не совершали нападений и убийств, я бы даже сказал, что практически в этом уверен. Их вина лишь в том, что они помогали Уолтеру с награбленным. И, находясь в банде, они были заложниками своей собственной глупости и страха. А насчет Вила и Тэда, думается мне, что есть их вина, но времени мало остается для вынесения приговора, не мешало бы все проверить и опросить свидетелей.

— Свидетели будут, я уже отдал приказание на этот счет. Всех опросим и вынесем вердикт, — перебив меня, сказал Александр.

— Согласно сборнику законов, судебная коллегия состоит из трех членов высокого сословия. Поскольку у меня есть грамота герцога, у тебя титул, но нам нужен третий — констатировал я.

— Я предлагаю сэра Генри, он рыцарь и достойный человек, — немного подумав, ответил Александр.

— Отлично, он согласится?

— Думаю, да, я пошлю за ним, скажи Ратибор, зачем тебе этот суд, ведь можно их просто повесить, за то что в банде состояли, и не заморачиваться всем этим, — и барон покрутил рукой в воздухе, а после добавил: — Судом.

— Я пообещал им честный суд, — спокойно ответил барону, который смотрел мне в глаза.

— И все, причина только в этом? — барон не стал отводить взгляд. — Только в данном слове.

— Да, барон, в данном слове, я его дал и постараюсь сдержать, и в торжестве закона, который у нас есть, вот пусть их закон и покарает, а не моя прихоть.

— Спасибо, — прошептал Александр. — А то со всем этим я уже стал забывать, как выглядит истинный благородный.

Александр тут же вызвал стража и приказал передать сэру Генри приглашение войти в судебную коллегию.

В полдень на центральной площади собралась добрая часть населения города, а также приезжих, посмотреть на суд над бандитами.

Взойдя на помост, на котором уже стоял стол и три деревянных кресла, Александр указал мне жестом, чтоб я сел в кресло в центре стола. Сам же он сел справа от меня. Тут на помост взошел в полном боевом доспехе сэр Генри.

Обменялись протоколами допросов обвиняемых, а также прочитали обвинительные заключения, после чего было принято решение начать процесс.

Александр встал из-за стола и поднял руку, призывая к тишине, гомон толпы начал стихать.

— Горожане, а также гости нашего города, мы начинаем судебный процесс о кражах и разбоях в отношении лиц, которые будут представлены позже. Председателем настоящего судебного процесса выступает Ратибор, представитель герцога Роберта Линского, на основании грамоты, дающей ему право проводить проверки, также расследовать и проводить процессуальные мероприятия, касающиеся преступлений, совершенных свободными гражданами, что приравнивается к полномочиям разъездного судьи, с ограничениями возможности единоличного расследования с вынесением приговора лицам благородного происхождения.

Также присутствует многим вам известный сэр Генри, и я сам. — громогласно произнёс Александр.

Положив грамоту на стол, сэр Генри стал ее рассматривать со всех сторон, пытаясь понять, не поддельная ли печать герцога, я сделал вид, что не придаю этому значения. Но что-то в этом меня насторожило.

— Итак, первым делом слушается обвинение Вила, свободного человека и горожанина, который, как было выяснено, состоял в банде всем известного Уолтера. Его обвиняет в краже свиньи и мешка зерна свободный человек по имени Сэм, пусть подойдет ближе, если он здесь присутствует, — так же громко произнес барон.

На помост вывели Вила, закованного в кандалы. А следом за ним на помост взобрался мужчина лет тридцати, плотного телосложения, с округлой формой лица и темными засаленными волосами.

— Да, это он украл у меня мешок зерна, а второй раз при краже свиньи убил моего брата. Соседи видели, как он убегал из свинарника с мешком, в который засунул свинью, а брата я нашел с разрезанным брюхом, — сразу ударился в крик Сэм и начал обличительно тыкать рукой в Вила.

Толпа вскипела криком, поднялся ор. Слышны были крики: «Смерть, казните ублюдка».

— Вы подтверждаете, что он украл у вас свинью, мешок зерна

и убил вашего брата? — спросил я.

— Да, подтверждаю. Да, у меня даже есть те, кто видел это все.

— Ну хорошо, если свидетели подтвердят, что он убил вашего брата, его казнят, — спокойно с усмешкой проговорил я. — Вот, подпишите здесь, это подписка о заведомо ложных показаниях, — я внимательно смотрел на Сэма.

— Это еще зачем? Если люди видели, как он убегал, — его голос начал дрожать.

— Свидетели тоже подпишут. А после казни Вила будет проведено дополнительное расследование по вашим показаниям, и если будут получены доказательства того, что Вил невиновен, но его казнили на основании ваших слов и слов свидетелей, то, согласно закона, — и я указываю на большую книгу, лежащую передо мной на столе. — Вас обвинят в ложных показаниях, приведших к смерти невиновного человека, поэтому вы все будете казнены.

Я хмыкнул, глядя на Сэма, а после продолжил:

— Но не путем отрубания головы, вам в рот будет вставлена металлическая воронка, в которую будет заливаться расплавленный свинец небольшими дозами, до тех пор пока вы не умрете. Но, поверьте мне, даже после первой дозы раскалённого свинца вам во рту выжжет голосовые связки, и вы не сможете кричать от боли, но будете все чувствовать.

После этих слов свидетели, которых привел Сэм, и те стояли за его спиной, попятились.

— Сэм, мы так не договаривались, ты сказал просто прийти и подтвердить, хотя мы сами не видели, как Вил ударил ножом твоего брата, — раздались голоса снизу помоста. — Мы отказываемся подписывать данную бумагу, — сказал один из приведенных свидетелей.

— Стража, под арест Сэма, и уведите арестованного Вила до выяснения всех обстоятельств, — скомандовал барон Александр.

Стража надела на руки Сэма кандалы и вместе с Вилом увела в сторону замка.

— Следующим слушается дело Тэда, он обвиняется в краже мешка зерна и убийстве двух человек. В этом его обвиняет свободный горожанин Морис.

На помост вывели Тэда, так же закованного в кандалы.

К помосту подошел парень лет пятнадцати-шестнадцати и также залез на него, в руках он держал соломенную шляпу, которую нервно крутил.

— Итак, вы обвиняете этого человека в убийстве ваших родителей, а также в краже мешка зерна? — громко сказал сэр

Генри.

— Да, ваша милость, истинно так, — нервно ответил Генри, а после поклонился нам, он со страхом на нас посматривал. — Я был маленький, но все прекрасно помню. Мы возвращались с ярмарки, на которой отец купил мешок зерна, этого нам должно было хватить на месяц. По дороге на нас напали двое, — и на глаза мальчишки выступили слезы. — Они убили мою маму. Одного из них отец успел заколоть, а второй, который стоит сейчас рядом, убил моего отца. А я убежал и спрятался, вот так было, ваша милость, я правду говорю, — мальчишка принялся теребить шляпу.

— Вы готовы дать подписку о заведомо ложных показаниях? — спросил сэр Генри

— Да, готов, я слышал, о чем вы говорили, — парень решительно взял листок бумаги и перо и прилюдно поставил крестик, куда показал сэр Генри.

— Чем ты можешь подтвердить свои слова? — с ехидством произнес сэр Генри.

— Перед тем как он убил моего отца, отец ему нанес удар ножом по торсу, я помню, я видел, — ответил парень, а в его руках соломенная шляпа стала совсем измятой.

— Снять с него рубаху, — закричал сэр Генри.

Охранники тут же клинками сорвали рубаху с Тэда и обнажили его торс. Горожане, стоявшие на площади, ахнули все в один момент. Поперек торса от правой груди до живота виднелся здоровенный и глубокий шрам.

Встав из-за стола, я повернулся к Тэду вполоборота и спросил у него:

— Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Тэд стоял с опущенной головой и смотрел в пол.

— Мы не хотели их убивать, так получилось, он первым бросился на нас с ножом, я защищался, я не виноват, — и Тед бухнулся перед нами на колени.

— Ну? — обратился к барону Александру и сэру Генри.

— Виновен, — кивнул барон, ему вторил и Генри.

— Суд признает Теда виновным в убийстве двух человек и краже мешка зерна и приговаривает Тэда к смертной казни, — громко объявил я приговор.

— Стража! — крикнул сэр Генри.

Стражники достали из-под помоста, на котором мы сидели, здоровенную деревянную чурку с небольшим углублением с одной стороны. Четверо стражников внесли ее на помост.

Выйдя из-за стола и расстегнув портупею, снял с плеча свой полуторный меч и обнажил лезвие. Стражники поставили на

колени Тэда и положили его голову на чурку подбородком в это углубление. Подойдя к подсудимому и размахнувшись что есть силы, круговым движением меча нанес удар ему по шее. И его голова упала на помост. Из тела начала вытекать бурным потоком алая кровь, потихоньку заливая помост. Стражники, взяв под руки обезглавленное тело Тэда, унесли его прочь. Подойдя к еще кровоточащей голове Тэда, я поднял ее за волосы на вытянутой руке перед собой и произнес:

— Каждый, кто заберет жизнь невиновного, поплатится жизнью. — Тут толпа взревела дикими овациями и аплодисментами, как будто это театральное представление.

Положив голову Тэда в мешок, который держал стражник, и протерев меч, вложил его в ножны.

Я присел на свое место, на душе было погано, ведь только что я убил человека. Да, виновного, когда в бою убиваешь совсем другие чувства, там или ты, или тебя, а вот казнь — это совсем другое.

— Следующим слушаются дела этих двух человек, они подозреваются в том, что работали на Уолтера, — произнес невозмутимый сэр Генри.

На помост завели Арно и Эрика.

— Кто-либо знает, кто эти люди? — продолжал Генри.

Слышен был только гомон. Тут из толпы послышался голос:

— Так это же Арно, он мне когда-то крышу на доме помог покрыть.

Так же раздались голоса:

— И мне!

— И мне тоже.

— Повторяю еще раз, кто-либо из присутствующих может сказать, замешаны ли эти двое в каких-либо злодеяниях, если никто и ничего не скажет, они будут отпущены, — злобно прокричал сэр Генри.

Из толпы начали доноситься слова и выкрики:

— Свободу! Отпустите невиновных!

— Что думаете? — обратился я к благородной коллегии.

— А, — только махнул рукой барон Александр.

— А я бы их все равно казнил в назидание, — сварливо проговорил сэр Генри.

Встав из-за стола и повернув голову в сторону подсудимых, я произнес:

— Суд решил признать Арно и Эрика виновными в сотрудничестве с убийцей, грабителем и насильником Уолтером, а чистосердечное их признание в содеянном расценить как раскаяние и освободить их из-под стражи прямо сейчас.

Стража! — стражники тут же сняли с них кандалы.

На этом судебное разбирательство окончено. Встав из-за стола, мы все втроем покинули помост, в стороне стояли, потирая руки после кандалов, Арно и Эрик, которые, завидев меня, подошли и поклонились.

— Ваша светлость, спасибо вам, спасибо, что не казнили и не отправили в каменоломню. Но мы сейчас остались одни, и идти нам некуда, поспособствуйте как-нибудь нам. Мы будем вам премного благодарны, — тихонько проговорил Арно.

В голове всплыл разговор утром в подвале о том, что Арно парень с руками, а Эрик готов работать за еду.

— Ну хорошо, я помогу вам, но, если меня подведете, пеняйте на себя.

— Ваша светлость, все что угодно, мы вас не подведем, мы вам жизнью обязаны, — с радостной улыбкой вскрикнул Эрик.

— К вечеру приходите к замку барона, я вас буду там ждать.

Поклонившись, Арно и Эрик остались стоять на месте, мы же втроем направились в сторону замка барона Александра. По дороге Александр спросил, где это я нашел в своде закона казнь за лжесвидетельствование, и при том такую жестокую. Я и сэр Генри расхохотались враз.

— Ее там и нет, я уверен в том, что Вил украл только свинью и мешок с зерном, будь он неладен. Он не убийца — это факт, о том, что Тэд что-то скрывал, я тебе еще утром сказал. А этот жирный боров специально хотел свалить вину за убийство брата на Вила. Я практически сразу это понял, скорей всего, он брата убил сам, но для чего, это пока непонятно, но я все выясню.

Всю дорогу, пока шли в замок барона, боковом зрением я видел, что на меня смотрит сэр Генри. Пока непонятным для меня взглядом.

Добравшись до замка, Александр распорядился накрыть стол на троих. Слуги принесли обед, хотя и изрядно запоздавший. На стол поставили недоеденного вчера вечером запечённого поросенка, тушеных кроликов и нескольких запечённых уток с яблоками и уже по традиции красное вино.

Я, только находясь в баронстве Аденском, понял, почему люди пьют вино чаще, чем воду, поскольку вино давилось из винограда без каких-либо примесей, а вот вода тут не отвечала никаким санитарным нормам. Вода годилась только для стирки вещей, мытья полов и питья для скота.

Чтоб пить воду ее нужно было кипятить несколько раз.

Сидя за столом, сэр Генри начал разговор первым:

— Как вам удалось убить Уолтера и его подручных, да еще и в одиночку?

— Чудом мне просто повезло, ну и я был не один, а в сопровождении, поэтому, полагаю, перевес сил был на нашей стороне, — с ухмылкой ответил ему.

Отобедав, сэр Генри поблагодарил за потрясающе вкусный обед, а также выразил благодарность за то, что его пригласили.

Оставшись наедине с Александром, обратился к нему с просьбой:

— Барон, те двое, которых мы помиловали сегодня, я бы хотел пристроить их к твоему двору в качестве мастеровых, они будут работать у тебя за еду, поскольку идти им некуда и жить негде. Но самое главное, они были у Уолтера на его складе, как я тебе уже говорил, поэтому вдруг когда-нибудь они что-то вспомнят или случайно проболтаются насчет твоего сына. — Поэтому держать их при себе тебе сейчас даже выгодно. Ну как, возьмёшь? А то у тебя конюшня уже покосившаяся, — с улыбкой и смешком произнёс я.

— Эх, умеешь ты уговаривать людей, ну разумеется, возьму. Работать будут за еду, это прям золотая находка и блестящее предложение, — засмеявшись, Александр понес свой бокал вина к моему, мы стукнулись бокалами и осушили их.

Так мы и просидели до вечера, пока я не вспомнил, что должны прийти Арно и Эрик. Выйдя на улицу, вдалеке у входных ворот в замок барона заприметил двоих стоящих мужчин. «Это они, как пить дать, молодцы, не сбежали», — подумал я про себя.

Подойдя к воротам, дал распоряжение охране впустить Арно и Эрика на территорию замка. Идя за мной по двору, они озирались по сторонам, будто ища какой-то подвох, словно их схватят и тайно убьют вдали от людских глаз. Подойдя к замку, я им указал на конюшню и один из шпилей замка, который уже давно развалился от старости.

— Теперь вы будете жить и трудиться здесь, я договорился. Будете выполнять распоряжения барона по хозяйству. Спать можете пока в этой старой конюшне, она ничем не хуже той мельницы. Вам необходимо будет починить, как вы видите, шпиль на башне, конюшня немного покосилась, и так, по мелочам, что прикажут. Кормить вас будут три раза в день по распорядку барона.

Упав на колени, Арно и Эрик стали меня благодарить, я поднял их с колен и пригрозил, чтоб мне в ноги не падали, не люблю я это дело, да и непривычно, что люди унижаются.

Накормив Арно и Эрика, я отправился в свою комнату, в которой продолжил изучать сборник законов, так и уснув с ним в руках.

Проснулся, когда в окно уже пробивались лучики солнца и

подсвистывали принцы.

Спустившись вниз, увидел, что за столом уже сидел и завтракал Александр.

— Твои-то уже с самого утра топорами и молотками стучат, — радостно сказал барон.

— Для таких людей главное, что они вольные, есть где спать и что поесть, остальное вторично, — ответил я Александру.

Позавтракав, вышел во двор, увидел Арно и Эрика, усердно трудящихся над конюшней. Где-то меняя сгнившие столбы, где-то доски. Я же, сев на коня, двинулся в сторону дома Агнес, чтоб забрать с собой Антуана.

На пороге дома меня встречал Фрей, стоящий возле двери с перевязанной рукой.

— Ну, я смотрю, ты идешь на поправку, — улыбнувшись, сказал старику.

— Вашими молитвами, ваша светлость, если б не вы, был бы уже на том свете, — сипло прошептал старик.

— Не знаешь ли ты, случаем, Сэма, живущего в деревне недалеко отсюда, у него еще вроде как брата кто-то убил?

— Разумеется, знаю, но не сильно хорошо, я знал их отца, славный был мужик. Работал, не покладая рук, лишь бы прокормить семью. А сынки его, два здоровых лба, не хотели помогать ему. Вот тянул он все на себе, как мог, да и в один момент помер, ну, тогда и сынкам пришлось начать работать, постоянно они между собой ругались, выясняя, кто больше работал и кто должен большее денег получить. Поначалу их хоть как-то сдерживала мать, но вскоре и она умерла. Ну, тут у них и началась дележка.

Тут к дому подошли Антуан и Агнес, прогуливающиеся под ручку.

— Спасибо тебе, Фрей, за информацию. Собирайся, нам нужно ехать, — обратился к Антуану.

Тот с явным недовольством отпустил руку Агнес и пошел во двор за конем. И мы направились в деревушку, где жил Сэм.

Добравшись до деревни и узнав у местных жителей, где живет Сэм, мы быстро нашли его дом. Подъехали к поместью, поскольку простым крестьянским домом назвать это язык не поворачивался, теперь я понял, о чем говорил Фрей: отец Сэма и Морса положил жизнь на возведение всего этого. Перед нами стоял большой двухэтажный дом, на втором этаже жил сам Сэм, а на первом двое его рабочих. На дворе были два больших строения, одно из которых коровник с тремя телками, на втором этаже был сеновал, второе строение оказалось свинарником на пятнадцать свиней. Плюс к этому добру был просто огромный

огород с различными насаждениями, и для этих времен это очень богатое наследство.

Первым делом обратились к рабочим по хозяйству, но они, как сговорившись, молчали. Тогда пришлось опять пойти на хитрость.

— Если вы мне сейчас ничего не расскажете, то поедете со мной и будете подвергнуты пыткам. Ваш хозяин сидит в темнице и уже обо всем рассказал, ваш рассказ всего лишь формальность, — спокойным голосом произнес.

— Антуан, неси кандалы, будем заковывать их, — повернув голову, обратился к Антуану.

После этих слов их прорвало, и они начали рассказ, перебивая друг друга. Рассказав, что братья очень часто ссорились из-за раздела денежных средств.

В день, когда украли поросенка, они пошли в загон для свиней, по дороге, как всегда, ругались, кто был виноват и по чьей вине вор пробрался в загон. Зайдя внутрь свинарника, они ругались, но, что там произошло, не видели. После чего из свинарника вернулся только Сэм и сказал, что Морса убил грабитель, и приказал нам молчать.

Выйдя на улицу, я опросил нескольких соседей, которые так же подтвердили, что братья постоянно ругались, а также иногда угрожали друг другу расправой. Выяснив все, что нужно, мы отправились назад.

По приезде Антуан сразу сбежал к Агнес. Я же поехал в замок барона. Зайдя во двор, я увидел уже почти отремонтированную конюшню, во всяком случае, она была не такой кривой и завалившейся. В замке меня уже ожидал Александр, которому доложили о моем приезде. И за бокалом вина я поведал барону о том, что узнал, он был удивлен.

— Вот видишь, Александр, я был практически уверен в том, что Вил не убивал брата Сэма, его убил сам Сэм ради наследства. Можешь назначать судебное заседание.

— Назначим суд на утро послезавтра, оповестим горожан, да и сэра Генри нужно так же известить, — задумчиво проговорил барон.

Весь следующий день я провел в прогулках по городу. Горожане уже стали меня узнавать, здороваться и кланяться. Несомненно, это было приятно, но тут же возникала мысль, они здороваются из уважения или из-за страха.

Наступило утро дня, на который было назначено судебное разбирательство по обвинению Вила в краже мешка зерна и свиньи, а также внезапно всплывшее в отношении Сэма обвинение по подозрению в убийстве собственного родного брата.

Горожане уже с утра начали сходиться на площадь, на помосте уже был установлен все тот же стол с тремя деревянными креслами. Усевшись на свое место, барон Александр распорядился привести подсудимых. Встал с места сэр Генри, глядя на него, горожане затихли.

— Суд продолжается в том же составе. Слушается дело по обвинению Вила в краже мешка зерна и свиньи у Сэма, а также убийстве Морса, брата Сэма.

Встав, заговорил уже я:

— Произведя выездной опрос свидетелей, стало известно, что Сэм и Морс часто ругались и угрожали друг другу расправой. В день, когда Вил украл свинью у братьев, они пошли в свинарник, и у них завязалась словесная перепалка, после чего у них возникла драка, в ходе которой Сэм убил своего родного брата Морса и приказал своим работникам об этом молчать, а всем остальным сказал, что это грабитель его убил и украл свинью.

Тут площадь загудела:

— Братоубийца, смерть ему.

Барон Александр, встав с места, поднял руку, толпа затихла.

— Что ты можешь сказать в свое оправдание, Сэм? — обратился к нему Александр.

— Я не хотел его убивать, он меня все время доставал, вот нервы и не выдержали, — опустив глаза в пол, признался в содеянном Сэм.

— Суд приговаривает Сэма к сметной казни через повешение, учитывая его признание, суд применит казнь через отрубание головы, — громко и неспешно произнес я.

— Стража! — вскрикнул сэр Генри.

На помост внесли все ту же здоровенную деревянную чурку, на которой еще не высохла кровь Тэда. Расстегнув шлейку и сняв ножны из-за спины, я вышел из-за стола и обнажил меч. Стража к этому моменту поставили на колени Сэма и положила голову на чурку. Подойдя к нему и размахнувшись, я произнес:

— Язык твой — враг твой! — и что есть силы нанес удар мечом.

После того как убрали тело Сэма, я вернулся на свое место.

— Итак, продолжаем. Суд признает Вила виновным в краже мешка зерна и свиньи и назначает ему наказание в виде штрафа в три серебряных, что соразмерно одному мешку зерна и одной свинье. Поскольку потерпевшего уже нет в живых, наследников и близких родственников не имеется, штраф предстоит уплатить в казну баронства Аденск. За неуплату указанной суммы или попытку сбежать будет применена смертная казнь, — озвучил я

общее мнение.

— Стража! Снять кандалы с подсудимого, — прокричал барон Александр.

Горожане начали неспешно расходиться.

Спустившись с помоста, ко мне подошел Вил.

— Ваша светлость, простите меня, но как мне отдать назначенный штраф, ведь у меня нет таких денег, — прошептал Вил

— Успокойся, все решаемо. Отработаешь у барона в замке. А если ты думаешь, что это наказание несправедливое, то по местным законам ворам отрубают руку. За каждое преступление приходится расплачиваться.

— Приходи в замок барона, там тебя пристрою, — тихонько проговорил я.

В замке сразу попросил Александра принять еще одного работника, на этот раз должника, барон понял, если он его не примет, тот опять пойдет воровать, или за неуплату штрафа ему придется отрубить голову. А после направился отсыпаться.

Проснувшись, уже по привычке спустился вниз к столу, у камина стоял барон с письмом в руке.

— Герцог Роберт Линский приглашает на празднество в честь дня рождения его сына Людовика, празднество состоится через неделю, — взволнованно произнес Александр.

— Я совсем забыл, после казни братьев Даттон мы даже не успели толком поговорить. Мне нужно собраться в путь. Увидимся у герцога.

И я, собрав вещи, покинул замок барона, правда, чуть не забыл про свою свиту и приказал ей выдвигаться во дворец герцога. По пути заехал в дом Фрея и Агнес, где вместе с ними был и Антуан, чему я совсем не удивился.

— Я возвращаюсь во дворец герцога, ты со мной или останешься? — с ухмылкой спросил у Антуана.

— Я с вами, ваша светлость, — произнес Антуан и пошел за конем.

Спешившись с коня, подошел к Фрею и дал ему пять серебряных монет. Фрей опешил, даже слова не мог сказать.

— Оставь себе. Купи что-нибудь Агнес. Пусть у девушки будет приданое, — я расхохотался в голос, ведь у девушки, судя по всему, появился жених.

Вскочив на коней, вместе с Антуаном и свитой отправились во дворец герцога Роберта Линского.

Глава 10

На подъезде к городу было целое столпотворение, к воротам вела длинная очередь из крестьян и торговцев, а также благородных различных мастей, все стремились попасть в город. Благородные, естественно, лезли без очереди, из-за этого возникали различные эксцессы в виде скандалов.

Так что пришлось прорываться через толпу благородных, но десяток солдат за моей спиной, одетых в цвета герцога, смиряли гнев господ, лишь изредка в спину летели вопросы. Предъявив грамоту с печатью герцога стражникам на воротах, я был сразу же пропущен.

К дворцу герцога уже подъезжали гости из ближайших графств и баронств, а также повозки с продовольствием.

На улицах города, везде наблюдалась суета. Горожане бегали как ошпаренные и украшали свои дома. Да и торговцы были чересчур активны, их крики были слышны из каждого закоулка.

Город готовился к празднеству.

Поскольку торжество приурочено к дню рождения сына герцога, то с пустыми руками, разумеется, я не мог туда пойти. Так что лавка знакомого ювелира вовремя попалась мне на глаза. Зайдя в лавку, Андре расплылся в улыбке, увидев меня.

— Добрый день! Мне нужен серебряный браслет на руку мальчишки лет пяти, это будет подарком сыну герцога, сможешь изготовить?

— Разумеется, — ювелир нахмурился и развел руки в сторону, — но сейчас очень много заказов, поэтому у меня все мастера заняты, — Андрэ протянул эту фразу и замолк.

— Сколько, — грубо спросил его.

— Двойная плата и шесть серебряных как предоплата, и то возьмусь только из уважения к вам, наслышан о ваших делах, — и Андрэ попытался улыбнутся подобострастно, но вот в его глазах я видел блеск золота.

— Надеюсь, Андрэ, вы меня не подведете, и браслет будет достойным наследника герцога, я через три дня за ним зайду, — я выложил монеты на стол и покинул Андре, не дав ему сказать хоть слово и перенести срок.

Я уверен, что он сейчас клянет себя и думает, что надо было просить тройную цену.

На подъезде к дворцу герцога я отпустил свою свиту. И мы вдвоём направились во дворец, проезжая к центральному входу дворца мимо чудесного парка, я обратил внимание на то, что по нему гуляют аристократы. Мужчины и дамы степенно

прогуливались по дорожкам парка.

Возле входа дежурила пара слуг, которые приняли у нас лошадей и вещи. Пройдя мимо постов охраны, слуги проводили меня и Антуана в мою комнату. М-да, действительно мою, я уже к ней привык и был рад вернуться в этот роскошный дворец.

Разместившись в комнате, я кликнул слугу и распорядился, чтобы он уведомил герцога о моем прибытии и попросил аудиенции.

Присев на кровать и откинувшись на спину, я наконец расслабился. Антуан же, расположившись в каминном кресле, уставился на здоровенную ветку сосны, горевшую в камине.

Примерно через час в дверь комнаты постучали и вошел слуга, сообщив, что герцог готов сейчас меня принять.

Недолгий путь вслед за слугой по дворцовым коридорам, и вот я вхожу в апартаменты герцога.

Роберт при виде меня расплылся в улыбке и, как прежде, обнял по-дружески.

— Присаживайся, давай выпьем вина, а то ты с дороги, уставший. Ну-с, рассказывай, — с любопытством спросил герцог.

— Ваша светлость, заезжал к барону Аденскому, там пришлось немного задержаться. Возникли обстоятельства, — вздохнув, ответил я Роберту.

— Да, я уже наслышан об этих обстоятельствах, — и Роберт громогласно рассмеялся. — О тебе хорошо отзывались достойные люди, в частности, об организации суда и о том, что ты сам привел приговор в исполнение. Да и по банде этой, даже до меня уже доходили некоторые слухи о ней. Молодец, хвалю.

— Кто это успел тебе доложить, я ведь только приехал? — спросил я прямо. Хотя в голове некоторые варианты уже были.

В дверь раздался стук.

— Входите, — крикнул герцог.

И слуги распахнули дверь, в кабинет вошел начальник стражи герцога, сэр Томас, облаченный в полный доспех, под левой рукой он держал свой шлем. Напряженные скулы от тесно сжатых зубов и выдвинутый волевой подбородок выдавали тревогу, его ноздри раздувались от гнева. Спешным шагом подошел он к Роберту и что-то прошептал ему на ухо.

— Что? Езжай туда и разберись, — вскочив с кресла, проговорил герцог, было видно, что он сдерживает гнев. А после, немного подумав, добавил:

— Ратибор поедет с тобой.

Вопросительно взглянул на Роберта.

— Съезди, потом расскажешь, что увидел, — устало махнул рукой Роберт.

И я направился вслед за сэром Томасом. Он шел впереди со зверским выражением лица, которым распугивал всех слуг.

Спустившись и выйдя во внутренний двор, я увидел, что возле кареты нас ждал какой-то священнослужитель, в длинной темно-коричневой рясе с капюшоном, накинутым на голову так, что его лица не было видно. Руки он скрестил на животе, из широких рукавов рясы виднелись тонкие костлявые пальцы, в которых он держал деревянное распятие на кожаном шнурке.

Мы уселись в карету, запряжённую четверкой лошадей, и она сорвалась с места, стрелой полетела по дороге прочь от дворца.

На мой вопросительный взгляд сэр Томас ответил, что я сам все увижу, и я не стал ничего спрашивать. Сам, так сам.

Ненавижу кареты, мало места, душно, так еще и трясет на каждой кочке, ну на хрен эти средства передвижения.

Немного поблуждав по закоулкам городских улиц, карета остановилась, и мы вывалились на улицу.

У старого заброшенного покосившегося дома нас ждали стражники, облаченные в сюрко[8], окрашенные в цвета герба Ричарада.

Первым в дом ломанулся монах, словно за ним черти гнались с вилами наперевес.

А следом зашли уже мы, стражи, стоящие возле входа, замкнули нашу процессию.

Пройдясь по грязному коридору, мы вышли в небольшой зал, где к потолочной перекладине за ноги был подвешен мужчина, и на вид он был молод, слегка за двадцать, более точно я пока сказать не могу. Одетый в ярко-синий котарди, расшитый золотом, с широким ремнем, на котором блестели драгоценные камни. На шее ниже кадыка имелся разрез. Голова и лицо мужчины было залито кровью. Котарди было разорвано, и на груди виднелся глубокий разрез. Руки у трупа были связаны за спиной. Я обошел и со всех сторон осмотрел висящее тело.

— Это эсквайр Нейт, он со своим сюзереном графом Джеромом Бунвинским прибыл только сегодня, — проговорил сэр Томас.

— Это происки дьявола, — вскликнул монах и начал читать молитву.

— Тут все так и было, никто ничего не трогал? — поинтересовался я у сэра Томаса.

— Да, стражники увидели его и тут же сообщили главе стражи города, после чего донесли об этом мне, — ответил сэр Томас. — Убийство благородного, да еще таким жутким способом… — а после сам перекрестился.

— Вы не возражаете, если я его осмотрю, святой отец? Я ни в

коем случае не хочу оскорбить чувство веры, но мне нужно выяснить некоторые обстоятельства, — спросил я у святого отца и перевел взгляд на герцога.

Святой отец тут же взглянул на сэра Томаса, а он, немного подумав, кивнул.

— Ратибор прибыл издалека, возможно, у них там так принято, — озвучил свою мысль Томас, глядя на монаха.

— Конечно, но что вы хотите увидеть? — с интересом спросил святой отец, — неужто дьявол мог оставить следы на этом, без сомнения, добропорядочном христианине?

Подойдя ближе к трупу, я начал уже более подробно его осматривать, проговаривая вслух по своей еще давно выработанной привычке.

— Шея перерезана, но на полу нет лужи крови, что говорит о том, что его кровь была слита в какую-то широкую емкость, либо он был убит в другом месте, а здесь его просто подвесили. На шее имеется след от удара прямо в яремную вену, и, судя по всему, удар был сделан, когда он был еще жив, и только после этого ему перерезали горло. — На груди имеется глубокий разрез, но кровотечение было небольшое, что так же свидетельствует о том, что разрез был сделан, после того как он был обескровлен. — Разрез произведен напротив сердца, странно.

Засунув пальцы в разрез на груди, я ощупал сам разрез, а после пришлось погрузить руку чуть глубже.

— Отсутствует сердце, его вырезали. Исходя из всего этого, могу сделать предварительный вывод, что человек, совершивший это, прекрасно знал, что делал. Линии разреза весьма ровные и не рваные.

— Это дьявольский ритуал, его принесли в жертву дьяволу, — зло воскликнул монах.

— Возможно, это действительно какой-то ритуал, — не стал отбрасывать версию монаха. — Вещи убитого на месте, его одежда достаточно дорогая, и ее не сняли. Это убийство было совершено явно не с целью обогатиться. И убийцу не интересовали вещи покойного. Возможно, это месть, или убийство совершено, чтобы таким образом передать какое-то послание, например, графу Джерому, чьим вассалом он был, а возможно, и действительно какой-то ритуал, как было замечено ранее достопочтимым церковником.

На что монах кивнул, принимая мои версии. А сэр Томас хмурил брови, пытаясь осмыслить сказанное мной.

— Да и тело еще не окоченело после смерти, видно, все произошло не так давно.

Я, к сожалению, не судмедэксперт и по состоянию тела не

способен определить даже примерное время смерти.

— Ну, я поутру его видел в замке, — высказался сэр Томас.

Осмотрев тело спереди, я обошел его для осмотра связанных рук.

— Костяшки рук сбиты, вероятно, Нэйт сопротивлялся перед смертью.

И тут я увидел на правой руке между указательным и средним пальцем под уже засохшей корочкой крови в рассечённой ране осколок человеческого зуба. Судя по всему, это часть верхнего резца. Это была единственная зацепка, что я смог обнаружить.

Немного пошатавшись по дому, но так ничего и не обнаружив, мы покинули его.

— Преподобный отец, а вы о таких способах убийства не слышали?

— Так сразу и не скажу, надо братьев спросить и книги посмотреть. Если вас не затруднит, пройдемте со мной в мою скромную обитель, сами и прочитаете записи, — ответил монах.

Сэр Томас приказал стражникам снять тело Нейта, укрыть его тканевыми покрывалами и отправить его в ледник при дворце герцога.

Мы же со святым отцом направились в его скромную обитель.

По пути в церковь священник меня расспрашивал, откуда я прибыл. Рассказал ему, что я из далекой северной страны под названием Русь, после этих слов он на меня весь оставшийся путь посматривал как-то искоса.

А что ему я еще мог сказать, что являюсь незаконнорождённым сыном померанского герцога, и сейчас единственный представитель рода грифичей. Или то, что являюсь попаданцем, нет уж, увольте от таких откровений. Хоть на исповедь не предложил к нему пройти и то хорошо.

При подходе к церкви он перекрестился и внимательно посмотрел, как то же самое проделал и я.

Зайдя во внутренний дворик церкви, монах попросил подождать его, а сам зашел в длинный дом, возможно, там располагаются кельи, а может, и библиотека.

Я же погрузился в думы, и чем больше думал, тем больше склонялся к версии, предложенной монахом, о том, что это все ритуал. Да еще и вспомнил о вырванных той лекаркой у мертвых братьев сердцах. А тут и кровь сцедили, и сердце вырвали.

Священнослужитель вернулся спустя час, в руках он нёс огромную книгу с кожаной обложкой, выкрашенную в бордовый цвет.

Открыв книгу на только ему ведомой странице, он указал на

непонятные мне символы и произнес:

— Тут говорится, что обескровленный человек может служить для магического заклинания, которое дает силу тому, кто выпьет его кровь, а также съест сердце. Также указано, что подобные отметки в виде прокола остаются после удара особым кинжалом, который может накапливать жизненные силы убиенных, а убийца после ими пользоваться. — Есть и другие подобные ритуалы, но этот похож больше всего.

— Колдовство? Заклинания? Это что, какая-то магия? — с удивлением спросил я.

— Да, это черная магия, ересь, само зло воплоти, на которое может пойти человек. — Есть много разных предметов, разбросанных по свету, и честным людям, и добропорядочным христианам следует их обходить. Такими предметами могут быть любые вещи, от простого, на первый взгляд, клинка до винного кубка.

После этих слов у меня в памяти всплыл разговор с Изабеллой в темном переулке. О ее словах, о ведьмах и их колдовстве.

Что-то часто я её сегодня вспоминаю.

— Интересно, получается, произошло перед самим праздником у герцога, да еще и вы говорите, что кинжал не простой. Возможно, убийца один из приезжих.

— А может, убийца и вовсе один из участников турнира? Ведь, судя по описанию, кинжал может накапливать жизненную силу убиенных, и как раз в турнире это может прекрасно помочь, — заметил священнослужитель.

— Какого турнира? Разве герцог не просто торжественный приём решил устроить? — с удивлением спросил я.

— Нет, ты что, — он улыбнулся, — герцог и турнир рыцарский устраивает, ты разве не слышал?

— Нет, не слышал, — я помотал головой.

— Много рыцарей разных объявило о своём участии в этом турнире, уж больно призы хорошие герцог пообещал победителям.

— Хм, от этого легче не становится, возможно, убийца будет одним из победителей турнира, для этого и проводит ритуал. Но почему убит дворянин, а не простолюдин? Ведь на убийство простолюдина никто бы внимания не обратил?

— Тогда тебе стоит присутствовать на турнире и внимательно приглядываться к его участникам. Ну а по поводу дворянского происхождения жертвы спросишь уже непосредственно у убийцы, я тут тебе ничем не смогу помочь, — ответил монах.

В словах его была какая-то загадка, будто он что-то недоговаривал. Но если убийца провел этот магический обряд, съел сердце, употребил кровь несчастного Нейта, и это все правда о заклинаниях и силе, то один из финалистов и будет тем, кто совершил это убийство. По крайней мере, это мотив в виде победы в турнире, за дорогие призы.

Поблагодарив монаха за помощь, я отправился в замок к Роберту. По пути до дворца я вспомнил слова Изабеллы и ее пристальный взгляд на мой молот. Да и после того, как на молоте вспыхнули знаки, я тоже начинаю верить в колдовство и магию.

Мда, все чудесатее и чудесатее.

Дойдя до своей комнаты, попросил слугу принести обед. Через четверть часа в дверь постучали слуги и внесли обед. Антуана в произошедшее с Нейтом я не посвятил, так что обедали в тишине, и по внешнему виду парня было видно, что он страдает вдали от Агнес.

Не ется юному плейбою, разлука с девкой парня мучит.

Через пару часов пришёл слуга, сказав, что герцог меня ожидает. Пройдя за слугой все в тот же просторный и светлый кабинет, Роберт встретил меня не слишком радостно.

— Рассказывай, что узнал у преподобного, обо всем остальном мне уже доложил Томас, — произнес грубым голосом герцог.

— Выяснили, что это, вероятно, какой-то колдовской ритуал. Его проводят в целях кражи жизненных сил убитого. Я полагаю, что убийца — кто-то из приезжих рыцарей. Он, вероятно, будет участвовать в турнире. И, возможно, это сделано для полной уверенности в победе. Ну а после турнира будет пир? — я внимательно посмотрел на Роберта.

А он просто кивнул, подтверждая мои слова.

— И победитель должен сидеть за столом недалеко от вас. Поэтому кто знает, какие планы преследует убийца. Либо это просто победить на турнире, либо подобраться поближе к вам, — и я многозначительно посмотрел на Роберта.

Тут Роберт замер, его глаза уставились в одну точку.

— Мой сын. Мой Людовик. Нет, — вскрикнул Роберт. — Ты будешь сидеть по правую руку от меня, — напрягшимся голосом проговорил Роберт.

— Я не могу сесть за стол рядом с тобой, поскольку я здесь никто. А о моем происхождении никто не знает. И упоминать о нем, право слово, не стоит. По правую руку усади сэра Томаса, на мой взгляд, он достойный человек, — пытаясь успокоить Роберта, ответил я.

Роберт поднялся и задумчиво прижал кулак правой руки к

своему рту и начал большими шагами измерять свой кабинет. Тут он отпустил руки, и в его глазах вспыхнула искра:

— Я все решил, приходи завтра в полдень в зал. Только помойся перед этим хорошо, а теперь ступай, я хочу побыть один, — махнув тыльной стороной кисти, дал понять, чтоб я его оставил.

Это первый раз, когда я видел герцога в таком состоянии, его переполнял страх и отчаяние, но не за свою жизнь, а за жизнь своего сына и наследника. Выйдя их кабинета герцога, я вернулся в свою комнату. Оставшийся день я просидел в своей комнате в каминном кресле в попытках угадать, что он придумал, да и просто наслаждался бездельем и ничегонеделаньем. Вечером приказал слугам, чтобы с утра принесли мне воду и принадлежности, чтобы я смог хорошенько вымыться.

Проснувшись утром, у дверей комнаты обнаружил ждущих с ушатом теплой воды слуг, а также цирюльника со всеми принадлежностями.

После того как я ополоснулся, меня усадили в кресло, и цирюльник начисто выбрил меня, немного подровняв волосы, я все же спросил, для чего это все и зачем, но мне ответили, что такова воля герцога.

Надев свежее нижнее белье, а также чистые вещи, накинув на плечи портупею с мечом, слуги попросили следовать за ними. И проводили меня до зала, только вход был не центральный, а небольшая и неприметная дверь. Поклонившись мне, они удалились. Открыв дверь зала и сделав шаг, я обомлел.

Глава 11

В зале было уйма народу, благородные дамы и сэры, гости, среди которых были графы, бароны и множество рыцарей в полных доспехах, державших блестящие шлемы в руках. В конце зала в кресле восседал герцог Роберт Линский. А от украшений так и рябило в глазах.

От их взглядов мне было не по себе, хотелось поежиться, но я держал себя в руках, спина ровная, шаг неспешный, а глаза чуть прикрыты. Я вышагивал по дорожке. Заиграла труба, ее звук словно приветствовал меня. Оглядевшись по сторонам еще раз, я направился к Роберту, идя как будто по широкому коридору из стоящих по сторонам гостей, меня остановил герцог.

Голову Роберта венчала корона, которая представляла собой золотой обруч с пятью остроконечными зубцами, увенчанными жемчужинами, на плечах красовался ярко-синий плащ, расшитый позолотой в форме головы льва, символизирующей герб герцога. А из-под плаща виднелись его руки в ярко-синих бархатных перчатках, сжимающие рукоять меча.

— Ратибор, преклони колено, — спокойным голосом произнес Роберт. Он был доволен произведенным эффектом и просто и незамысловато лыбился, глядя на меня.

Я делаю шаг вперед и преклоняю колено, опираясь на лежащую передо мной подушку. Роберт величаво поднялся с кресла, было видно, что он наслаждается моментом. Пару мгновений тишины, и он произносит:

— Во славу и во имя Бога Всемогущего, Отца, Сына и Духа Святого, властью, данной мне, жалую тебя рыцарем, Ратибор. Будь верен Богу, государю и братству рыцарскому, будь медлителен в мести и наказании и быстр в пощаде и помощи, посещай обедню и подавай милостыню.

Закончив, Роберт вынул свой меч из ножен и положил его на мое правое плечо. Тут раздался голос уже знакомого мне по вчерашним событиям священнослужителя:

— С каким намерением желаешь ты вступить в рыцарское общество Ратибор?

Не раздумывая, я ответил, как будто знал, что говорить, или уже проходил подобное когда-то.

— Обещаю и клянусь в присутствии Господа нашего и благородного люда тщательно блюсти законы и наше славное рыцарство.

— Встаньте, сэр Ратибор, — произнес Роберт.

Встав с колен, я тут же получил пощечину от герцога его

огромной ладонью, а голову мотануло из стороны в сторону и щека начала гореть от полученного удара.

Так, а это еще какого хрена? Во мне начала разгораться ярость и ненависть, а мир вновь начал замедляться. Я же прикрыл глаза и попытался успокоиться. И спустя пару мгновений я смог совладать с собой, а церемония продолжалась, как ни в чем не бывало, никто ничего не заметил.

— Будь храбр, и пусть это будет единственная пощечина, которую ты не вернёшь, — с некоторой издевкой произнес Роберт, продолжая лыбиться во все тридцать два зуба.

Так и хотелось стереть с его лица улыбочку, отвесив ответную пощечину.

— А ритуал демонстрации твоей ловкости и силы пройдет завтра, перед турниром.

Повернувшись лицом к толпе приглашенных, все без исключения кивнули мне в знак приветствия нового рыцаря. После чего герцог ладонью указал, чтоб я встал по правую сторону в число приглашенных гостей.

Сделав пару шагов к гостям, я встал в их ряды.

Пара минут тишины и ожидания, после чего открылась входная дверь в зал, в которую вошёл совсем молодой парень лет шестнадцати, которого так же посвятил в рыцари герцог Роберт Линский. После всех торжественных мероприятий гости начали расходиться, но герцог, встав с кресла, подошёл ко мне и положил руку на плечо, чуть нагнувшись, и прошептал:

— Надеюсь, ты понял, что фраза «быть медленным в мести» к тебе не относится? — в его голосе было веселье. Да и, судя по всему, он пребывал в отличном настроении сегодня.

— Разумеется, я понял, — ответил я, улыбнувшись.

После чего медленным и неторопливым шагом мы направились к выходу из зала.

— Теперь ты можешь сидеть рядом со мной на любом торжестве, я все выполнил. Постарайся защитить в случае опасности моего сына, — чуть слышно прошептал герцог.

— Я сделаю все, что от меня будет зависеть, и даже больше, — таким же тоном я ответил Роберту.

А дальше мы разошлись. Каждый в свою сторону.

Вернувшись к себе в комнату, ко мне подошел Антуан с расспросами о том, что произошло, и может ли он помочь.

— Теперь я сэр Ратибор, — с ехидцей ответил я

— Ваша светлость, поздравляю, — и это чудо полезло ко мне обниматься.

— Ты что себе позволяешь, смерд, я велю тебя выпороть на конюшне, — со смешком проговорил я.

— Простите, — только и вымолвил Антуан, — я не хотел оскорбить вас, сэр, прошу, простить меня, — и Антуан выпустил меня из объятий и отошел подальше.

Мда, походу, я переборщил с шуткой, или такое здесь вовсе и не шутка. Я с оторопью наблюдал за Антуаном.

— Эй, Антуан, я же просто пошутил, это всего лишь шутка, ты чего, Антуан? — вырвалось у меня.

Антуан с укоризной на меня взглянул и выдохнул.

— Просто мне вспомнился первый день нашего знакомства, мне казалось, я вас уже хорошо узнал, но вот вы произнесли, и мне сразу вспомнилось, как вы прижали меня мечом, да и, такое впечатление, что вы сейчас совсем другой нежели тогда, при первой встрече, вы были тогда каким-то озлобленным и немного растерянным.

Он прав я тогда был совсем другим и просто не понимал, что происходит вокруг.

А ведь я его по ходу сильно обидел, своими словами.

— Я не хотел тебя пугать и обидеть, Антуан, это всего лишь шутка, не принимай близко к сердцу, и я прекрасно помню то, что ты мне рассказал в тот день, я ничего не забыл, — я смотрел ему прямо в глаза.

— Спасибо, — прошептал он, а потом улыбнулся, как ни в чем не бывало и продолжил.

— Еще раз поздравляю, это очень почетно, что сам герцог вас посвятил в рыцари. Теперь вы можете участвовать на турнирах, вам не будет равных в боях. И вы можете на этом заработать огромные деньги.

— Я не хочу на этом зарабатывать деньги, — я помотал головой.

— Но это же почетно? — удивился Антуан.

— Не для меня, я не хочу выступать на потеху публике, да и найдется мне, чем заняться, кроме как ездить от одного турнира к другому, — усмехнулся я, вспомнив уже свое положение и желание разобраться в смерти семьи грифичей.

— Как скажете, — кивнул мне Антуан.

Я же распахнул дверь:

— Эй, есть кто?

— Да, ваша милость, — раздался голос одного из слуг в конце коридора.

— Иди сюда, — я подозвал его, дождавшись, когда он подбежит поближе.

— Так давай неси хорошего вина и пива, тоже хорошего, а не разбавленного.

— Ваша милость, для гостей герцога всё самое лучшее.

— Ага, как скажешь, каплуна и перепелок, да пообжаристей, чтобы корочка хрустела, и при виде нее хотелось еще больше есть, и чтобы запах был такой, что ммм, и слюни сами бежали. Рыбки, какой еще можно, и хлеба самого свежего, что найдется, и еще я хочу квашеной капусты, ты меня понял?

Слуга закивал.

— Ну, смотри у меня, я тебя запомнил, а да, к пиву еще чего в прикуску. На, держи, — я протянул руку вперед, и на моей ладони блеснули две серебряные монеты.

Слуга оказался сметливым и быстро смахнул рукой монеты.

— Все самое лучшее для вашей милости, и самое свежее, и вкусное будет, я уж прослежу, — и слуга унесся вдаль по коридору.

***

Посыпаться не хотелось, а во рту словно кошки нагадили, да и пить хотелось неимоверно, неплохо вчера посидели. Пересилив себя, я поднялся. А Антуан свернувшись калачиком храпел в кресле.

Хлебнув недопитого вина и немного посидев, я пришел в себя. А после растолкал Антуана и кряхтя начал свой разминочный комплекс. Антуан, уже привыкший к моим упражнениям, пытался их повторять. Правда, выходило у него это не особо, я бы даже сказал забавно, но парень старается, молодец.

Пока я разминался, к нам в комнату заглянули слуги и убрали остатки вчерашнего пиршества, а после подали завтрак и теплую воду для умывания. И во время еды мне доложили об ожидающем меня экипаже.

Точно, сегодня же еще ритуал должен состояться, о нем герцог вчера упоминал. Эх.

Быстро доев, я засобирался вниз вместе с Антуаном, слуга проводил меня во внутренний двор, где ждала карета, которая отвезла меня к городскому пустырю, где сейчас была выстроена турнирная арена, в которой должны пройти рыцарские конные схватки и пешие схватки на мечах. На стенах арены были развешаны гербы Роберта.

Турнир рыцарей в конно-копейной сшибке должен был начаться уже в скором времени. Меня и молодого парня Адальберто, принятого вчера в рыцари, готовили к выходу на арену для демонстрации своей ловкости и силы. Нам нужно было вскочить на лошадь, выхватить копье на скаку из рук оруженосца и поразить цель, то есть чучело в виде человека, изготовленное из

соломы.

Вот прозвучали трубы, оповещая о начале. На площадь въехали рыцари со штандартами, на которых располагались их гербы, у некоторых гербы были нанесены на щиты.

Рыцари въезжали на арену колонной по двое. Первыми двигались прославленные уже рыцари сэр Галахад и сер Эдуард по прозвищу Сильный. За ними ехали не менее знаменитые рыцари. Зрители — как благородного происхождения, так и простолюдины, — встречали их с криками и приветствиями. У каждого из зрителей был, конечно, свой фаворит, но первые два оставались вне конкуренции, поскольку слава о них шла по всей земле. Пройдя по всей арене по кругу, поднимая руки и приветствуя собравшихся на площади людей, выходили с арены в ожидании своего боя. Латы рыцарей были настолько сильно отполированы, что блеск от них ослеплял. Всего прибыло на турнир около пятидесяти участников.

Первыми вызвали на площадь меня и Адальберто, парень умело справился, хотя было видно его волнение. Вслед за ним вызвали и меня, и я выполнил поставленную задачу без особых проблем и не посрамил своё высокое рыцарское звание. А после я поднялся на трибуну, где ждал меня Роберт. Разместившись рядом с ним, начал наблюдать за турниром.

Подобные турниры я видел только по телевизору, в исторических в фильмах, но это совсем другие эмоции и ощущения. Тут не было той красоты и наведенного киношного лоска, тут все по-другому.

— Сэр Томас, я давно не посещал турниры, не могли бы напомнить мне правила? — я обратился к сидящему рядом со мной уже знакомому мне рыцарю.

— Хех, ну, они не изменились, но раз вы просите, сэр Ратибор, я, конечно, вам их напомню.

И, немного подумав, Томас начал рассказ:

— Существует жребий, который тянут рыцари, он определяет, кто и с кем сойдется в поединке. Перед выходом рыцарей их оруженосцы вывешивают щиты с гербами своих господ, чтоб собравшиеся видели, кто и с какой стороны учувствует в схватке. Так же оруженосцы подают турнирные копья.

— Подождите, а копья разве не боевые? — мне почему-то всегда казалось, что в таких забавах копья настоящие, боевые, я еще всегда удивлялся, как они не поубивают друг друга.

— Нет, конечно, — рассмеялся Томас. Это турнир, а не поле брани. И турнирные копья представляют собой копья, которые полые внутри, чтобы они ломались легко, к примеру, от среднего по силе удара в щит противника, при этом не пробивая сам щит.

Да и древко копья делается из относительно хрупкого дерева, которое легко ломается при попадании в щит или доспех.

Сэр Томас рассказывал, с видимым удовольствием смакуя различные детали.

— Да и наконечник копья специальный, корончатый, то есть тупой, с небольшими зубцами, он не пробьет доспех, но и не будет соскальзывать при попадании. — На турнирное копьё, так же, как и на боевое, надевался вэмплейт — стальная воронка, защищающая руку, держащую копье.

— А разве не бывает такого, что все же копье пробьет щит или доспех? — я не удержался от вопроса.

— Бывает, конечно, и такое, но это редкость. Ведь турнирные доспехи особые, более тяжелые и защищенные. Правда, в них очень неудобно сражаться на мечах. Но сражаться на мечах в них и не требуется, они только для конной сшибки.

Мда, столько мелочей, о которых я и не знал, а сэр Томас продолжал свой рассказ:

— Правила простые, нужно выбить своего противника из седла, чтоб он упал на землю. Для схватки дается три копья. Если за три раза никто из участников не выпадет из седла, победа присуждалась участнику, который нанёс последний удар. Но, если это нельзя определить, то в силу вступают более мелкие правила, но до этого не всегда доходит.

— Спасибо, сэр Томас, — я поблагодарил рыцаря.

— Обращайтесь, сэр Ратибор, мне приятно помочь в такой мелочи, такому рыцарю, как вы.

А тем временем глашатай объявил участников турнира и имена мне ни о чем не говорили, да и не расслышал я их в этом гуле. После проведения жребия первая пара участников вышла на арену. Оруженосцы разместили на гербы своих господ, бой начался.

Соперники взяли в руки щиты и копья. Глашатай вышел на центр поля с флагом. Спросил о готовности участников, те, в свою очередь, поднимали копья вверх, тем самым давая понять, что готовы к поединку. Глашатай вытянул флаг вперед и резко поднял вверх, дав начало поединку, а сам припустил во всю прыть к краю арены.

Соперники пустили своих лошадей в галоп и начали сближение. Опуская копья и прицеливаясь друг в друга. Удар копьями по щитам, участник, что начинал атаку справа от нашей трибуны, свалился с коня, его словно вылетел от удара после попадания копья по щиту. К нему подбегают оруженосцы и помогают подняться на ноги, и ему засчитывают поражение. Он выбывает с турнира.

Вторая двойка участников. Оруженосцы выносят гербы и вешают их. Зрители взрываются овациями, крик, свист, на площадь въезжает сэр Галахад. Выйдя на арену, его противник просит своего оруженосца снять свой герб с табло. Он не вышел на бой против Галахада, и тому засчитывается победа. Зрители ликуют.

Третья пара участников выходит на арену, все так же оруженосцы вешают гербы на табло. Рыцари на конях берут копья в руки. После отмашки глашатая пускают лошадей в галоп, идя на сближение. Удар по щитам, копья разлетаются в щепки, участник, атаковавший слева, падает с лошади. К нему бегут оруженосцы. Машут руками, он мертв. Осколки копья, отлетевшие от шита, подняли забрало на шлеме и вонзились ему в лицо, пробив глаз. Оруженосцы, взяв его за руки и за ноги, уносят погибшего с арены.

Большая часть турнирных боев проходила примерно одинаково, но вот когда вновь вышел Галахад, трибуны взорвались овациями. Мне даже интересно стало посмотреть на его бой.

Все так же оруженосцы вешают гербы, но на это уже мало кто обращает внимание. Взяв копья в руки и дождавшись отмашки, противники начали сближение. И вот удар копьями по щитам. В какой-то момент я заметил, что щит Галахада словно засиял при соприкосновении с ним копья противника. После чего противник упал с коня. Мне это показалось странным, думал, что мне почудилось. И я стал дожидаться очередного выхода Галахада на арену.

И вот на арену въезжает сэр Эдвард, трибуны взрываются аплодисментами не менее, чем когда на нее въезжал сэр Галахад. Вот противники начинают сближение. Удар по щитам, копья раскололись Эдвард не пошелохнулся, его же соперник едва удержался в седле. Соперники возвратились на исходные позиции, взяв новые копья, опять ждут отмашки и идут на сближение. Удар копьями по щитам, и тут копье Эдварда соскальзывает со щита и попадает в шлем его противника. Он падает с лошади, перекувырнувшись через спину. Подбежавшие к упавшему с коня рыцарю оруженосцы попросили о помощи. У него от удара был помят шлем, после того как сняли искореженный шлем, выяснилось, что у рыцаря сломана челюсть. Оруженосцы помогли ему покинуть арену.

Остальные же схватки прошли в том же ключе, Эвард и Галахад расправлялись со своими противниками и шли вперед к победе.

И вот наступает финальная схватка, на арену выезжают сэр

Галахад и сэр Эдвард. Взяв в руки копья, после отмашки соперники начинают сближение. Удар по щитам, копья разлетаются в щепки, оба противника остаются в седлах. Зрители ликуют, подбадривают своего фаворита.

Соперники выходят на исходные позиции, взяв новые копья. Опять отмашка и сближение. Удар о щиты, и снова копья разлетаются в щепки. Оба соперника сидят в седлах уверенно, не пошевелившись. Итак, последняя попытка, копья в руках, сближение, удар по щитам, и тут Эдуарда отбрасывает назад, как будто волной, что пошла от щита Галахада. Его голова касается крупа собственной лошади, и он снова как будто на пружине занимает исходное положение в седле. Судьи же начали переругиваться, решая, кому отдать победу, изредка бросая взгляды на герцога. Соперники так же проезжают легкой рысью на лошадях по кругу арены, дожидаясь решения судей.

Глава 12

И спустя долгих двадцать минут ожидания на арену вышел глашатай и объявил, что победа присуждается сэру Галахаду, а трибуны взревели и начали улюлюкать.

После объявления о победе сэра Галахада было видно, как зол сэр Эдуард и недоволен судейским решением. Эдуард, сняв с головы шлем, что есть силы швырнул его в герб Галахада, от удара тот полностью смялся, Галахад, смотря на гнев и ярость Эдуарда, проезжая мимо него, просто поднял правую руку вверх, сжав кулак. И народ вновь прореагировал на этот жест, крики летели со всей арены, и люди начали выкрикивать его имя.

— Сэр Томас. А почему победу Галахаду присвоили, ведь они оба в седле удержались, не лучшим ли решением было бы выдать по еще одному копью? — обратился я вновь к рыцарю со своим вопросом.

— Возможно, так и стоило поступить, но правила есть правила, а почему победу Галахаду присудили, я думаю, от того, что он полностью удержался в седле, а вот Эдуарда отбросило на круп коня. Я думаю, в этом все дело.

— Благодарю вас за ответ, сэр Томас.

— Пустое, сэр Ратибор.

После же начались пешие поединки с мечом, как по мне, это было весьма скучным зрелищем, рыцари в полной броне дубасили друг друга. После был объявлен победитель, сэр Кристиан, но я к нему не присматривался.

А дальше на арену начали выставлять простые деревянные столы и лавки и выкатывать бочки с вином и пивом, организовывая празднество для простых горожан. А знатные и благородные направились во дворец герцога, в большой банкетный зал.

Найдя в этой толкучке Антуана, я попросил его зайти в лавку к ювелиру Грасси и забрать подарок для юного Людовика. Отсыпав десять серебряных монет Антуану, я догнал Роберта у самой кареты, где мне нашлось место. Усевшись, мы отправились в замок, подпрыгивая на каждой кочке. Несмотря на то, что в карете герцога были очень мягкие сиденья, задницу все же отбивало нещадно. Ненавижу кареты!

Пока мы ехали во дворец, герцог завел разговор.

— Ратибор, а ты что думаешь насчет последней схватки, кто, по-твоему, победил? — поинтересовался Роберт, смотря в окно сквозь занавеску.

— У меня, конечно, мало опыта в подобных состязаниях, но

финалисты действительно сильные воины. Но вот заметил ли ты, что у Галахада очень интересный щит? Копья как будто сами отскакивали от него, — спросил я герцога.

— Да. А о Галахаде, приоткрою тебе небольшую тайну, он незаконнорождённый, как и ты, Ратибор, и воспитывался в монастыре. Он религиозен и прославился своей галантностью и чистотой помыслов. После посвящения его в рыцари он по ошибке сел в запретное Гибельное кресло, поговаривают, что оно принадлежало самому апостолу Петру. И сесть в него может лишь достойный, кому покровительствует сам Господь. Иные же мучительно умирали.

— И, судя по всему, он был признан достойнейшим, раз до сих пор жив? — в моем голосе звучала неприкрытая ирония.

— Зря смеешься, многие, кто считался святым при жизни, садились в это кресло, но не все вставали из него, я тебе это точно скажу, — весьма серьезно заметил Роберт.

— Однако, — протянул я, вспомнив о магии и других непонятках.

— Однажды рыцарям, что собрались ехать на святую землю, было видение о золотой чаше, прикрытой парчой, в которой узнали Святой Грааль — чашу, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Иисуса Христа. После этого многие рыцари, в том числе и Галахад, поклялись отправиться на поиск. В путешествии Галахад и получил этот самый щит, щит Иосифа, обладающий некоторыми свойствами — он способен погубить любого, кто возьмёт его, будучи недостойным, — закончил рассказ Роберт.

Тут я вспомнил, что мне говорил монах о предметах, разбросанных по миру. И что кинжал может похищать жизненную силу и передавать её владельцу. Бред, конечно, но все же, может, здесь еще и сосуд этот замешан, Грааль, который ищет Галахад. Но тогда зачем ему герцог? И нужен ли вообще кому-то Роберт, ведь это лишь мои предположения.

Пока я пытался собрать пазл у себя в голове, мы прибыли во дворец. И я вернулся в свою комнату, где немного освежился и сменил одежду, а после направился в тот самый зал, где впервые встретился с Робертом и Антуаном.

В зале уже были накрыты столы в ожидании гостей. Во главе уселся Роберт Линский, по левую руку сел его наследник, сын Людовик. За Людовиком же разместился сэр Пьер, он же главнокомандующий войск герцога.

По правую руку от Роберта разместился его брат Карл, а дальше сэр Томас, глава дворцовой стражи и гвардии герцога Линского. А уж за ним победитель рыцарского турнира сэр

Галахад.

Встретивший слуга проводил меня до приготовленного места, мне выпало сидеть по левую руку от Роберта, рядом с сэром Пьером. Этим герцог показывал всем окружающим симпатию ко мне и говорил, что я его человек. А рядом со мной сидел какой-то незнакомый мне благородный, про таких принято говорить косая сажень в плечах, а уж за ним разместился Эдуард, финалист турнира.

Стол, за которым мы сидели, был как бы на небольшом подиуме, так что герцог мог видеть всех присутствующих в зале гостей.

Зал продолжал наполняться. Среди присутствующих я заметил барона Бартонского Вальдемара и барона Аденского Александра, оба поприветствовали меня кивком. Они уселись по разные стороны столов, тем самым дав понять друг другу, что не желают общаться и видеться. А может, герцог специально так их разместил по своей прихоти или тот, кто занимался организацией пира. Также места занимали графы, бароны и рыцари со своими прекрасными дамами. Зал был битком набит гостями. Где-то в стороне от стола на балконе играли музыканты. И вдруг я заметил Антуана, ловко пробирающегося среди гостей в мою сторону.

Вот ведь молодчина, а то я чуть не забыл про него. Вот так же он, наверное, и в прошлый раз прошмыгнул в зал. Улыбнувшись, я подозвал его к себе. Стражники, стоявшие по сторонам стола, за которым я сидел, напряглись, когда увидели молодого парня, явно не относящегося к благородным, идущего в нашу сторону.

Я привлек их внимание к себе и дал понять, что все в порядке. Антуан подошел и протянул бархатный мешочек и четыре серебряные монеты, которые остались у него.

— Ваша светлость, сэр, вот ваш заказ. Этот Грасси не хотел отдавать заказ. Сказал, чтоб вы лично пришли и забрали его, но я его припугнул, сказав, что вы заняты с герцогом и, если сами придете, это будет последний заказ, который он отдаст, поскольку разговаривать вы не будете и вообще находитесь в плохом расположении духа, так что просто снесете ему голову, как на казнях в Аденске, — глаза Антуана бегали, обращаясь, то на меня, то на Роберта.

Услышав эти слова, герцог расхохотался.

— Хороший мальчик! Он мне нравится. Ловко придумал старого Грасси напугать. Хвалю, — смеясь, проговорил Роберт.

Взяв мешочек с содержимым себе, монеты я отдал Антуану.

— Ты заработал, держи, — а после прошептал ему: — Далеко не уходи, ты можешь мне еще понадобиться сегодня.

Антуан кивнул и удалился в дальний угол зала.

Открыв мешочек, я вытащил из него деревянную шкатулку, в которой на красном бархате покоился серебряный браслет. Он был прекрасен, на мой взгляд. Браслет вышел все же широкий, и Людовику будет закрывать полностью предплечье, да и маловат он еще, но дети имеют свойство расти. На самом браслете была гравировка в форме головы льва по обеим сторонам, а в глаза инкрустированы неизвестные мне драгоценные камни.

Я преподнес Людовику подарок, он обрадовался и сразу попытался надеть на себя, но браслет спадал с тонких рук ребенка. Герцог же с улыбкой наблюдал за этим, по нему было видно, что он любит своего сына.

По залу раздался звук трубы.

— У-у-у-у.

Это глашатай, вышедший на средину зала, привлекал к себе внимание.

— Достопочтимые дамы и господа, мы сегодня собрались в доме уважаемого и любимого нашего герцога Роберта Линского по замечательному поводу, его сыну и наследнику Людовику исполняется шесть лет. Так же от имени герцога я еще раз сердечно поздравляю победителей турнира. Сэра Галахада, победителя конной схватки на копьях, и сэра Кристиана победителя в пешей схватке на мечах.

Я услышал, как Эдуард заскрипел зубами, ну да, пролететь так возле победы. А главное, я понял, что это за благородный сидит возле меня, это и был победитель в пешей схватке сэр Кристиан.

А после пир начался. Были песни и пляски. Слуги и кухонные работники не успевали приносить новые блюда на стол, поэтому им помогали убирать посуду маленькие мальчишки — поварята. В их обязанности на кухне входила чистка овощей и мойка посуды.

Поскольку во дворце герцога готовили постоянно и очень много даже в простые будние дни, то эти поварята постоянно жили на кухне.

Вино текло рекой. Его приносили и ставили на стол в огромных кувшинах.

Я присматривался к сидящему рядом со мной сэру Кристиану изредка поглядывая на него. И вот после очередной шутки, сказанной кем-то из-за стола, сидящего рядом с ним, он расхохотался. Я обернулся, делая вид что тоже вникаю в данную шутку, но смотрел на его белоснежные зубы. Они все были целыми, так что из подозреваемых он выбыл.

Подозвав одного из слуг, что следили за герцогским столом, я тихо прошептал ему, что, когда будут менять блюда у гостей, чтобы объедки вместе с тарелками у сэра Галахада не убирали далеко. Слуга учтиво поклонился:

— Слушаюсь, — произнес он и удалился.

Объедки мне нужны были, чтобы увидеть следы зубов со сколом. Поскольку он рот при разговоре сильно не открывал, то увидеть это мне пока не удалось.

Осматривая гостей, вдруг увидел, как Вальдемар мальчишку-поварёнка, который пришел забрать грязную посуду, посадил себе на колени и поглаживает по спине, что-то нашептывая на ухо.

Сердце начало разгоняться, кровь приливать к вискам. Только не сейчас, только не здесь, повторял я про себя. Я так и не научился еще контролировать свое состояние гнева. Нужно положить этому конец, эта сука не должна жить на этом свете, он должен гореть в аду за свои поступки.

Тут Галахад вышел из-за стола, тут же слуга заменил ему тарелку и поднес ее мне. Но на тарелке были только кости от дичи, каплуна и лебедей. Поэтому рассмотреть следы зубов не удалось. Я же бросил взгляд в спину удаляющегося Галахада. И увидел, что он идет вслед за Эдуардом, который вышел из-за стола минутой ранее.

В голове промелькнула мысль, сейчас, видимо, все и начнется.

Я встал из-за стола и последовал за Галахадом.

Выйдя из зала, я увидел, как он двинулся по длинному и широкому коридору. В коридоре в это время было ни души, что мне показалось странным. Я шел дальше вслед за ним, мы немного прошлись по дворцу и вышли к коридору, в конце которого была комната, туда и свернул Галахад.

Вынув меч из ножен, я устремился за ним. Влетел в комнату герцога с мечом в руках и готов был нанести удар, но предо мной предстала занятная картина: сэр Эдуард будто парил в воздухе примерно в полуметре от пола. Он находился словно в мыльном пузыре, который переливался серебряным сиянием. Эдуард не шевелился и был будто парализован. В двух шагах от него стоял здоровенный рыцарь в полных доспехах, на шлеме геральдика в виде вверх взмахнувших крыльев. Руки были протянуты в сторону Эдуарда, и из них как будто вырывалась светлая волна. Второй такой же рыцарь, словно брат-близнец, принялся обматывать Эдуарда цепью, которая излучала ярко-желтое свечение. Руки Эдуарда были закованы в странные кандалы, металл которых отдавал темным цветом. Полукругом стояли трое монахов и наблюдали за происходящим. Увидев меня, никто из

присутствующих не смутился и не приостановил своих действий. Тут ко мне подошел монах, тот самый, с которым мы осматривали место убийство Нейта.

— Сэр Ратибор, прошу, опустите меч, я все сейчас объясню. Мы не хотим причинить вам вред, — монах маленькими шагами начал идти ко мне, выставив правую руку вперед.

— Вы мне, причинить вред? — с усмешкой спросил я монаха и направил на него острие меча.

— Сэр Ратибор, я все объясню, — заговорил Галахад.

И видя, что я не отпускаю меч, он продолжил:

— Мы из ордена святого Идриса, а это тот самый убийца. За которого ты наверняка принял меня. Я чувствовал, как ты смотрел на меня и следил. Если ты не веришь мне и не веришь Грегори, — сказал он, указывая на того самого монаха, — убедись в этом сам, можешь открыть ему рот. Не бойся, он сейчас обездвижен паладинами, но поторопись, они хоть и сильны, но не могут его сдерживать постоянно.

Странно, все это я окинул взглядом. Надеюсь, в случае чего я успею воспользоваться своими силами. Хотя полной уверенности у меня в этом не было, я не контролирую свои силы и по желанию воспользоваться не могу, а чтобы разозлиться, надо время.

Я, с опаской поглядывая на все это действо, не опуская меча, двинулся к Эдуарду и протянул руку к его рту, прямо через пузырь, окутывающий его тело. На удивление, я ничего не почувствовал. И рука легко прошла сквозь него. Раздвинул пальцами ему губы и увидел отколотый зуб, тут стало понятно, что это действительно он.

Убрав меч в ножны, я отошел в сторону. Ко мне подошли Галахед и Грегори. Паладины же продолжали обвязывать цепью Эдуарда.

— Что тут черт возьми происходит? Кто это такие, и что они делают с Эдуардом? — сурово проговорил я.

— Это паладины, они рыцари ордена святого Идриса, обладающие различными способностями и давшие клятву служить ордену до конца своих дней. Они стараются не показывать свои способности простому люду.

К магии я уже вроде привык, а тут теперь еще и ордены какие-то. А дальше что, драка с дьяволом и интриги мадридского двора?

А Галахад продолжал тем временем:

— Некоторые из них обладают способностью подавлять силы, то есть обездвиживать живых существ, что ты сейчас и наблюдаешь. Некоторые могут заклинать предметы, кто-то видит в темноте, бывают и другие уникальные возможности, кожа

твердая, как будто из брони, таких невозможно убить простым оружием.

О, такого я лично встречал и действительно не смог его поразить простым мечом, мелькнула у меня мысль.

— А некоторые могут очень быстро двигаться, с такой скоростью, что для самого обладателя такого дара все вокруг как будто замедляется, — тут Галахад замолк и слегка ухмыльнулся, — да, мы знаем о тебе и о твоей способности. Еще мы разыскиваем проклятые предметы. Люди не должны ими обладать.

— Что еще за предметы? — спросил я Галахада, хотя монах в прошлый раз их упоминал.

— Эти предметы могут быть как старинными, так и новоделами. Они разные, и они опасны для людей, — ответил Галахад.

— А как же твой щит? Или хочешь сказать, это простая мирская вещь? Я видел на турнире, как от него исходили потоки энергии.

— Ты немного заблуждаешься, щит — это реликвия, он изготовлен с целью защищать и оберегать, а проклятые предметы созданы с помощью колдовства и служат только одной цели, отбирать жизнь. Для простых людей на первый взгляд это одно и то же, но потом тебе станет все ясно.

Ага ясно и понятно, а главное, просто, или это из разряда, нам можно, а всем остальным нет. Так еще и обо мне знают, ну знают и что, или сейчас в казематы потащат, так я вроде ничего не творил, так что не должны.

— Если реликвия работает только в руках достойного ею обладать без каких-либо заклинаний и колдовства, то проклятая вещь всегда работает только при определённых заклинаниях, причем в большинстве случаев необходимо кровавое жертвоприношение. Вот и наш Эдуард поддался искушению проклятого предмета, обладая кинжалом, он проводил обряды, от этого получил такую неистовую силу. Ну а поскольку его никто не мог одолеть, вот он и получил свое прозвище. Когда Грегори увидел вместе с тобой убитого несчастного Нейта, он сразу и послал гонца за паладинами, — ответил Галахад.

— Почему он убил Нейта-эсквайра, не проще было убить простолюдина, да и искать бы никто не стал?

— Вот это как раз нам и расскажет наш уважаемый сэр Эдуард Сильный, — ответил монах.

— Хм, у меня еще тогда вопрос, раз у нас сейчас вечер откровений. Как контролировать мой дар, как обуздать эту ярость и гнев?

— Здесь мы тебе не можем помочь, ты должен сам научиться контролю. Твой дар очень редкий. Вот если ты вступишь в наш Орден и дашь клятву, мы постараемся тебе помочь, но пока лишний раз постарайся его не использовать при посторонних.

Заманивают ироды, да нет уж. Я как ни будь сам разберусь, а то мне этой секты еще не хватает.

К моменту как наш разговор закончился, паладины уже полностью обмотали цепью Эдуарда, так что он не мог и двинуться. После чего двое здоровенных паладинов подхватили его и понесли по коридору к дальнему выходу, ведущему во внутренний двор замка, где их уже ждала повозка.

Вернувшись в зал на пиршество, я увидел, что большинство гостей уже пьяны. Я занял свое место и потянулся к бокалу с вином.

Герцог поинтересовался, что случилось и почему меня так долго не было.

— Ратибор, подойди, — позвал меня Роберт.

Поднявшись, я приблизился к нему.

— Ты где так долго был? — он внимательно на меня смотрел в ожидании ответа.

— Убийца пойман, им оказался Эдуард, — тихонько ответил я герцогу.

— Как Эдуард? — с изумлением спросил Роберт.

— Вот так, хорошо, что все закончено и он пойман. Его забрали церковники, видимо, инквизиторы, так что не все так просто с этим убийством, — и я развел руками.

— Однако, — только и протянул Роберт.

— А что там происходит? — указав пальцем на место за столом, где собрались барон Вальдемар и несколько рыцарей и о чем-то яростно спорили, спросил я.

— Они там спорят, кто из них лучший охотник, — рассмеялся герцог.

— Ваша светлость, вы не против, если я к ним присоединюсь и брата вашего тоже возьму, а то он сидит за столом совсем один, видать, не может еще никак отойти от той истории, — тихонько спросил я Роберта.

— Да, конечно, иди, — и Роберт махнул рукой, дозволяя покинуть его.

Подошел к спорящим, и они сразу притихли. Поинтересовался, о чем идет спор, и Вальдемар пояснил, что говорят о том, с чем лучше идти на охоту на кабана. Барон Бартонский утверждал, что с кинжалом в самый раз. Рыцари в голос кричали, что надо с арбалетом или луком, а вообще, копье требуется, чтобы взять вепря. Я же предложил спросить эксперта в

этом деле, графа Карла Алиронского. Граф же сразу ответил, что с арбалетом лучше на кабана, поскольку он мощнее, но и с копьём тоже вполне. Во всяком случае, с кинжалом точно не стоит. Барон же не согласился с такими доводами.

— Предлагаю вам уладить спор прямо сейчас. На скотном дворе в загоне есть звери, герцог готовит их к завтрашней охоте. Их как раз не кормили пару дней. Вот барон и продемонстрирует свои навыки охоты с кинжалом, — предложил я спорящим.

Граф после такого предложения приободрился, и на лице его появилась хоть какая-то радость. Еле стоявший на ногах барон и три рыцаря взяли еще с собой кувшин вина и, обнявшись, пошли неспешно на скотный двор. Я же, сопровождая графа, шел за ними, а сзади неожиданно появился Антуан, который направился следом за нами.

Подойдя к загону с кабанами, барон начал шарить у себя по карманам, будто что-то ищет.

— Где мой нож, я его и ножом сейчас уложу, — еле ворочая языком, сказал барон Бартонский.

Антуан подал мне кинжал, который когда-то изготовил для Вальдемара, а я его уже передал барону.

— Вот, лучший клинок, что можно найти, войдет в кабана словно в масло, — с ухмылкой подзуживая, сказал я.

Барон, взяв кинжал, вошел в загон. Он очутился один среди десяти голодных и злых зверей. Кабаны, разумеется, от него сначала бегали по всему загону. Смех рыцарей и графа Алиронского разносился по округе. И тут барон все-таки попал кинжалом в кабана. Тот, завизжав, резко развернулся и ударил в пухлый живот охотника клыками, после чего мужчина упал на колени, зажимая рану руками. А кабан снова пошел в атаку, теперь со спины.

Вепрь не унимался, все бил и бил Вальдемара. Смех сменился криками и свистом. Тут же к атакующему кабану присоединились еще несколько. Вальдемар лежал уже на спине, зажимая живот, из которого вываливались внутренности.

Он был еще живой, когда кабаны начали отрывать от него плоть и поедать. Но из рыцарей никто не бросился на помощь. Антуан смотрел на все происходящее с удовольствием, ведь он видел смерть барона, и его месть состоялась, хоть и не самолично вогнал кинжал в тело врага.

Признаться, я тоже был рад такому исходу. Граф смотрел на это каким-то непонятным взглядом, то ли он сочувствовал барону, то ли, наоборот, был рад, после чего сказал:

— Надо было выбирать арбалет или хотя бы копье.

Когда подбежали стражи, барон уже был мертв, а его

внутренности кабаны разнесли по всему загону. Отогнав зверей в отдельный вольер, стражники начали собирать все, что осталось от барона, и положили на носилки, после чего отнесли в тот же ледник. Антуан же перелез через ограду и отыскал в жиже крови и дерьма свой кинжал.

Вернувшись во дворец, мы обнаружили, что половина гостей уже разошлись по своим спальням, герцог же оставался на месте. Рассказали ему о случившемся, Роберт особо не расстроился. Видно, барона Бартонского недолюбливали.

Герцог распорядился позвать графа Джерома Бунвинского и рассказал, куда пропал его эсквайр Нейт. Граф не просто расстроился из-за случившегося, он был в бешенстве, но уже ничего не мог поделать. Он рассказал, что у Нейта осталась жена, и пообещал оставить вдове имение, в котором она проживала с покойным. Решив, что труп граф увезет с собой, чтоб жена смогла проститься с супругом, граф удалился в свои покои. Мы же остались, дабы определить дальнейшую судьбу барона Бартонского. И было принято решение его закопать на местном кладбище.

Похороны организовали утром достаточно быстро. Присутствующие произнесли траурные реплики о том, какой он был замечательный, но никто не проронил ни слезинки. Многие смотрели на тело Вальдемара с презрением. Я пытался произвести впечатление опечаленного товарища, но вся моя сущность ликовала от того, что эта мразь умерла в таких муках. Гладя на Антуана, который стоял в стороне от всех, я видел, как у него на лице появилась улыбка. После тело просто закопали, а церковник произнес какую-то молитву, но всем в целом было плевать, приличия соблюдены, и ладно.

После траурной процессии Роберт попросил меня зайти к нему в кабинет. Пообедав, я попросил слуг уточнить временя встречи с герцогом. Спустя пару часов слуга доложил, что герцог готов меня принять.

Я зашел в кабинет Роберта, он попросил меня присесть в кресло напротив себя:

— Вот тебе бумага. Она делает тебя временным управляющим баронства Бартон. Поскольку у Вальдемара не было детей и родственников, наследовать его имущество некому.

Глава 13

Проснувшись рано утром, мы собрались в дорогу с Антуаном во владения, в которых я назначен управляющим. Вот только герцог мне навязал сопровождение в виде уже знакомого десятка солдат. Дабы, если появятся несогласные, я мог быстро решить это вопрос.

Во время пути Антуан ехал молча, но по его взгляду было видно, что он хочет о чем-то меня спросить, но не решается.

Так, что разговор пришлось заводить мне.

— Соскучился, наверное, уже по родному дому, по отцу, — покачиваясь в седле, спросил я.

— Да, соскучился очень, — он тепло улыбнулся, а после нахмурился. — Вы позволите спросить?

Я лишь кивнул.

Антуан немного помедлил, собираясь с духом, а после заговорил:

— Барона Вальдемара вы намеренно в загон к кабану отправили и не помогли ему? — с опаской спросил он.

— Да, — ответил я с каменным лицом. — Но это между нами. Этот ублюдок заслужил свою смерть за свои дела. Его давно черти в аду заждались. — Ну и, как бы то ни было, я тебе обещал помочь разобраться с ним. — Теперь твоя душа успокоилась, твоя Натали отомщена, — ответил ему, чтоб никто из стражников не слышал.

— Да, ваша светлость, — кивнул Антуан, а сам расплылся в кровожадной улыбке. — Мне стало намного легче, когда я увидел, как его жрут и топчут кабаны, и как он кричал и звал о помощи, я на всю жизнь запомнил это. — Но ее все равно не вернешь, — и он грустно вздохнул.

Дальнейший разговор свелся к обсуждению впечатлений о турнире у герцога, к нему подключились и сопровождающие меня солдаты, так под пустой треп мы и добрались до города Бартона, столицы баронства.

Ворота нараспашку, стражи не видно, кто хочет, выезжает, кто хочет, заезжает.

Попав в город, стражника не сразу нашли, он за башней на бочке прикорнул, опираясь на копье. А его дыханием можно было крыс или тараканов травить, я за пять шагов до него почувствовал запах перегара.

— Какая прелесть, — только пробормотал я. Ну я же знал, куда ехал, в самом деле, чего удивляться.

Один из солдат в моем сопровождении, кажется, его Жан

звали, направился к стражу с явным желанием его поднять и разбудить пинком.

— Постой, не надо, — спокойным голосом я остановил Жана, — человек устал, притомился, это ж какое здоровье надо, чтобы так пить.

Вокруг раздались сдержанные смешки.

— А он все-таки молодец, вон даже копье не забыл, правда, сюрко задом наперед надел, но это ж какие мелочи, а вот второго стража не видно, не пришёл, слаб оказался, видать, на выпивку. Ну, не умеешь пить, не пей, или закусывай, — грустно пробормотал я.

А сопровождение вовсю скалило зубы.

Я же обратил внимание на окружающий меня город.

А в городе было все так же, ничего не изменилось, грязь, упадок и разруха. В общем, картина не вдохновляла. Обыденная жизнь горожан продолжалась, они еще не знали, что барон Вальдемар мертв и власть сменилась.

— Антуан, ты здесь местный, где здесь администрация, где глава города и остальные восседают, не в борделе же они располагаются? — спросил я.

— Ну, в центре есть ратуша, может, стоит туда? — неуверенно пробормотал Антуан.

— Веди тогда меня по этому краю юдоли и печали, — ответил ему в тон.

— Э-э, так в ратушу вести или нет, я не понял? — Антуан озадаченно посмотрел на меня.

— В ратушу, в ратушу.

— А, ну тогда пойдем, — ответил он. — А то юдоль какая-то, я и не знаю никакой юдоли, нет чтобы нормально сказать, — тихо пробормотал Антуан и повел нас в центр города.

Проходящие мимо горожане смотрели на нас с интересом и опаской.

Пройдясь по небольшой площади, Антуан вывел нас к двухэтажному обшарпанному особняку, укрытому в кронах деревьев. К нему вела каменная дорожка, а сам особняк окружал небольшой заборчик мне по пояс. И чем я ближе подходил, тем больше понимал, что ратуша когда-то имела лучший вид.

— Антуан со мной и ты, Жан, тоже, остальные здесь подождите, — и я потянул дверь на себя.

— Не понял, — дверь отказывалась открываться.

— Ваша светлость, видимо, ратуша закрыта, и там никого нет, — раздался голос из толпы солдат.

— Это-то я понял, я не понял, какого хрена она закрыта, и почему там никого нет? — задумчиво протянул я, охреневая от

происходящего.

Вот так и работает местная администрация.

— Ладно, понятно, куда дальше? Антуан, ты не знаешь, где здесь проживает управляющий города? — я глянул на Антуана.

— Нет, но, может, нам стоит пройти к казармам? — предложил Антуан.

В принципе, вариант.

— К казармам так к казармам, пойдем, — и, вскочив на лошадей, мы поехали к казармам.

И вот мы подъехали, где в прошлый мой визит происходил смотр войск. Тогда мне было плевать, а сейчас это все моё, хоть и временно.

Казарма же представляла собой небольшой укрепленный особняк, расположенный возле одних из ворот.

Каменные стены высотой за два метра, узкие ворота, возле которых сейчас дежурил молодой стражник, ну хоть этот трезв, и то хорошо.

Завидев нас, он испугался, в принципе, это понятно, большая толпа вооруженных людей, да еще и с благородным.

Перед воротами я спрыгнул с коня. И попер на него, намереваясь пройти в ворота.

— Стой, куда, туда нельзя! — его голос дал петуха, но он все же дрожащей рукой наставил на меня копье.

— Мне можно, капитан стражи на месте, или кто у вас там за главного? — строго спросил я.

Парень лишь кивнул, сглотнув слюну.

— Быстро зови его сюда, — отдал я распоряжение.

— Нельзя, он занят, вы что, нельзя, — залепетал страж.

— Не зли меня солдат, кому сказал, зови, — надавил я голосом, а после добавил, — не боись, не убьет, уж я об этом позабочусь.

Страж весь сжался и понесся искать свое начальство.

Я же прошел во двор, за мной следовала моя свита. Дом располагался слева, он был большой, каменный и прочный, с узкими окнами. Пройдя чуть подальше, я оказался на уже знакомой мне площадке и осмотрелся, возле стены располагалась пара соломенных чучел, и было видно, что они используются для отработки ударов, ну хоть что-то хорошее. Возможно, мой прошлый визит не прошел зря. У другой стены была небольшая конюшня и оттуда было слышно ржание лошадей.

Я же осматривался хозяйским взором, это все мое.

Из дома вышел уже знакомый мне худощавый мужчина лет тридцати. Со впалыми щеками, острым подбородком и высоким лбом, на голове залысина с остатками черных волос, за ним

потешно бежал молоденький страж. А мужик ему что-то выговаривал злым голосом.

В прошлый раз он был возле барона и старался не отсвечивать.

У капитана стражи мелькнуло на лице узнавание, которое перешло в испуг, глаза забегали, а шаг стал замедляться, а уж о том, чтобы продолжать что-то выговаривать солдату, он и не помышлял.

— Приветствую вас, Ратибор, вы вновь с проверкой, а барона сейчас нет, он к герцогу убыл, возможно, я смогу вам чем-то помочь, — начал говорить начальник стражи, голос его был нервным, но я бы не сказал, что он заискивал и лебезил передо мной.

— Сэр Ратибор, — поправил я его. — Я как раз от герцога и прибыл, в общем, барон не вернется, он умер.

— Как это умер? — выдавил из себя начальник стражи.

А молодой стражник стоял рядом и развесил свои ухи, впитывая ценную и важную информацию, о, чувствую, как только я отсюда выйду, весь город об этом узнает.

— Я бы хотел сказать, что молча и с именем Господа на устах, но, к сожалению, это было не так, он перед смертью кричал и сквернословил, как падшая женщина. Прости меня Господи, — и я перекрестился, а за мной этот жест повторили и все остальные. — А после был сожран свиньями, — закончил я.

— Кабанами, сэр Ратибор, — донеслось от кого-то из моей свиты, — кабаны более благородные животные, нежели свиньи.

— Ну, кабанами, для Вальдемара в тот момент разницы было немного, благородные это кабаны или не очень, а их родословной я как-то не поинтересовался в тот момент.

— И что же теперь? — растерянно спросил начальник стражи.

— А теперь, — и я внимательно на него посмотрел.

— Эмиль, сэр Ратибор, меня зовут Эмиль, — быстро сообразил он.

— А теперь Эмиль, согласно приказу герцога, я назначен управляющим всего баронства. Так что, милый Эмиль, представь мне всю стражу в городе, — отдал я свое первое распоряжение уже в новом статусе.

— Э-э-э, — заблеял он, — всех сразу и не получится, кто-то отдыхает, кто-то в патруле.

— Понятно, — протянул я, вспомнив стража на въезде в город.

— Соберешь, у тебя есть время, и такой вопрос, а отчего была ратуша закрыта, и где все руководство городом?

— Ну, барон правил городом сам и во всех делах сам

разбираться предпочитал, хотя бургомистр у нас имеется, конечно, но изволит пить уже третий год, а казначея барон полгода назад повесил, тот изволил воровать, по словам барона. А писцы и остальные помощники, наверно, после обеда по домам разошлись.

— Понятно, собирай стражу, бургомистра и остальных писцов и помощников тоже сюда, пусть ждут, и когда я вернусь, чтобы они все были здесь, ты меня понял? — я глянул на Эмиля.

— Все исполню, сэр Ратибор.

— Исполняй. Теперь вы, — и я повернулся к своей свите, — оставайтесь здесь. Ну и проследите, чтобы все хорошо было.

— Хорошо, сэр Ратибор, — раздалось от них.

— Пойдем, Антуан, пора тебе отчий дом проведать да новостями поделиться.

Подъехав к кузнице Бернарда, Антуан спрыгнул с лошади и направился внутрь. Его походка уже была как у аристократа, от мальчишки, которого я встретил на пиршестве у герцога Линского, с виду практически ничего не осталось. У него изменились манеры и походка.

Зайдя в дом, я увидел, как Бернард обнимал сына, Антуан так же крепко обнял отца. Увидев меня, Бернард поклонился со словами:

— Я вам благодарен, ваша светлость, что присматриваете за моим сыном.

— Нет, Бернард, это я у тебя в долгу. Ты спас мне жизнь, ну и Антуан тоже, — улыбнувшись, ответил я кузнецу.

— Как же я мог спасти вам жизнь? — с недоумением спросил Бернард.

— Пойдем на улицу.

Выйдя на улицу, мы присели на лавочку у кузницы.

Сняв молот притороченный к седлу лошади, я протянул его кузнецу.

— Ты знаешь значения этих символов, которыми украсил молот?

— Ваша светлость, эти рунические знаки наносил на различные предметы еще мой дед. Я маленький был, бегал вокруг наковальни, когда дед ковал клинки, вот и запомнил эти символы.

— Как-то раз он ковал клинок, так он никого в кузницу не впускал, даже моего отца. Я ночью пробрался в кузницу, а на столе лежал кинжал. Мне тогда показалось, что он светится в темноте, ну, я и взял его посмотреть, на нем и были подобные символы.

А после Бернард ненадолго замолк, словно что-то вспоминал.

— Тут зашел дед, увидел, что я его держу в руках, рассвирепел и выпорол розгами так, что я неделю сидеть не мог. Это было странно, ведь дед меня очень любил и руку на меня ни до ни после не поднимал. Вот именно тогда я и запомнил эти символы, и память о них дед словно вбил меня розгами. А то, что они означают, дед мне не успел поведать, помер рано. Отец мой тоже не знал об их значении, я думал, они просто для красоты. А что, собственно, случилось? — с неким опасением спросил Бернард.

— Уолтер тут такой был, может, слышал?

— Ну, разумеется, эта тварь и нелюдь многим жизни загубила, молва далеко о нем шла. Мы наслышаны уже, что ты его убил, тут половина города тебе благодарна за это дело.

— Так вот, когда мы с ним бились, а бились на мечах, я не мог его зарубить, он как будто был в латах, но только в простой рубахе. Он выбил у меня из рук меч, а Антуан кинул мне молот, чем спас тогда. Как только он попал ко мне в руки, на нем вспыхнули руны. И я смог задеть Уолтера, пробил ему голову, будто это была тыква. Если б не молот, я был бы мертв, а остальных просто покромсали бы.

— Хех, вот никогда не думал, что смогу создать такое оружие, только слышал о подобном и о том, что не каждый сможет раскрыть его суть. — Тут Бернард изменился в лице, улыбка исчезла.

— Сер Ратибор, умоляю, никому не говорите, что это я сделал молот, если кто узнает, за мной могут прийти. Такое оружие очень ценится, — Бернард был взволнован.

— Успокойся, я никому об этом не скажу, а с членами церковного ордена я пересекался. Они действительно разыскивают предметы, но вроде как проклятые.

— А кто будет определять, проклятое это оружие или нет? Они же и могут меня заставить ковать подобное, а может, и не они, герцог и другие тоже не откажутся обзавестись таким, — удручённо добавил Бернард.

Возле дома Бернарда появился стражник и прервал наш разговор.

— Сэр Ратибор, капитан Эмиль велел доложить, что ваши приказания исполнены.

Еще раз поблагодарив кузнеца, я вскочил на коня, и мы помчались к казарме.

Я подъехал к казарме, где меня ждало самое убогое зрелище. Половина бойцов были пьяны и кое-как стояли на ногах, неопрятные и грязные. Понял, что с ними разговаривать сейчас бесполезно.

— Завтра утром жду всех на этом же месте, трезвыми и чистыми, Эмиль, лично за это отвечаешь.

Если стражи хоть и были пьяные, но все же пытались стоять и изображать бравый вид, то Бургамистр и вовсе был не в себе от алкоголя и все время звал какую-то Аделаиду. А писцы при виде меня и вовсе блеяли как бараны, и слова от них было невозможно добиться.

— Эмиль, этого, — и я указал на главу города рукой, — запри где-нибудь в подвале, пусть к утру очухается.

Взяв с собой Жана и еще нескольких солдат, я отправился в замок барона Бартонского. Сам замок располагался чуть на возвышенности на краю города, он был обнесен каменной стеной высотой около пяти метров. По стенам было заметно, что за замком никто уже давно не ухаживают, по верху стены тянулись ветви дикого винограда. Подъездная дорожка была заросшей.

А въездные ворота были завалены на сторону и покрыты мхом. Въехав внутрь двора, я осмотрелся, прах и тлен. Сам же замок представлял собой старинный трехэтажный каменный дом или скорее башню с пристройками, массивные кованые решетки на узких окнах пугали и манили.

От огромных каменных серых стен веет холодом. Замок кажется опасным и величественным, не праздный дворец.

Скрип открывающейся массивной двери разнесся по коридорам, длинные и пыльные коридоры вели нас мимо множества комнат, а путь освещал масляный фонарь, на удивление, оказавшийся еще рабочим, висевший на стене при входе.

Первый этаж левого крыла отводился, видимо, для прислуги, поскольку комнаты были не большие, а правое для путников, волею судьбы оказавшихся в замке, поскольку комнаты были более просторные, а может, просто разыгралось моё воображение.

В центре замка, соединяющем оба крыла, находился каминный зал. Двери в правое и левое крылья перекрывались огромными дверьми с бронзовыми ручками.

Стены были когда-то обиты тканью, но сейчас отсырели и пришли в негодность.

Здесь же, слева от камина, я обнаружил едва приметную потайную дверь, ведущую в подвалы замка.

Я уже хотел шагнуть туда и обследовать, но меня остановил Жан.

— Сэр Ратибор, тут довольно-таки жутковато, да и ночь скоро, может, осмотрим верхние этажи.

— Хорошо, — только и улыбнулся я. И мы приступили к дальнейшему осмотру.

За огромной дверью, ведущей в правое крыло, была широкая винтовая лестница. Поднявшись, мы оказались в широком коридоре, на полу которого лежал когда-то изящный ковер. Комнат на этаже было меньше, но они отличались от помещений первого этажа еще большей просторностью.

Возможно, эти комнаты служили для более богатых гостей или постояльцев. На третьем же этаже располагались покои хозяев самого замка, а также личный рабочий кабинет со всеми атрибутами.

Я даже не смог представить, какой был красивый и величественный замок в свои лучшие годы.

Выйдя на улицу, мы обошли его с обратной стороны, и нам открылся вид на фруктовый сад, который был в запущенном и неухоженном состоянии. Недалеко от правого крыла замка располагалось покосившееся и частично заваленное на сторону строение, по всей видимости, это была конюшня. А солнце клонилось к закату, в связи с чем мы вернулись в город.

Зайдя в бордель, я сразу направился в кабинет барона на втором этаже этого «культурного» заведения. У лестницы, ведущей на второй этаж, меня встретила все та же жаба, что и в первый раз.

— Добрый вечер, господин, вы сегодня к нам по делу, проверить уже «свой» кабинет или познакомиться с девочками? — проговорила одна.

Глава 14

Ух, как быстро распространились новости о смерти барона, впрочем, город маленький, новостей немного.

— Возможно, — ответили ей, — где ключ от кабинета Вольдемара?

— Он его с собой забрал, — быстро проговорила она.

Мда, придется ломать, видимо, а дверь там хорошая, толстая.

— Ваша светлость, я знаю, где барон прятал запасной ключ, — и женщина унеслась в глубь борделя, а через пару минут вернулась, неся на вытянутой руке небольшой бронзовый ключ.

— Вот, нашла, — и протянула его мне.

— Как звать? — и я забрал у нее ключ.

— Эдит, ваша милость, — и женщина мне поклонилась.

— Молодец, Эдит, — я развернулся и двинулся на второй этаж.

Поднявшись я направился в кабинет уже покойного Вальдемара. Воспользовавшись предоставленным ключом, я распахнул дверь и огляделся.

В кабинете все осталось по-прежнему, ничего не изменилось с того момента, как я тут был в последний раз.

Изучая кабинет, я подумывал, с чего бы лучше начать осмотр, но тут почувствовал на себе чужие взгляды.

Кто же это у нас такой любопытный?

Резко повернувшись лицом к выходу, я увидел трех стоявших возле двери девушек. Они были шикарны.

А у меня в горле застряли слова, которые я хотел сказать, из головы вымыло все мысли. Я же начал возбуждаться, глядя на них.

Хоть они и были одеты в простые платья до колен, но сексуальностью так и перло от них. В каждом движении, в каждом изгибе тела и взмахе ресниц.

Я же сглотнул слюну. Это как найти бриллианты в помойной куче, шансов ноль целых, хрен десятых.

И вот здесь, в жопе мира, в задрипагном борделе, такое. Они должны быть подле короля или герцога, но не здесь.

Первое желание было кинуться на них и прижать к себе, а после воспользоваться. Но я смог сдержать этот позыв, хоть и сделал непроизвольный шаг навстречу. А после у меня включилась верхняя голова.

И, глядя на них, мне казалось все это нереальным, странным. А странности в последнее время я не люблю.

Ну не могут такие девушки здесь находиться и работать

обычными шлюхами. В моем мире лучшие модельные агентства стояли бы к ним в очередь.

Я тряхнул головой, но наваждение не спадало. А возбуждение только усилилось, какого хрена?

И от понимания того факта, что на меня как-то воздействуют, во мне начала пробуждаться ярость и злость. А мир начал замедляться.

То ли мои способности прервали это наваждение, то ли еще по какой причине, но я уже полноценно начал думать. А ярость и злость постепенно спадать, возвращая меня к обычной скорости восприятия мира.

Не замечал ранее за собой желания накинуться на понравившуюся мне женщину. И это меня пугало. А тут у меня оно случилось, хотелось каждую по отдельности и всех вместе. Хорошо, что смог с собой совладать и не поддаться инстинктам. И эта мысля меня согрела и придала сил в борьбе с самим собой.

Я же принялся разглядывать девушек уже по-другому, у всех троих темные волосы, но в полутьме казалось, что волосы имеют фиолетовый оттенок.

Милые личики, с тонкими чертами и пухлыми губами, они уже не казались самим совершенством, красивы да, даже безумно красивы, я бы сказал.

Длинные ноги и шикарные фигуры в обтягивающих платьях, и торчащие соски, которые видны сквозь ткань. Соблазнительно и даже очень.

Рука же легла на ручку молота, и меня это еще больше успокоило, прогоняя остатки наваждения.

А на молоте потихоньку начали сиять руны. А у девушек изменились взгляды стали испуганными, у Изабеллы, когда она увидела молот.

— Вы кто? — вырвался из меня рык.

А девушки немного отступили назад, в коридор.

— Работаем мы здесь, милый господин, — ответила одна из них чарующим бархатным голосом.

— Ответ неверный, я не об этом, и ты это поняла. — И я достал молот из петли, готовый к любым неожиданностям.

Девушки переглянулись и замялись.

— В кабинет, живо, — прикрикнул я, — и дверь закройте.

Девушки подчинились и прошли в кабинет, я же облокотился о стол.

И видя, что девушки не торопятся начать рассказ, начал озвучивая свои мысли вслух:

— То, что вы не простые шлюхи, и ежу понятно, так кто вы?

Ведьмы, колдуньи, кто? А Вальдемар об этом знал?

— Пф, глядя на нас, он ни о чем и не думал, деньги приносим, похоть свою удовлетворяет, ему больше и не надо было, — ответила одна из них, с голубыми глазами.

— Ясно, но вопрос остается прежним, кто вы? — я начал давить девушек своим взглядом.

— Нелюди мы, — весьма дерзко ответила другая, со странным цветом глаз, они были малинового оттенка почти красные.

— Это как? — что-то не совсем понял.

— А вот так, нелюди, и к роду человеческому отношения не имеем, — продолжала отвечать все та же с малиновыми глазами.

— И кто же вы тогда у нас? — я был удивлен её заявлением. Кажется, я только начал привыкать к окружающему миру, и тут бац. Новое открытие.

— Кажется, ваши священники называют подобных нам, демонами.

— Демонами? — и тут я подобрался, так как хороших и приятных ассоциаций это слово у меня не вызывало, я бы даже сказал, наоборот.

— Мы суккубы, — ответила девушка с красными глазами.

— Сук кто? — переспросил я, продолжая крепко сжимать молот.

А в голове роились мысли, то ли за священником бежать, то ли самому молотом вдарить. Так, на всякий случай. Адских тварей мне еще не хватало.

— Суккубы мы! — поправила меня одна из девушек.

— И что же вы за демоны такие? — вырвался у меня вопрос.

— Ваши священники, — она словно выделила эти слова, — считают нас демонами похоти и разврата. Нам необходимо совокупляться, чтобы существовать.

— Это как? — я охреневал от ситуации и от маразма услышанного.

— При соитии вы получаете удовольствие, а мы вашу жизненную силу, она нас питает, это наша пища.

Видя мое нахмурившееся лицо, она быстро затараторила:

— Людям это не вредит, они как раз ее сбрасывают при соитии.

— Понятно, вот только на демонов вы не очень-то и похожи, — с недоумением проговорил я.

— Ты про рога и копыта, которые рисуют нам ваши священники, так это выдумка, не более — уже более расслабленным голосом ответила зеленоглазая красавица.

— Ну а про жизненную силу я не совсем правильно сказала,

просто проведя с нами время, мужчина выкладывается полностью, ну и, разумеется, некоторое время он бессилен, но он быстро восстанавливает свои силы, и поверьте, они вновь идут к нам, так что совсем не выгодно высасывать все жизненные силы, — прояснила момент, который меня напряг, да и воспоминания об Эдуарде и его кинжальчике еще живы.

— Значит, вы дарите мужчинам радость, удовольствие и тем самым сами выживаете. Выходит, если я вас прогоню, вы погибнете и доход борделя упадет. Кто о вас еще знает?

— Нет, конечно, уж найдем, где пристроиться. Да, никто не знал, барон при виде нас ни о чем думать был не способен, да и остальные не шибко задумывались, может, Эдит о чем-то догадывается, — ответила красноглазая шалунья.

— Хорошо, оставим все как есть, — задумчиво проговорил я.

Девушки направились к выходу, открыв дверь, зеленоглазая обернулась и подмигнула, в ту же секунду по телу молнией пронеслась легкая дрожь, на секунду в паху появилась некоторое волнение. Про себя подумал — вот ведь стерва. Слегка покачал головой в сторону, дав ей понять, что не будет у нас ничего.

А сам же задумался, где бы о них узнать более подробней, может, стоит у монаха Грегори потихоньку выведать. Источников подобной информации у меня нет.

Да и вопросов уж слишком много возникло, ответов на которых пока у меня нет, а действовать в слепую не хочу, очень уж скользкий момент, можно и самому за такую связь на костер угодить, будем думать и разбирается.

А этим демоницам веры у меня не было, слишком гладко все у них. Да еще и воздействовали на меня, чуть не превратив в барана пускающего слюни от вожделения.

Еще не мешает узнать, были ли смерти какие после посещения этого борделя. Да и становится понятно, почему у барона Александра с организацией такого же места ничего не вышло, с такими-то работницами, которые себя готовы отдавать на поприще постельных утех всегда будет клиентура.

Придя в себя после этого чудного разговора, я начал обшаривать кабинет. И обнаружил потайную дверцу, за которой был небольшой сундучок с монетами. На первый взгляд, монет триста серебром.

Это явно не казна баронства, так, оперативная касса на расходы. Мда, и где же остальное? А зная, о патологической жадности барона и о том, что он вроде как с Уолтером дела имел, в кубышке Вальдемара должно быть немало, а не эти гроши.

Оставив все на своих местах, я спустился вниз, к мадам Эдит, нашел ее в одной из комнат, где она мыла полы.

— На каких условиях вы работали в Вальдемаром?

Не ожидая такого вопроса, мадам занервничала и начала заикаться:

— По одной медной монете с десяти клиентов, — нервным голосом ответила.

— Какую работу исполняла? — требовательно спросил.

— Поменять и постирать постель, прибраться в комнатах, чтобы девушки были довольны и ни в чем не нуждались, ну и так, по мелочам, — она с надеждой на меня смотрела.

— Хорошо, оставим пока все по-старому, — ответил ей.

Выйдя из борделя, я направился в сторону кузницы Бернарда. Из головы до сих пор не могли выйти эти прекрасные девушки, и то, что они нелюди, демоны и адские твари.

Добравшись к нему, я попал прямо на ужин и был приглашен к столу, к прошлому разговору мы пока не возвращались. Ночевать я остался у него, как и прошлый раз на сеновале, поскольку проводить ночь в борделе рядом с демонами или идти в таверну желания не было. Устроившись в мягком сене, я сразу уснул.

Проснувшись утром под крик петухов, спустился вниз, где меня уже ждала каша. Плотно позавтракав, я направился в казармы.

Возле ворот стояли два стража, о, вот это дело, вот что пендель животворящий делает.

Заметив меня, один унесся докладывать капитану.

Так что возле ворот меня встречал Эмиль.

— Сэр Ратибор, здравствуйте, — обратился он ко мне и склонил голову. — Все, готово, стража на месте. И Бургомистр жаждет встречи с вами.

— Это хорошо, тащите его сюда, — распорядился я, а сам устроился на улице на одной из лавок.

Я осматривал наполненный стражниками двор. Надо бы не забыть и узнать, давно ли Эмиль на должности и как стал капитаном стражи.

А ко мне уже вели бургомистра, худого мужика лет сорока со светлыми волосами, небольшого роста и с длинным носом.

Судя по лицу, он был не особо доволен.

— Вот, доставили, сэр Ратибор, в целости и сохранности, а главное, совершенно трезвым, — бодро отчитался Эмиль.

— Ну, как звать? — обратился я к этому чуду с гордой должностью бургомистр.

— Мишель, ваша милость, — он отвесил мне поклон.

— Ну, тогда расскажи мне, Мишель, как город ты довел до такого состояния? — на последних словах я повысил голос.

— Барон Вальдемар денег не выделял на обустройство города, а я что мог сделать, — начал он передо мной оправдываться.

— В это верю, а пойло в глотку тебе тоже он заливал, наслышан я уже об этом, Мишель.

А он опустил голову и промолчал.

— Понятно, может, что знаешь о окружающих землях? — все-таки баронство одним городом не ограничивается.

— Земли предостаточно, но обрабатывать ее некому, в смысле, нет коней для пахоты. Крестьяне бы и рады сажать и обрабатывать, поскольку была бы хоть какая-то работа, а так все плохо с зерновыми для посадки, впроголодь живут многие.

— Понятно, это мы исправим, в общем, тебе шанс даю, мне необходимо, чтобы это место превратилось в нормальный город, а не в свинарник, и что бы в нем не стыдно было жить, понял? — сурово я проговорил.

— Понятно, ваша милость, — тихо ответил он мне.

— Вот и думай об этом и будь в ратуше, у тебя только один шанс, подведешь, по всей строгости спрошу, все, иди, — отдал ему приказ.

А сам задумался о руководящем составе города, менять его на кого-то, а на кого? Нет кандидатур, может, все-таки справится и оправдает ожидания. Да и не мешало бы информацию собрать обо всех значимых жителях города и баронства, да и о соседях моих.

Да еще и крестьяне с их проблемами, а из меня фермер как из… в общем, никакой, далек я от земли. Но тоже подумать надо.

Я же огляделся, стража начала выстраиваться под взглядами Эмиля.

— Строй их уже нормально, — отдал я приказ.

Продолжая наблюдать за этим цирком. И через пять минут Эмилю удалось с этим справиться.

Прохаживаясь вдоль рядов, я понимал, что прошлый мой приезд ничего не изменил. А в воздухе все еще чувствовался запах перегара. Построение этих вояк было просто жалким зрелищем.

Поддоспешники были неопрятные и частично рваные. Поскольку кольчуги были короткие, чуть ниже пояса, руки защищал только поддоспешник, но они его носили каждодневно, из-за этого он и пришел в почти негодное состояние.

— Вы жалкое отребье, можете только убивать безоружных крестьян и вино жрать, как свинья помои, вас даже бойцами назвать язык не поворачивается. Вы позор баронства и герцогства в целом. Я сам буду вас перевоспитывать и превращать в

настоящих бойцов. На сегодня разрешаю снять нагрудники, у кого они есть. Итак, на сегодня у нас бег до замка барона, делаем круг по саду. После этого быстрый бой, и возвращаемся назад, я бегу с вами, так что все увижу.

— В колонну по двое становись!

Кое-как справившись с задачей и встав в колонну, наше убогое войско двинулось в сторону замка. Буквально через километр начались первые потери, воины начали просто запинаться и падать от бессилия.

И тут я вспомнил младшего лейтенанта Морозова, который был у нас в армии инструктором по физической подготовке, отстающим он прописывал хорошего пинка под жопу. Отстающие в основном были доходяги или заядлые курильщики, но поскольку я был из детдома, привыкший к таким испытаниям, в армии мне было легко.

— Стоять! — крикнул я протяжным голосом, как и кричал на нас Морозов

— Поднять упавших и нести на себе. Мы своих не бросаем — вот наш девиз.

Подхватив под руки своих изнеможённых товарищей, мы продолжили путь к замку. У ворот из пятидесяти человек на ногах осталась половина.

— Итак, слушай мой приказ, кто не сможет пробежать круг по саду и выстоять в одном поединке друг против друга, тот остаётся в замке на ночь, будете приводить его в порядок. Кто попытается сбежать, того я найду и отправлю в каменоломню как дезертира. Всем понятен приказ?

— Да, сэр, — через силу выдавили из себя злые и уставшие бойцы.

Пробежав трусцой пару кругов по саду, организовали импровизированный круг для боев. Копьеносцы дрались обратной стороной копья и вполсилы, хотя какие полсилы, они копьями чуть шевелили, но никто не хотел сдаваться, они просто падали от бессилия, то же самое было и с остальными.

Неисправившимся я отдал приказ о подготовке и расчистке подъездных путей к замку, а именно, об уборке старых покосившихся ворот, прополке сорняков и к уборке правого крыла замка, поскольку в этом крыле и будут они ночевать.

Так же пообещал, что телега с едой придет ближе к вечеру. С оставшимися стоять на ногах стражами двинулись обратно в сторону казармы. По пути среди оставшихся был чуть слышен разговор:

— Вечером?

— Нет, лучше ночью.

Я уже прекрасно представлял себе, о чем шел разговор, да любой, кто служил в армии, меня поймет. Будут делать темную тем, кто отстал и кого пришлось тащить на себе.

Добежав до казармы, половина из оставшихся тоже уже не могли не то что бежать, они даже идти не могли.

— Завтра в это же время вновь побежим, кто сдастся, тот и будет ночевать в замке и отрабатывать, и это будет повторяться, до тех пор пока вы все не добежите до замка и обратно без потерь. Разойтись.

Видя, как все еще стоявшие на ногах начинают меня понемногу ненавидеть, направился в корчму. Если они меня возненавидят, это хорошо, это их сплотит.

Зашел в корчму, хозяин, увидев меня шмыгнул в подсобку, но я не мальчик, ждать его у стойки, и пошел вслед за ним. Это была не просто подсобка, а полноценный склад. Мешки с продовольствием, в которых было зерно и другие злаковые, а также мука и многое другое. Что-то много для простого трактира, я бы сказал, избыток. Вспомнив слова Арно о том, что Уолтер награбленное сбывал через барона, теперь я понял, каким образом и через кого. Обыскав подсобку, увидел в полу люк, открыв его, увидел забившегося в угол хозяина корчмы.

Не самое удачное место, чтоб спрятаться. Вытащив его за шкирку, усадил на мешок.

Вот сейчас и поговорим, пообщаемся.

Глава 15

Хозяин корчмы сидел на мешке, как забитая маленькая собачонка, и дрожал от каждого моего движения. И утирал кровавые сопли и массировал лицо, ведь самостоятельно вылезать он не желал, пришлось помочь и приложить руку и не только.

Он был невысокого роста и толст, нос картошкой и большой рот словно у лягушки, а редкие волосы соломенного цвета делали его похожим на пугало.

Мне и так было ясно, что тут происходило, но он должен был сам все рассказать. Подтвердив мои мысли.

— Ну, рассказывай давай, жулик, — произнес хмуро я.

— Да что рассказывать, вы и сами все видите, — он обвел рукой склад, — это остатки товара, его привозили подручные Уолтера, а он в это время свои дела с бароном решал, я его почти и не видел. Большую часть купец Дориан забирал и в герцогство вез, а там и с бароном рассчитывался. А я по мелочи сбывал в городе.

— Хм, Дориан, говоришь, понятно, и где он живет, этот Дориан? — заинтересованно спросил я.

— Так он в Линксе живет, — пожал плечами трактирщик.

— И когда его теперь ждать? — очень уж хотелось мне с ним пообщаться.

Насчет финансовой части естественно, а то у меня город почти в руинах лежит, и крестьяне не кормлены.

— Так он с бароном должен был приехать, но, видимо, не приедет, Уолтера нет, чтобы товар поставлять, барон умер, что ему теперь здесь делать, — рассудительно ответил он мне.

— Тоже верно, — вынужден был с ним согласиться.

— Тебя как звать-то, бедолага?

— Госс, ваша светлость, — и он заискивающе мне улыбнулся.

А нехило он меня в местном табеле о рангах поднял, назвав светлостью, ну ладно.

— Вот ты мне скажи, Госс, у тебя же много народу бывает? — мой голос стал ласковым и уже не напоминал рычание зверя, когда я его вытаскивал.

— Ну, это бывает, конечно, — он вновь вытер лицо, — захаживают, это самое по вечерам, чарочку пропустить да кружку пива выпить, ваша светлость.

— И болтают всякое, наверно, — с хитринкой я на него взглянул.

— Ну, не без этого, болтают, — согласился со мной Госс.

— Вот ты и расскажи, ты ведь знаешь наш городской бордель?

— А кто ж его не знает, туда со всей округи едут те, у кого деньга в кармане звенит, бывает, и из столицы герцогства тоже наведываются.

— Вот и скажи мне, кто-нибудь умирал или еще чего такое после посещения борделя? — я внимательно вглядывался в лицо Госса.

— Ну, вроде нет, все живы и здоровы, а было в прошлом годе, один помер прям на Марике, вот криков-то было, ну это-то и понятно, Гриму почти за семьдесят было, а все туда же со своим стручком полез.

— Значит, ничего иного не припомнишь?

— Неа, — помотал головой успокоившийся Госс, понявший, что тащить на виселицу я его не собираюсь.

— Понятно, так, теперь еще одно, раз ты в курсе многого, о чем болтают люди, то и я должен знать все самое и интересное в городе. Ты меня понял?

В ответ Госс только покивал.

— Нет, ты меня совсем не понял, мне неинтересно, как муж с женой поругались, и подобная мелочь, — я постарался более подробно объяснять свой интерес.

— Кажется, понял, ваша милость, — ответил Гост.

— И теперь самый последний вопрос, где деньги?

— Какие деньги? — он постарался прикинуться жёлудем под дубом.

— Которые ты должен был отдать барону или подручным Уолтера, вот эти деньги.

— А, эти деньги, сейчас, ваша милость, сейчас все принесу, — засуетился Госс и, подскочив, вновь полез в подвал, из которого я его вытащил.

И протянул мне два туго набитых кошеля, развязав их, я посмотрел, медь вперемешку с серебром, ну, тоже неплохо.

Высыпав на ладонь четыре серебряные монеты и пару медных, я протянул их Госсу.

— Держи, и не забывай, о чем мы поговорили.

— Да, ваша милость, премного благодарен за вашу щедрость, — и он начал мне кланяться.

— Ближе к вечеру собери повозку продуктов и отвези в старый замок барона, там тебя встретят. И еще, что же ты от меня убегал и прятался?

— Так я, ваша милость, как прознал, что Вальдемар умер, и вы теперь главный, хотел уехать, но так и не успел, уж многие сказывают, что не отличаетесь милосердием и круты на расправу.

Так, оказывается, врут окаянные, неправда это, вы чрезвычайно добры и милостивы, — и он потер свое лицо, которое я пару раз приложил об стену.

В ответ я только хмыкнул и покинул таверну, вернувшись к дому кузнеца, где Антуан помогал отцу по хозяйству. Он сразу ко мне подошел.

— Как твои дела? — поинтересовался я.

— Все хорошо, вот домашними делами занимаюсь, как и раньше, — и он пожал плечами.

— Молодец, нужно, чтобы ты через пару часов был у корчмы, её хозяин подготовит повозку с едой приготовит, и её нужно будет отвезти к замку. Солдатам и передашь. А в замке глянь, сколько их и что они там делают. А после повозку вернешь трактирщику и можешь у него продуктов для отца набрать, скажешь, я распорядился.

— Да, сэр, все сделаю. А после где вас найти?

— Я буду в борделе, в смысле, в бывшем кабинете барона.

Антуан улыбнулся и пошел помогать отцу раздувать меха.

Я же вернулся в кабинет барона. Немножко устав после насыщенного дня, я затребовал у Эдит кувшин вина и сыра с хлебом. Сев за стол и подвинув себе писчие принадлежности, я стал делать заметки. Хотя писать гусиным пером мне было несподручно, и я часто оставлял кляксы, а текст растекался. Да еще перо приходилось часто подтачивать.

Как сказал бургомистр, для возделывания земель нужны кони и быки. Соответственно, необходимо закупить коней, часть можно выдать в кредит или как помощь от барона, да и разводить можно начать, земли есть, где можно разместить, человека бы найти, в этом соображающего. С коровами так же поступить, а там и сыроварню организовать, возможно.

Город замостить не помешает, хотя бы деревянными настилами, и отсюда надо узнать, достаточно ли леса в баронстве и стоит ли организовать лесопилку или легче закупиться на стороне.

Фруктовый сад возле замка не помешает оживить. И здесь я вспомнил о диком винограде. О, точно, виноград и своя винодельня, можно попробовать. Узнать надо, может, есть на территории баронства что подобное.

Расписывая дельные мысли в виде идей и замыслов, я попивал вино и поедал сыр, незаметно наступил вечер, и в двери вошел Антуан.

— Ваша светлость, все сделал. Еду отвез. В замке работали пятнадцать солдат. Они уже убрали старые ворота в сторону и начали расчищать дорогу.

Молодцы, прям орлы, никто не сбежал, я даже немного удивился, этим фактом.

— Хорошо поработал, — и я ему тепло улыбнулся. Подскажи, найдется ли в городе винодел, и те, кто в скотине разбираются, в конях там да коровах.

— Вроде Марсель разбирается, он был виноделом у сэра Базила, пока тот не умер, а поместье его не пришло в упадок, его мой отец знает. Правда, Марсель уже старый, это, почитай, десять лет назад было. А насчет скотины я и не знаю даже, обычный же крестьянин не подойдет.

— Отлично, завтра поедем к твоему Марселю, поговорим. Ну почему, может, и подойдет крестьянин какой, но это на крайний уж вариант, я поспрашиваю еще насчет этого, а сейчас вот, держи, — я протянул ему три серебряных.

Антуан улыбнулся и как-то не осмеливался взять протянутые монеты.

— Бери, бери, ты ведь работаешь на меня, а, как известно, каждая работа должна быть оплачена. Подъезжай завтра к обеду.

Взяв деньги, Антуан отправился домой.

Я же еще пробежался по написанному, и меня начало тянуть в сон. Перейдя из-за стола к дивану, я прилёг поудобней, и глаза как-то сами закрылись.

И мне начал сниться сон, будто в кабинет вошла красноглазая суккуба.

Подходя ко мне, она скинула с себя платье, став совершенно нагой, подойдя ближе, она нагнулась и прошептала томным голосом мне на ухо:

— Зови меня Мелиса.

А дальше я уже не смог удержаться, и начался сон озабоченного подростка.

Я словно был в одноименном фильме, давно мне такое не снилось.

Проснулся от стука в дверь и не сразу пришел в себя. Долго пытался понять, где я.

А главное, я был совершенно голый, вещи раскиданы по всему кабинету, а я даже и не помнил, как их с себя стянул, да еще и не замерз ночью.

Тук, тук, тук — вновь раздался стук.

— Сейчас иду, — сказал я охрипшим голосом.

Я с какой-то усталостью встал с дивана, казалось, сил вообще не было, но вчера я немного выпил. Наверное, сказалась вчерашняя пробежка, ведь я давненько уже не бегал. Ну что ж, нельзя падать лицом в грязь.

Одевшись, я открыл дверь, за ней находился Антуан.

— Сэр Ратибор, у казармы уже все собрались и ждут вас, — с легкой одышкой произнес он.

Как я мог проспать? Нацепив на себя молот и меч, я направился следом за Антуаном. Меня на лестнице встретила суккубка, та самая красноглазая из моего сна.

— Ваша милость, надеюсь, вам все понравилось этой ночью? — с легкой улыбкой спросила красавица

Я словно в стену влетел и встал как вкопанный.

— Тебя звать Мелиса? — пробормотал я осипшим голосом.

Так это был не сон все же. Ну ни черта себе.

— Да, и я благодарна вам за эту ночь, вы отличаетесь от всех остальных мужчин, — промурлыкала она, и плотоядно облизнулась.

Не говоря больше ни слова, на ватных ногах я спустился вниз, состояние было похоже на похмелье, но без тошноты и головной боли, даже скажу, это была какая-то приятная усталость.

На улице было два коня, конь Антуана и мой.

С трудом я влез в седло, и мы двинулись к казарме. На подъезде меня уже ждали бойцы. Чтоб прийти в себя и не дать понять остальным, что я немного не в форме, провёл утреннюю разминку, после чего мы бегом направились к замку. На этот раз добежали почти все, без серьезных потерь, отстали всего пара человек, но и я сегодня их не сильно подгонял.

Всю дорогу, пока бежали, думал о прошедшей ночи. Не хватало мне еще демона в постели. Но ночью она чувствовала и делала то, чего я хотел. Это было шикарно, такого еще не случалось ни в том мире, ни в этом.

Подбегая к воротам замка, я полностью пришел в себя, словно не было никакой усталости. Это была та самая усталость, о которой говорили суккубы, теперь я понимал, о чем шла речь. Им требуется немного энергии, чтобы жить, но действительно энергия быстро восстанавливается, и я себя чувствую прекрасно.

У ворот замка нас поджидали оставшиеся вчера там на ночь. Махнул им рукой, дав понять, чтоб они встали в строй, и мы побежали дальше по фруктовому саду, сделав пару кругов, и остановились там же, где и вчера.

Встав в круг, я начал вызывать в круг бойцов для поединков, но те, кто оставались на ночь в замке, не дрались с теми, кто бежал от казармы, чтоб уравнять шансы. Сегодня они дрались более яростно, но также без фанатизма и травм. На этот раз мне было сделать трудней выбор, кто останется на ночь, было ощущение того, что они все после вчерашней пробежки готовились к сегодняшнему бою. Отобрав десяток солдат, показавших в бою худшие результаты в тренировочном бою,

оставил их на работы своей волей.

Оценив тщательно проделанную работу, я был впечатлён, половина первого этажа правого крыла была очищена и освобождена от старого хлама, который они собрали недалеко от входа в замок.

Подумал про себя, что еще неделю таким темпом, и первый этаж будет полностью пригоден к проживанию. Проверив также продукты, привезенные из таверны, количества хватит примерно на три дня с лихвой, мы отправились обратно в казарму. По дороге к казарме воины бежали с постоянной скоростью, я же обгонял их и замедлялся, пробегая между рядами, заметил, что у некоторых были синяки под глазами и ссадины на переносицах.

Добежав до казармы, отпустив всех, я отправился в свой кабинет в борделе. Поднялся по лестнице на второй этаж, меня ждала на том же месте Мелиса. Увидев меня, он слегка улыбнулась, приоткрыв свой ротик, в котором блеснули белоснежные зубки.

— Мелиса, прошу тебя, принеси, пожалуйста, что-нибудь поесть.

— Я мигом, мой господин, — поклонившись, Мелиса удалилась.

Зайдя в кабинет, я уселся в кресло за столом и увидел вчерашние записи о фермерском хозяйстве.

Как же я мог забыть об этом, ведь сегодня я должен встретиться с Марселем, а также нужно наладить контакт торговцами, да и ратушу посетить не мешало.

Тут в кабинет вошла Мелиса, на подносе она принесла нарезанную ветчину с хлебом и кувшин вина. Поставив поднос на стол, сама же села на массивный стул, стоявший перед столом. Спину она держала ровно, ручки положены на худенькие коленки, смотрела на меня своими большими красными глазами, будто чего-то ждала. Налив в бокал вина, я принялся трапезничать. И пока утолял аппетит, Мелиса не сводила с меня глаз, мне было как-то не по себе от этого.

— Может, ты присоединишься ко мне и перекусишь? — предложил ей присоединиться к трапезе.

— Благодарю, но мне не требуется, — улыбнувшись, ответила она

— Вы людскую пищу вообще не едите? — возник у меня вопрос.

— Нет, мой господин, не едим. Вы уже знаете, что нам необходимо для питания.

— Ну хорошо, а как остальных девушек зовут?

— Милена и Мари.

— Значит, Мелиса, Милена и Мари. Это замечательно. У меня к тебе будет просьба и к остальным девушкам. Можете порасспрашивать гостей нашего заведение о том, кто они и для чего приехали, я уверен, под вашими чарами никто не устоит? А конкретно меня интересуют торговцы, кто чем дышит и кто чем занимается. Сможешь сделать это для меня?

— Мой господин, для вас я сделаю все что угодно, — поклонившись Мелиса удалилась из кабинета.

Завершив трапезу, я отправился за Антуаном. Подъехав к кузнице, я встретил Бернарда, он был не один и беседовал с дряхлым стариком.

Спрыгнув с коня, я поприветствовал кивком Бернарда.

А они вместе со стариком отвесили мне поклон.

— Сэр Ратибор, это Марсель, о котором вы вчера справлялись у Антуана, — представил мне своего гостя Бернард.

Как чудесно вышло, и ехать теперь никуда не надо.

И, усевшись на ближайшей лавке, я начал его мучить вопросами о винодельне, а он рассказывал с горящими глазами. Было видно, что это его страсть.

Он рассказал о способах выращивания винограда, когда его собирать и, самое главное, как его давить и хранить. Я всегда думал, что виноград в средние века, где я и нахожусь, давили голыми ногами. Но оказалось, что это не так. Для этого использовался специальный пресс, что позволяло делать более чистое вино.

Но, как оказалось, с этим многие виноделы не согласны, утверждая, что после пресса остаётся много жмыха. Но, на мой взгляд, это в данном случае был плюс. Тут я вспомнил армию, когда младший офицерский состав гнал самогон, и остатки из фляг мешали с кормом и пичкали этим, так сказать, составом свиней, и те от этого еще больше набирали вес.

Это меня натолкнуло на мысль о постройке свинофермы.

Наш разговор длился до самого вечера. Попросив Марселя подобрать рабочих и начинать собирать оставшийся виноград на заброшенных полях, ранее принадлежавших сэру Базилу, и выбрать поля для новых посадок, я выделил для этого дела ему с пяток серебряных монет, и, пожав друг другу руки, мы разошлись.

Я же вернулся к себе в кабинет и уже начал планировать, где разместить саму винодельню и погреб для хранения вина, ничего лучшего мне не приходило в голову, чем все это организовать на территории замка, хотя, может, стоит осмотреть наследство сэра Базила, возможно, из этого что-то удастся приспособить, а не тащить все в замок.

Надо все же с Бургомистром еще поговорить, а то наворочу

сейчас дел.

И начал просматривать бумаги, доставшиеся мне от барона. Среди которых я наткнулся на книгу средних размеров в потайном ящике стола.

Изучив её, я понял, что это долговая книга, по которой были должны не только простые крестьяне, но и зажиточные, у которых свое хозяйство. Но за все время моего пребывания здесь никто не приходил и даже не интересовался уплатой долга.

Ближе к утру я изучил ее полностью и выписал около тридцати имен с самыми большими суммами долга. Вызвав к себе Антуана, я расспросил, знает ли он кого-то из списка. Он пояснил, что некоторых людей знает, но они разорились, и им платить нечем.

— Возьмёшь пару солдат и оправляйся по этим адресам, разузнай об их благосостоянии и намерены ли они выплатить долг. Если нет возможности выплатить, предложи им оплатить иными способами в виде работ по благоустройству замка и города. А если среди них есть ремесленники, каменщики или плотники, то тем более надо настаивать на работе.

Вместе с Антуаном мы отправились к казарме, где уже ждали меня солдаты. Выбрав двух более крепких, отправил их с Антуаном. Сам же вновь выстроил солдат, мы отправились в привычный забег, на удивление, сегодня все добежали до ворот, но, разумеется, не без одышки, так же, проведя несколько импровизированных боев, я отправился на проверку замка. Я зашел внутрь, было видно, что первый этаж правого крыла полностью очищен от мусора. Довольный проделанной работой, я собрал всех солдат, и мы отправились короткими перебежками обратно в казарму. По прибытии на место мной был отдан приказ Эмилю, чтоб такую пробежку делали каждое утро.

Сам же отправился в ратушу, посмотреть, каких дел успел наворотить Мишель.

Глава 16

Потянул на себя ручку двери, она отворилась, я же шагнул внутрь, воздух немного затхлый, есть пятна пыли на полу, было видно, что порядок наводили в спешке, в холле стояли простые лавки, покрытые лаком, он потрескался местами, видно, что этим лавкам уже сто лет в обед.

Я же продолжал разглядывать холл ратуши, стены изнутри были драпированы деревянными панелями, ну ничего так.

Пройдя вперед, я вошел в широкий коридор, налево шли разные двери, в том числе было видно лестницу, ведущую на второй этаж, а вот вправо, чуть подальше, виднелся большой зал. И оттуда доносились разные звуки, туда я и направился.

В большом зале стояло несколько деревянных кресел, а также столов, за которыми располагались трое писцов со скучающими выражениями лиц, у них на столах лежали какие-то бумаги, и люди тихо переговаривались между собой.

— Работаем? — едко спросил я, выруливая в зал.

Они тут же подскочили, поклонились мне и чуть ли не в голос заговорили:

— Да, ваша светлость, истинно работаем.

— Где Мишель? — прозвучал новый вопрос от меня.

— Позвольте, я вас провожу, — вскочил из-за стола самый молодой из них.

И он сопроводил меня в кабинет Мишеля, который располагался слева от входа в ратушу. Уважительно распахнув передо мной дверь, я вошел в кабинет к бургомистру.

Бургомистр оказался на месте, лицо немного скривилось при моем появлении, но он быстро совладал с собой и радостно улыбнулся.

— Господин барон, рад вас видеть, — и он мне поклонился, — как ваши дела, как здоровье?

— У меня хорошо дела, а вот как дела в городе? Расскажи, что успел сделать за прошедшее время?

— За прошедшее время привели ратушу в порядок и вновь готовы работать на благо города под вашим чутким руководством, — начал он.

— Понятно, что ни хрена-то и не сделано, — подвел я итог его речи.

— Ну что вы такое говорите, ваша светлость, работы идут, но только не все так быстро, к сожалению, — и Мишель изобразил скорбный вид.

— К сожалению, не так быстро, — передразнил я его.

— В городе как льют помои на улицы, так и льют, — начал я.

— Я уже переговорил с Эмилем на этот счет. Стража будет следить за этим, и провинившиеся понесут заслуженное наказание в виде штрафа в размере трех медных монет или работ на благо города.

— Хм, молодец, — похвалил я его, а после добавил: — А как насчет того, чтобы улицы замостить деревом или камнем?

— Тут, увы, без вашей воли ничего не могу поделать, а так бы хотелось, — и он развел руками.

— Тогда скажи, ты в курсе ситуации в баронстве?

— Немного знаком, ваша милость.

— Тогда расскажи, кто у меня в соседях? — задал я один из первых интересующих меня вопросов.

— О, ваша милость, с соседями вам исключительно повезло, с севера и востока наши земли примыкают к землям графа Карла Алиронского, родного брата нашего герцога. С запада надел барона Александра, они с Вальдемаром враждовали, а с юга мы соседствуем напрямую с землями самого герцога Роберта Алиронского.

Хм, баронство мне выдал герцог, это, получается, я его вассал или не так?

— А налоги кому платит баронство?

— О, графу Карлу, земли баронства входят в земли графства.

Странно, меня же управляющим герцог назначил, или он это сделал с согласия Карла, так сказать, семейные отношения, да и не полноценный я барон, клятву верности Карлу не приносил.

— Понятно, и что есть интересного в баронстве?

— Да не особо много чего интересного и есть, — пожал он плечами, а после добавил: — Каменоломня имеется, но сейчас она заброшена. Барону Вальдемару принадлежало, помимо города, четыре села и семь деревенек, есть еще и отдельные крестьяне со своими полями, но сколько их, я и не знаю.

А он все-таки осведомленный, не зря зашел.

— А вассалы у барона были? — этот вопрос меня тоже весьма интересовал.

— Конечно, были, сэр Базил был, но он умер, не оставив наследников. Есть еще сэр Луи, но они с бароном, — и Мишель замялся, подбирая слова, — были в несколько натянутых отношениях, он служил капитаном стражи в городе, пока не разругался с Вальдемаром и не удалился в свое поместье, а на его место барон поставил Эмиля.

— Вот оно как, значит, — задумчиво протянул я. — А мельницы имеются? И с лесами на территории баронства как дела обстоят?

— Да есть две мельницы, одна принадлежит сэру Луи, кажется, в его деревне стоит, а другая близ города, она барону Вольдемару принадлежит, теперь, видимо, вам. Леса есть, но не сказать, чтобы большие.

— То есть устраивать свою лесопилку не имеет смысла? — сделал я вывод.

— Да, лучше будет закупаться в землях графа Карла, а так, если на мелочи какие-то, можно и здешние леса использовать, конечно.

— Ты в прошлый раз упоминал, что земель хватает, но многие поля заброшены, это как так получилось.

— Понимаете, сэр Ратибор, — и Мишель замялся.

— Давай, говори, как есть.

— Крестьяне и прочий люд начали разбегаться еще при отце Вальдемара и при нем продолжили, оттого так и вышло.

— Понятно, ну ничего, наладим здесь жизнь.

— Я верю, что вы справитесь с этой задачей, — с подобострастной улыбкой ответил Мишель.

Интересно, от этой патоки в его словах у меня жопа не слиплась.

— Торговцы есть, которые в другие города ходят, и такие, которым можно поручить закупку товаров и они не сбегут с деньгами? — задал я последний вопрос.

— Торговцы имеются, а которым можно было поручить закупку, хм, ну, пожалуй, только если Готье и Рулу.

— Хорошо, завтра к обеду они тогда должны быть в ратуше, — отдал я приказ.

Я же отправился в свой кабинет и продолжил изучать долговую книгу. Ближе к вечеру приехал Антуан.

— Сэр Ратибор, вот возьмите, — и он протянул мне кошелек, в котором весело звенели монеты.

Монеты были разного достоинства, но в пересчете на серебро вышло сорок пять. Неплохой улов.

— Шесть из должников рассчитались сразу, — и он их вычеркнул из списка, — еще двенадцать готовы заплатить, но просят на это время, — и он вновь подхватил перо, обвел их имена, — а оставшиеся двенадцать готовы отработать долг.

— Молодец, Антуан, далеко пойдешь, — похвалил я парня.

— Спасибо, сэр, — и он расплылся в улыбке от моей похвалы.

— Я вот о чем поговорить хотел, помнишь же Агнес, не забыл её?

— Помню, — и он грустно вздохнул.

— Да и я помню, как она на тебя смотрела, так, может, стоит тебе на ней жениться, я думаю, Бернард не против будет и с

удовольствием будет нянчить внуков. Да и я, если надо будет, помогу, — и я подмигнул парню.

— Я подумаю и поговорю с отцом на этот счет, — парень ушел в свои мысли.

На следующий день в обед встретился с торговцами в Ратуше.

Обоим слегка за тридцать, одеты хорошо, но неброско.

Готье был постарше, со шрамом на щеке, с чёрными волосами, чем-то ворона напоминал и был хмур, а Рул казался его полной противоположностью, этакий крупный весельчак со светлыми волосами. А главное, я не видел в них людской гнильцы. Наверное, это и сыграло то, что я все-таки решился выдать им по поручению и заодно деньги.

Рул отправился в графство к Карлу на закупку дерева, я ему выдал тридцать серебряных, он как раз там вел свои дела и имел знакомства.

А вот для поездки Готье пришлось раскошелиться и потрясти мошной. Хотя я даже чуть не отказался от мысли о покупке лошадей, уж очень цены на них кусались.

Боевой конь мог обойтись от пятидесяти до восьмидесяти серебряных, а вот тягловая или хорошая ездовая от десяти до двадцати, что тоже немало, но скрепя сердце я выдал ему двести сорок серебряных, надеюсь, сможет сторговать хоть лошадей двадцать.

Торговцы написали мне что-то вроде расписок, а сами затребовали документ, что действуют от моего имени, дабы, если что, у них не возникло проблем.

Финансы таяли, а мне еще замок надо обустроить и коров не мешало купить, да и овец хотелось бы.

С покупкой хороших коней возникли некоторые трудности, в ближайших селениях и городках продавались только старые клячи, которые ни на что не годились. Но выяснилось, что хороших коней можно взять в графстве Валериан, однако туда четыре дня пути. Так что Готье отправился туда, в сопровождение я выделил ему четырех солдат, надеюсь, все будет хорошо, и он справится.

Эх, где бы еще взять денег, ведь казну Вольдемара я так и не нашел, и даже не представлял, где она могла быть скрыта.

Шли дни, замок начинал преображаться. Первый этаж был полностью подготовлен к проживанию. На стенах первого этажа были повешены сохранившиеся гобелены, каминный зал был полностью готов к принятию гостей, фруктовый сад тоже преображался.

В очередной раз проезжая по городским улочкам города, услышал крик горожан. Люди бегали и суетились, а я не мог

понять, что происходит.

Проехав немного, я учуял запах дыма, а после и увидел горящий дом, люди кричали, что в нем дети. Это был тот самый дом, в котором жили беспризорники.

А я и забыл об этом, вот чертов дурак.

Не раздумывая, я спрыгнул с коня и сбросил с себя меч, укрыв лицо рукавом, бросился в дом. Дым разъедал глаза, а жар был неимоверный, казалось, что у меня горят волосы.

Я попытался призвать свою силу и разозлиться, но, к сожалению, ничего не вышло. Пробирался я почти на ощупь, вокруг из-за дыма ничего не было видно, а с каждым мгновением становилось трудно дышать.

И тут я сквозь звуки ревущего пламени услышал детский плач.

Забежал в одну из комнат, на полу лежал скулящий мальчик лет семи и девочка возрастом чуть помладше. Мальчик плакал, девочка уже не подавала признаков жизни. Взяв обоих под руки, я начал искать выход. Обратного пути у меня не было, там вовсю полыхало пламя, и оно приближалось. Каким-то чудом в дыму я смог найти окно, прикрытое ставнями, пара мощных ударов — и я их выбил. А после и сиганул на улицу, крепко сжимая малышей в своих руках.

Приземление вышло неудачное, я почувствовал резкую боль в ноге, но, хромая, смог отбежать от горящего дома к толпе людей и передал в протянутые ко мне руки детей.

Мальчик был без сознания, но вроде живой. А вот девочка не дышала, и я начал делать искусственное дыхание, через некоторое время у нее появился пульс, и она начала кашлять. Тело девчушки было покрыто ожогами. Приглядевшись, я узнал в ней ту саму девочку Берту, которая пыталась украсть у меня монеты.

А после и мальчишка пришел в себя. Расспросив его, стало ясно, что в доме никого больше не было. Люди не переставали бегать с ведрами и заливать рядом стоящие постройки.

Берта же дышала, но не приходила в себя, да и ожоги эти чертовы.

Лекаря, надо лекаря, билось у меня в голове.

— Лекаря сюда, живо лекаря, — вырвался из меня крик.

— У нас в городе нет лекаря, — раздалось из толпы.

Вот, черт. Ну как же так. Берта была у меня на руках, и я вглядывался в ее обожженное лицо.

— Сука! — вырвалось у меня.

Это я виноват, что забыл о них и даже не вспомнил, а я ведь сразу мог помочь им, и не было бы никакого пожара, и она не

умирала бы у меня на руках.

— Вот же хрень, — а мысли в голове продолжали метаться.

И тут я вспомнил об Изабелле, странной лекарке, которой понадобились сердца мучеников. Точно, точно.

— Коня, мне коня, — взревел я раненым зверем.

Мне помогли взобраться в седло и аккуратно подали Берту в руки. И, пришпорив коня, я понеся прочь из города.

За городом пришлось перейти с галопа на рысь, чтобы не загнать лошадь. А Берту я укутал в свой плащ.

Уже начинало темнеть, а до Аденска еще ехать и ехать. И вот наступила кромешная тьма, даже луны на небе не было. Мой конь будто сам знал, куда бежать, и вот по стороны леса послышалось тяжелое дыхание, тут же пробежал холодок по спине. А конь заржал и прибавил скорости, было не страшно, но неприятно, да и я больше за Берту переживал, чем за непонятное сопение из леса.

И вот впереди замелькали стены Аденска. Ворота были закрыты, но с помощью громких криков и ругательств я смог поднять стражу, они не сразу меня признали и не хотели открывать ворота. Но все-таки спустя пару минут препирательств они распахнули передо мной ворота, а я понесся в замок к Александру, надо было сменить лошадь.

И ворота в замке были закрыты, так что пришлось поднимать криками и матом стражу, вот только здесь меня признали сразу и пустили. Стража побежала докладывать барону о моем приезде, я же направился к конюшне.

Возле которой меня встретили Арно и Мол, еще сонные. Вышли они из недавно построенного домика, расположенного рядом с конюшней. Та была полностью отремонтирована, от былой покосившейся развалины не осталось и следа.

— Доброй ночи, — и я улыбнулся им, — помогите слезть с коня.

Подошедший Мол взял девочку у меня из рук, а Арно помог спуститься с коня.

— Что с вами, ваша светлость? — изумлённым голосом спросил Арно.

— Ничего страшного. Дай мне свежего коня, а моего помой и накорми. Утром Александру скажешь, что я поехал в деревушку к лекаркам, он поймет в какую. На обратном пути я заеду к нему, и решим с ним насчет моего самоуправства, надеюсь, он не будет на меня зол.

— Как вы в одиночку добрались? Говорят, по ночам за пределами города бродит медведь или стая огромных волков. Они уже загрызли нескольких крестьян, да и охотники, которые

вышли за ними на охоту, не все возвращаются, — высказался Мол.

— Если у них льется кровь, то я справлюсь, — беззаботно отмахнулся я.

Арно вывел нового коня из стойла, снял седло с моего и оседлал нового. С помощью Арно и Мола я сел на коня.

— Ваша светлость, я понял, о какой деревне вы ведете речь, я знаю, где она находится, может, с вами стоит поехать, чтобы вы не заплутали, все-таки на дворе ночь, — высказался Арно.

Я же задумался, а так-то он прав, если я заплутаю в ночи, будет только хуже.

— Хорошо, давай быстрей, — дал я ему свое согласие.

Чтобы оседлать новую лошадь, потребовалась пара минут.

И вот мы вместе с Арно несемся в ночи.

Уже светало, когда мы въехали в небольшую деревушку. Хотя это был, скорей всего, хутор из нескольких жилых домов. Я остановился у самого большого по сравнению с остальными. Из небольшого домика напротив вышла Изабелла, а с ней еще две молодые девушки. Они сначала напряглись, но после Изабелла признала меня и улыбнулась, что-то шепнув на ухо стоявшим рядом. Одна из которых тут же направилась в большой дом, ни разу не взглянув на нас.

— Здравствуй, Изабелла! Ты говорила, что вы хорошие лекари, нужна ваша помощь, — и я протянул к ним Берту.

Девушка, стоявшая рядом с Изабеллой, взяла Берту на руки.

После чего я спрыгнул с коня и, не устояв на одной ноге, упал к ногам Изабеллы. Она улыбнулась и задорно хихикнула, но помогла мне подняться.

— Что с вами случилось? — игривым голосом спросила она

— Неудачно выпрыгнул из окна. Если и мне поможете, то вдвойне вам буду благодарен.

— Обопрись на меня, я провожу тебя в дом, — предложила Изабелла.

Как же я могу на тебя опереться, когда ты маленькая и хрупкая. Я уж лучше сам допрыгаю. И я попрыгал к крыльцу на одной ноге, наверно, было презабавное зрелище, так как Изабелла не смогла сдержать улыбки, да и Арно лыбился.

— Арно, ты можешь здесь, наверно, тоже остаться, только у здешних хозяек надо спросить, — и я посмотрел на Изабеллу.

— Ваша светлость, я все же лучше вернусь в Аденск и доложу все барону.

— Тогда легкого пути и спасибо за помощь.

Я же вошел внутрь большого дома. И оказался в просторной комнате. У стены по правую руку от входа стоял стол, на котором

уже лежала Берта. Рядом со столом была широкая скамья.

— Подожди здесь. Сейчас наша старшая сестра подойдет, — сказала девушка, которая забрала Берту. Сев на лавку радом со столом, ко мне подошла Изабелла.

— Снимай сапог, — приказным тоном сказала она.

Я немного растерялся от такого, но послушался и снял сапог. Изабелла осмотрела ногу, покрутила ее в своих худеньких ручках, и тут я почувствовал резкую пронзающую боль, отчего скривился.

— Сиди не шевелись, сейчас принесу мазь. У тебя простой вывих, за пару дней заживет, — улыбнулась Изабелла и вышла из дома.

Через пару минут дверь в дом открылась, но на пороге была не Изабелла.

Глава 17

В дом вошла женщина, на вид старше тридцати лет, но до сорока явно не дотягивающая. С черными как смоль волосами, заплетенными в толстую косу, и с длинным слегка изогнутым носом, чем-то напоминающим клюв хищной птицы, ярко выраженными скулами и острым подбородком. Ее глаза как будто сверкали при малейшем попадании на них света. Она прошла мимо меня, даже не удостоив взгляда, и подошла к Берте. В ее походке чувствовалась грация и сила.

Черное длинное платье ниже колен, с воротником, закрывающим шею, добавляло ей шарма. На шее висела тонкая цепочка с несколькими костяными амулетами.

Она же начала осмотр Берты, прислушалась к ее хрипящему дыханию, ощупала пострадавшие конечности.

Закончив, она резко повернулась ко мне, заставив немного вздрогнуть.

— Жить будет, девочка сильная. Можешь пожить пару дней у нас, пока она выздоровеет, — ее голосом можно было замораживать моря, слишком уж там было много холода.

Развернувшись, она покинула дом.

Я же ждал Изабеллу, пытаясь оценить происходящее вокруг меня. Спустя некоторое время женщина вернулась. В руках он несла две небольшие деревянные шкатулки.

Поставив их на стол, из одной она начала извлекать содержимое, маленькие стеклянные бутыльки, хотя, приглядевшись, я понял, что они были хрустальными. Смешав содержимое нескольких в небольшой глиняной чаше, женщина приподняла голову Берте и влила ей в рот. А после наклонилась к ней и начала что-то шептать, я не мог разобрать слов.

Аккуратно сложила все обратно. И откинула крышку другой шкатулки, извлекла небольшой сосуд, выполненный из камня. Откинула крышку, и по комнате поплыл запах трав. В сосуде, видимо, была мазь, которую она начала наносить плавными движениями на пострадавшую кожу Берты. К моменту, когда она закончила наносить ее, дыхание Берты выровнялось, девочка дышала спокойно, без надрыва.

Убрав все обратно в шкатулки, она покинула дом, ни взглядом, ни словом меня не удостоив.

Через некоторое время пришла Изабелла, в руке у нее был кувшин, она открыла его, и по комнате разнесся отвратный запах, у меня от него аж рвотные рефлексы начались, еле сдержался. А после она стала этой гадостью мне мазать лодыжку, кожу начало

немного щипать, а после наложила тугую повязку.

— Вот и все, скоро снова будешь нормально ходить, — и шлепнула меня рукой по ноге. — Пошли, дом тебе покажу, а то ты уже спишь, — и она помогла мне подняться и проводила до места моего гостевания, которое располагалось на краю деревушки.

Представлял он собой покосившийся сарай со скрипучей дверью, но внутри было достаточно уютно. Стояла кровать и пара ветхих табуретов.

— С Бертой что будет? — задал я вопрос, который меня беспокоил, а то все-таки ожоги весьма опасны. А то, что я видел, не вызывало у меня уверенности.

— Все с ней будет хорошо, за ней присмотрят, отдыхай.

Завалившись на кровать, я сразу же вырубился. И проснулся, когда солнце уже перевалило к полудню, а вставать так не хотелось. Хорошо поспал, почти сутки и я потянулся.

Но чувство голода заставило меня подняться, не дав полежать. Вставал я с осторожностью, но, опершись на недавно больную ногу, не почувствовал острой боли, это было удивительно, нога уже не болела. Верней, боль еще чувствовалась, но отдаленно и малозаметно, причиняя лишь легкий дискомфорт. Осмотревшись, рядом с кроватью на табурете стояла миска с едой. Еда оказалось очень сытной. Я не понял что это, но вкусно.

Возле дома стоял мой конь, привязанный к перилам крыльца, а седло и мешки находились рядом. Он был почищен и, судя по кормушке с овсом рядом, накормлен.

Женщины во дворе ходили мимо меня, как будто не замечая, и занимались своими делами, кто-то развешивал белье, кто-то носил воду в дома. На глаза мне попадались и совсем молоденькие девчонки не старше десяти лет, и старушки, которых уже скрючило, и они ходили, опираясь на палку.

Увидев Изабеллу, которая сидела на земле и перебирала травы, я направился к ней.

— Как Берта себя чувствует? — подходя, спросил я.

— Пойдем, посмотрим, — она улыбнулась и, отряхнувшись, направилась быстрым шагом в дом.

— Ну, чего застыл, догоняй, — со смешком бросила мне.

Так что пришлось поторапливаться.

В доме Берта уже ходила, а о ее ранах напоминали лишь покрытые пахучей мазью места ожогов.

— Как это возможно, ведь еще вчера она была при смерти? — изумленным голосом спросил я Изабеллу.

— Это все благодаря Перрайн. Она наша старшая, очень

сильная и много чего знает, чему иным еще долго учиться.

— Это та, что была в черном платье? Неразговорчивая она у вас, — последнее я пробормотал себе под нос, но все же был услышан.

— Да. Она всегда была не особо разговорчивой, да и ты все же чужой для нас. А после того как ее сестра Виржиния сбежала, она еще больше закрылась в себе, — пожала плечами Изабелла.

— Сестра Виржиния — это та, которую на костре сожгли? — вспомнил я случай.

— Нет, Виржиния — родная сестра Перайн, она тоже была сильна в лекарском деле. Хотела знать больше и стремилась к этому, но сестра не спешила продолжать ее учить.

Тут на нас обратила внимание Берта и подбежала ко мне, обняв.

— Дядечка, а это правда, что ты меня спас, а как Жак, он умер? — грустно спросила пигалица.

— Нет, с ним все хорошо, ты как себя чувствуешь? — поинтересовался я ее самочувствием.

— Хорошо, только вот чешусь вся, а они ругаются, выпороть обещают, если чесаться буду, — и она мне показала руку, покрытую мазью.

— Правильно говорят, не чешись. Скоро выздоровеешь и увидишь Жака.

— Хорошо, — улыбнулось мне это чудо и унеслось обратно.

— А ты умеешь общаться с детьми, — заметила Изабелла. — У тебя было много братьев и сестер?

— Вроде того, тяжелое детство, деревянные игрушки, — отшутился я.

— Понятно, — задумчиво протянула Изабелла.

Выйдя утром на улицу, мы заметили, как толпа собралась на въезде в деревню.

А Изабелла вся напряглась и уверенным шагом направилась туда. Я пошел вслед за ней. И, подходя, увидел, как всадник в крестьянских одеждах покидает деревню.

Тут я заметил Перрайн и обратился к ней:

— Что-то случилась, может, нужна моя помощь?

— Нет, просто инквизитор устроил охоту на ведьм, — все тем же ледяным голосом ответила она.

— А на вас это отразится? У вас же договор с инквизитором, насколько я знаю.

— Одна из нас сейчас у ведьмы. И туда поехал инквизитор. — После чего Перрайн, прикрыв рукой лицо, ушла в дом.

Однако веселая ситуация выходит, они явно знали, где проживает ведьма, но при этом не сообщили об этом

инквизитору, чтобы отвести от себя опасность. Ну не дуры ли, что в головах у этих женщин?

Ну, расправится инквизитор с ведьмой, так кому от этого плохо будет, явно не окружающим людям.

Я же направился к своему домику. На подходе к нему меня перехватила Изабелла.

— Ратибор, у меня есть просьба к тебе, помоги, — взмолилась она.

А в голове после ее слов у меня появилось очень поганое предчувствие.

— Излагай, — серьезным тоном ответил я.

— Виржиния сейчас у ведьмы, и, если инквизиторы доберутся до нее, ее потащат на костер. Помоги мне. Нужно быстрей добраться до ведьмы и предупредить Виржинию. Инквизитор поедет по дороге, я же знаю короткую. Там их повозка не проедет.

Так вот куда сбежала Виржиния, картина маслом.

— То есть ты предлагаешь помешать церковникам и предупредить ведьму? — иллюзий на этот счет я не испытывал.

— Да, то есть нет, — и она замотала головой, — только Виржинию, не ведьму.

— И ты думаешь, она не скажет об этом ведьме? — со скепсисом произнес я.

— Пожалуйста, она же не ведьма, ее сожгут, — вновь взмолилась Изабелла.

Я же размышлял над ее просьбой. Путаться под ногами у церковников не хотелось и привлекать к себе их внимание, когда у самого три демоницы в борделе чуть ли не в открытую промышляют. Но и здесь мне помогли и спасли Берту без всяких лишних слов, и в должниках ходить не хотелось.

— Хорошо. Но церковников мы обходим стороной и не привлекаем внимания, и, если видим, что опоздали и их повязали, тихо разворачиваемся и уходим, не пытаемся отбить эту Виржинию, и всякое такое, — и я повертел рукой в воздухе.

Кивнув мне, она унеслась в сарай и спустя пару минут вывела оседланную старую клячу, которая ни на что уже была не годна, разве что просто возить своих хозяев спокойным шагом. Изабелла ловко запрыгнула на лошадь, я же оседлал своего скакуна, не забыв о мече и молоте, и мы двинулись в путь.

Путь занял достаточно много времени. Лошадей гнать быстро не удавалось, все-таки мы двигались по лесной тропе.

— Вон там, — и Изабелла указала рукой на виднеющийся впереди домик.

— Жди здесь, — я соскочил с коня и привязал его к ближайшей ветке.

И, пригнувшись, неспешными шагами направился к виднеющемуся домику, я скрывался за деревьями и кустами, но чем ближе подходил, тем больше понимал, что мы не успели, опоздали.

Подобравшись как можно ближе, я выглянул из-за куста и увидел с десяток солдат и инквизитора Конрада Мирфодрского, который закрывал двери повозки.

— Вот и все, попалась, тварь. — И инквизитор со злостью похлопал по повозке, а после сплюнул кровью.

В маленьком окошке с коваными решетками телеги виднелись кончики пальцев сидящего в ней человека. Судя по ним, можно было предположить, что это молодая девушка. Лицо человека было еле видно, только испуганный голос раздавался из повозки:

— Я ничего не сделала, я не виновата.

Но на это никто не обратил внимания.

Я услышал, как сзади кто-то наступил на ветку, развернувшись, потянулся к мечу, это была Изабелла.

— Ты что здесь делаешь, тебе было сказано ждать, — зло зашипел я.

— Я, я не смогла, — виновато ответила она мне, а после указала рукой на повозку, из которой виднелись тонкие женские пальчики.

— Это не ведьма, это Виржиния, сестра Перрайн. Ведьма так просто не дала бы себя взять, они бы кровью умылись, и инквизитор бы не помог, — тихонько на ухо прошептала мне лекарка.

Инквизитор и двое солдат сели на передок повозки, и она двинулась с места. За повозкой выстроились солдаты и последовали за ней.

— Они ее сожгут. Помоги ей, умоляю, она для меня как сестра, мы выросли вместе, — расплакалась Изабелла и уткнулась мне в грудь.

— Для начала тогда стоит найти настоящую ведьму. Ты не знаешь, где она может быть? — а сам же задумался, в какое жутко пахнущее дерьмо я умудрился влезть.

— Возможно, на болотах. Виржиния как-то про это говорила, что она там собирает травы и проводит ритуалы. Идем со мной. Я тут все окрестности знаю.

Мы вернулись за лошадьми и двинулись по новой тропинке. Только вели их в поводу, так как ехать было невозможно, мешали ветки деревьев.

А после мы вышли из леса, местами трава была высокая, а под ногами начало хлюпать, слышалось лягушачье кваканье. А

после начались сплошные кочки с редкими деревьями, девушка грациозно прыгала с кочки на кочку, пока мы не вышли на твердую землю. И вновь мы шли среди редкого леса, а впереди виднелась чуть заметная крыша землянки.

— Должно быть, она там, — прошептала Изабелла.

Отстегнув меч и обнажив лезвие, я тихим шагом подкрался к небольшой лестнице, ведущей вниз, к двери землянки. Тихонько, не издавая звуков, я спустился к двери.

— Заходи, я тебя уже давно почувствовала, а девка пусть на улице подождет, — послышался хрипловатый голос из-за двери.

Распахнул створку, в трех шагах от меня стояла женщина средних лет, опрятно одетая. Внешностью она ничем не отличалась от простой горожанки.

— Чего тебе надо, зачем пришел? — прохрипела она.

— Да вот наслышан о тебе, посмотреть хотел, да и не я один, инквизитор тоже хотел взглянуть, жаль, дома только не застал, — медленно проговорил я.

— Ха-ха-ха, — рассмеялась ведьма.

— Ученицу твою застал да на костер потащил, спасти не желаешь? — в том же тоне проговорил я.

— Ух, рассмешил, — весело проговорила она. — Да девка сама виновата, я ей сколько раз говорила, надо учить заклинания, а она все стремилась лечить людей, дурью маялась. Ну и много они ей помогли, скажи-ка мне? А насчет инквизитора не переживай, с ним уже все решено. Он сжег мою лучшую ученицу, вот там девка была талантливая, все делала, как я ей велела, но на пустяке поймалась.

— Значит, помогать ты не будешь? — оскалившись, произнес я.

— А зачем мне помогать мертвым? — она ощерилась в ответ.

Тут ведьма сделала выпад вперед и кинула из правой руки в меня какой-то порошок или пыль, произнеся что-то неразборчивое. А вокруг меня словно начал густеть воздух, превращаясь в белесый туман.

Нащупав задницей дверь, я вывалился наружу из землянки.

Смотря в проем, я видел темную густую летящую массу, похожую на клубы дыма или тумана, которая стремительно приближалась ко мне. Поднявшись с земли, я отбежал на свободное пространство.

И эмоции начали брать надо мной вверх, злость и ярость придавали сил, удары сердца разгоняли кровь, все вокруг стало замедляться.

И вот белесый туман медленно плывет ко мне. Косой удар мечом, но он проходит насквозь. Еще удар, все повторятся, он не

причиняет вреда твари. Я еле успеваю изворачиваться от выпадов этого существа, на самой грани, настолько оно быстрое. Уворот и удар, я бью словно воздух.

Не успеваю уклониться, эта тварь меня задела. Этот сгусток своей конечностью или щупальцем насквозь пробил мне плечо. Я чувствую, как кровь бежит по руке, а мне трудно становится удержать меч.

А в уши бьет словно замедленный крик Изабеллы:

— М-мо-оло-от!

Бросив меч в туман, я отпрыгиваю назад, и мне это дает пару мгновений, за которые я успеваю вытащить молот из-за пояса.

Руны вспыхивают на нем синим светом.

Теперь повоюем.

А тварь несется на меня, уворот и подшаг вбок.

И что есть силы бью по твари. Молот остановился, как будто я воткнул его в ствол дерева. А туманная тварь медленно начинает терять очертания, словно растворяться в воздухе. Я осмотрел молот, руны еще горели, но уже светло-голубым цветом. Левая рука начинает неметь. Немного пошатываясь, лезу в землянку за ведьмой. Чувствую слабость, начинается легкое головокружение.

Ведьма, увидев меня, уставилась на молот, ее лицо перекосило в гримасе ужаса.

— Стой, погоди. Я все сделаю, что ты скажешь, — закричала она, отходя назад маленькими шагами.

— Что может сделать для меня мертвая ведьма? — размахнувшись, одним ударом я пробил ей голову.

Но у меня уже начало плыть в глазах. Руны на молоте погасли, и мне становилось все хуже. Из последних сил я взял за шиворот ведьму и вытащил ее наверх. Из пробитой головы еще струилась кровь. Кинув ее рядом с землянкой, я попросил Изабеллу подать мне меч. Сунул молот в проушину на поясе.

Приняв меч и превозмогая боль, размахнулся и снес голову ведьме. Тут же мое тело пронзила сильнейшая боль, перед глазами все поплыло.

Изабелла фактически взгромоздила меня на коня. Сквозь пелену я видел, как голову ведьмы она засовывает в мешок. После чего мы отправляемся. Сил удержаться в седле нет, и я падаю на шею своему скакуну, а глаза закрываются.

Придя в себя, я понял, что лежу на столе в большой комнате. Голова болит и кружится, тело ломит. Найдя в себе силы, я встал со стола и, с трудом перебирая ногами, дошел до двери и выглянул на улицу. Был день, девушки, как обычно, занимались своими делами. Заметив меня, ко мне рванула Изабелла:

— Как ты? — с участием спросила она.

— Все как в тумане, голова болит, тело ломит. Что это вообще было? И что со мной?

— Ты убил духа, они очень сильны, нам повезло, что у тебя был молот. Они способны причинять разную боль. Духи могут обретать любую форму, однако в подавляющем большинстве случаев это зависит от переданной ему силы. Собственно, это ты и видел. Не каждый сможет убить духа. Он тебя ранил Атамом, своей силой, можно сказать, духовным клинком, но ты сильный и выздоровеешь. Обычно люди от таких ран умирают сразу, но тебе повезло. Ну и сестра Перрайн помогла, она делала снадобье и читала заговоры. А я от тебя не отходила две ночи, обтирая. У тебя был сильный жар, да и бредил ты во сне, — сказала Изабелла нежным своим голоском.

— Я смотрю, тебе уже легче, — раздался жесткий ледяной голос Перрайн.

— Да, спасибо, что не дали мне умереть.

Перрайн перевела взгляд с меня на Изабеллу, у нее с лица исчезла улыбка, глаза старшей сестры сверкнули, и Изабелла удалилась.

— Почему ты не сказала инквизитору, что вместе с ведьмой будет твоя сестра, ведь у вас вроде как все решено, вы ему платите, он вас не трогает?

— Я не хотела, чтобы у него был дополнительный рычаг давления на нас, да и он мог решить, что мы связались с ведьмами, тогда и договор бы нас не спас. А то, что мы зарабатываем с сестрами, почти все уходит на откуп ему. Ты сам видишь, как мы живем, у нас даже нет возможности купить новую лошадь.

— А вы можете мне сделать такие же мази, которыми лечили Берту и меня. Например, от ожогов, он болей в спине, растяжений и многое другое, что вы обычно готовите, а я гарантированно буду у вас это приобретать. Поскольку у меня в баронстве Бартон нет ни одного лекаря, вот мне и пришлось к вам везти девочку, а вы все же далеко, к вам каждый раз не наездишься.

— Я подумаю над твоим предложением, вечером дам ответ. Кстати, Берта уже два дня бегает и веселится. Вот, смотри сам, — махнув головой, указала Перрайн.

Обернувшись, я увидел Берту, играющую в догонялки с местными девчонками. Перрайн окликнула Берту, и та покорно подошла. Осмотрела руки и ножки девочки, никаких следов ожогов не было, даже красных пятен не осталось, в том числе на лице.

До вечера я пил только лечебный отвар.

Вечером ко мне подошла Перрайн и ответила согласием на мое предложение о приобретении у них мазей и отваров. К утру я уже чувствовал себя достаточно хорошо, Изабелла принесла несколько сумок со снадобьями. Закрепив сумки на боках у коня, вскочил в седло, и вместе с Бертой мы отправились обратно в Бартон. Отъезжая из деревушки, Изабелла еще долго стояла и смотрела мне вслед.

Сейчас мы ехали не спеша, некуда не торопясь, Берта молчала почти всю дорогу. Подъезжая к Аденску, Берта повернулась ко мне, обняла за шею, после чего в душе как-то все сжалось. Было очень непривычное чувство.

Ближе к обеду мы въехали в Аденск, где нас уже встречал барон Александр. Я слез с коня, после чего помог спуститься Берте.

— Вот, полюбуйся, все ради нее было. Ты не поверишь, но еще недавно она была вся обгоревшая, а после визита к лекаркам вновь здорова, — я опустил голову и посмотрел на Берту.

— Я все равно им не доверяю. Но я рад, что девочка осталась жива, — ответил барон. — Ратибор, я рад, что смог помочь, но в следующий раз ты хоть меня предупреждай о том, что собираешься взять коня или что иное, в доме должен быть один хозяин.

Я лишь склонил голову, признавая правду Александра, все же не совсем красиво вышло по отношению к нему.

Перекинув сумки с поклажей на коня, мы отправились в Бартон. Ехали неспешно, и я любовался природой. Ближе к ночи мы добрались до баронства. Сразу по приезде я отправился в бордель и передал Берту на руки Эдит с наказом о ней заботиться, а сам же завалился спать в кабинете.

С утра меня разбудила взволнованная Эдит.

— Ваша милость, прибыл курьер от герцога и срочно вас требует, он ожидает внизу.

Я сорвался с постели, словно ошпаренный, едва успев одеться, побежал вниз по лестнице, по пути продирая глаза. Передав мне письмо, гонец, не дожидаясь ответа или моей реакции, удалился. Вскрыв письмо, я прочитал:

— *Срочно прибудь в Алирон. Нужна твоя помощь, Карл при смерти.*

Глава 18

Въехав в город, я понял, что что-то не так. Двигаясь по улицам, слышал, как люди шептались о том, что граф при смерти, и это наказание Господа за его дела. Въехав в замок, я увидел карету герцога, то, что ее еще не убрали от входа, означало, что он только что прибыл.

Слуги проводили меня в зал, где находился сэр Томас, который прибыл с герцогом, я переговорил с ним и показал письмо с печатью герцога, он же провел меня к Роберту.

— Хорошо, что ты быстро приехал. Пойдем со мной, узнаем, в чем дело. Я сам только прибыл и не выяснил всего.

Вместе с герцогом мы пошли в комнату, где лежал граф. У его кровати находился врач и какой-то священник или монах, у стены стоял сэр Ален, начальник стражи Карла, и внимательно следил за обоими.

Роберт, взглянул на все, выдохнул и жестом поманил Алена из комнаты, чтобы не мешать.

Перейдя в соседнюю комнату, он повернулся к окну и коротко бросил:

— Рассказывай!

Сэр Ален прикрыл глаза на пару мгновений, а после начал рассказ:

— Вечером граф был мягок, не в пример предыдущим дням, и в добром расположении духа, его таким уже давно не видели. Он смог наконец немного отвлечься от недавних событий. И приказал готовиться к охоте, на которую он собрался выехать с раннего утра. Проснувшись утром, граф, захватив с собой барона Гегенского, а также нескольких придворных, ну и, разумеется, стражу, выехал на охоту. Я лично сопровождал его, граф приказал мне не мешать охоте и не путаться под ногами. Он всегда так делал, не любит надзора. Да и, если охота выходила неудачной, он винил только себя.

Ален ненадолго замолк и, переведя дыхание, продолжил:

— Мы выехали в сторону имения Риксон. Его любимая борзая по кличке Купец трусила рядом с графским конем. Натасканный пес мог гонять и оленя, и кабана и, бывало, выводил на верный след сбившуюся свору. Обычно считается, что борзые берут зоркостью и резвостью в гоне, зато чутьем природа их обделила, однако ж Купец мог идти по следу не хуже гончей. Он в последнее время, после истории с его супругой, стал очень холоден, мог часами в молчании сидеть у открытого огня, но с собаками и лошадьми был ласков и приветлив, они будто

понимали друг друга без слов.

— Это точно, — перебил сэра Алена герцог, — он с детства любил собак, они его вроде как успокаивали, он много времени проводил на псарне, — задумчиво протянул герцог, а потом, словно опомнившись, махнул рукой: — Продолжай.

— Только в лесу среди трав и зверей граф вновь казался живым. На поляне, где должна была состояться встреча охотников, граф ловко осадил коня, чтобы полюбоваться своей сворой, он ей гордился и называл собак своими малышами. Егерь, окруженный псарями, доложил графу, что на заре выследили нескольких оленей, и среди них одного крупного, по возрасту примерно лет десяти. Десятилеток этот, кроме того, был одинец — другими словами, олень, отбившийся от стада и окончательно одичавший во время своих скитаний. Собак пустили по следу, и охотники рассеялись по лесу, спеша занять те места, где мог появиться олень. Оленя заметили, и граф, вскочив на коня, рванул вслед за собаками. Я пытался следовать за графом, но разве в лесу во время охоты за ним угонишься, — с сожалением развел руками в стороны сэр Ален.

— Карл, увлеченный погоней, пересек наискось лес, стремясь преградить путь зверю, добрался до опушки и стал поджидать оленя, который должен был выскочить на равнину. Нет ничего легче, чем потерять своих во время охоты. Мы упустили графа из вида. А спустя минут десять увидели, как граф о чем-то говорит с крестьянином, оказавшимся на месте охоты. Мы же подъехали к этому мужику и спросили, о чем он говорил с графом, тот ответил, что граф интересовался, не пробегал ли здесь олень? Он ответил, что пробегал. Под самым носом промчался, как его и след простыл. Видать, пару часов бежал, потому что рога совсем на спину закинул и язык высунул. Это как раз ваш олень и есть. Он далеко не ушел, потому как воду ищет. И что его возле пруда найти можно. После чего он пустил коня рысью, ну и вот, вы подъехали.

Поблагодарив мужика, мы поехали по следу графа.

Значит, граф не заблудился вовсе, а заблудились остальные участники охоты, промелькнула мысль у меня в голове. Судя по всему, его светлость почувствовал мальчишескую радость при мысли о том, что один вместе с любимой своей борзой нагонит и убьет десятилетка.

А тем временем Ален продолжал свой рассказ:

— Мы видели, как граф въехал в рощицу. Последовали за ним и въехали спустя пару минут. Увидели, как граф остановил коня, взвел арбалет, наложил стрелу, все вокруг замерли в ожидании выстрела, и в эту секунду из-за куста рядом с графом

будто из-под земли выскочил огромный черный кабан. Конь графа испугался и встал на дыбы, скинув Карла, граф потянул за удила в попытке удержаться в седле, но конь рухнул на него.

Когда мы подъехали, увидели тело Карла, недвижно лежавшее на земле возле коня, он попытался что-то сказать, но с его губ не сорвалось ни звука. Купец яростно лаял на оленя-одинца, но сейчас охотникам было не до оленя, пока люди собирали собак, олень, передохнувший за это время, пустился бежать.

— Первым к телу Карла Алиронского подбежал я. Заметив, что его светлость еще дышит, я воскликнул: «Граф жив!» С помощью поясов, плащей и стволов молодых деревьев, срубленных ударами меча, мы смастерили носилки, на которые и уложили графа. А он по-прежнему не шевелился, но затем его вырвало и пронесло, как утку, которую душат. Его остекленевшие глаза смотрели из-под полуопущенных век. Его отнесли в замок на носилках, поскольку в повозке его везти было нельзя. При малейшем колебании его зрачки расширялись, он испытывал неимоверную боль, но не мог издать ни звука. Уложили его в кровать, и к вечеру он обрел дар речи. Спешно вызванные лекари пустили графу кровь. После чего сразу же отправили гонца к вам.

Герцог молчал достаточно долго, может, пять минут, а может, все десять. По комнате разливалась тягостная тишина.

— Ратибор, нужно проверить все сказанное, — тихонько сказал герцог.

— Я все сделаю. Мне нужен егерь, который был на охоте, чтоб показал мне это место.

Сэр Ален распорядился позвать егеря и сопроводить меня на место охоты. Спустившись вниз к конюшне и недолго подождав, ко мне подбежал запыхавшийся бородатый мужик лет тридцати, крепкого телосложения и со здоровенными ручищами.

— Ваша светлость, простите за задержку, я сейчас коня возьму и поедем, — мужик поклонился и юркнул в конюшню.

Буквально через минуту он вывел коня, лихо вскочив на него, сказав, что готов к поездке, и мы выдвинулись в лес. Скакали достаточно резво по узким лесным тропинкам. Я пытался не упустить из виду хвост коня егеря в этой лесной и густой чаще. Это были его тайные тропы, по которым вельможи не ездили, поскольку мы проезжали мрачные и болотистые места. Спустя пару часов такой скачки мы выскочили на поляну, тут егерь пустил коня шагом, пройдя немного, он остановился и спрыгнул с коня. Я так же остановил своего скакуна рядом и спрыгнул с него.

— Вот тут все и произошло. Мы стояли вон там, у кустов, — егерь указал на небольшие кустики метрах в пятидесяти от

нас. — А граф был тут, — кивнул на место впереди себя, к которому мы и подошли. — Он был на коне и прицеливался в оленя, и вот из этого куста и выскочило это чертово отродье, — егерь указал на густой раскидистый куст.

— Подойдя поближе, мы увидели еле заметные следы, поскольку большую часть затоптали при сложившейся суете и транспортировке раненого в замок. Но среди этой каши все же было можно рассмотреть два отчётливо отпечатанных глубоких следа от подков, что свидетельствовало о том, что конь действительно резко подался назад и встал на дыбы. Осмотрев куст, из которого, по словам егеря, выскочил кабан, я обнаружил лежку зверя. Егерь также это подтвердил. Скорей всего, зверь просто прятался от гончих, и когда к кусту подъехал граф, кабан и сорвался с места. По следам было видно, что кабан действительно большой, около ста пятидесяти килограмм, — пояснил мне егерь.

По всей видимости, это действительно был несчастный случай, хотя я тут уже много чего навидался и в несчастные случаи верил все меньше и меньше, но это был именно тот редкий случай.

Вернувшись в замок и поднявшись к герцогу, я рассказал ему все, что обнаружил, и поделился своими выводами, что это действительно несчастный случай.

— Он умирает, Ратибор. Мой младший брат умирает. Его кости сломаны и органы раздавлены. Это какое-то проклятье. Он жить не мог без охоты, и она его погубила. Врачи разводят руками, они сказали, что максимум день, два, и все. Нужно готовиться к похоронам. Он мой единственный брат, умрет он, и останется только сын из всего моего рода, если бы можно было его спасти, — в эту минут у этого огромного, как скала, гиганта намокли глаза, а белки покраснели.

Тут в комнату вошел сэр Ален и сказал, что инквизитор Конрад Милфордский потерял сознание при допросе еретиков, упал и изо рта его потекла кровь. Его перенесли в замок и уже направили к нему врачевателей.

Тут в голове промелькнули слова ведьмы Глиндэ о том, что с инквизитором уже все решено.

— Ваша светлость, мне нужно кое-что проверить, это срочно, — оповестил я Роберта.

— Да, конечно, иди, — тихим голосом, почти шепотом ответил герцог.

Я спешно спустился во двор и побежал прямиком в башню, где содержалась Виржиния. По роковой случайности это была та самая башня, где держали сестер Юлиану и Анну до их суда.

У двери ждали двое крепких стражников, которые ни в какую не хотели впускать меня и отрывать дверь. Было желание просто вломить им и пройти беспрепятственно, но я сдерживался:

— Эта девка единственная, кто знает, что произошло с инквизитором, если он умрет, я буду вынужден сказать, что вы препятствовали мне в решении данного вопроса, вас придадут суду, и поверьте, простым отрубанием головы вы не отделаетесь, — язвительно произнес я.

Здоровяки переглянулись. Помялись немного, один из них сказал:

— Мы откроем, но будем стоять рядом.

Второй же дополнил:

— И руки у нее по-прежнему будут связаны за спиной, чтоб она не смогла колдовать.

Колдовать, что за бред, подумал я про себя, но согласился на их условия.

Войдя внутрь комнаты, увидел девушку, сидевшую возле стены, руки ее были связаны за спиной, а голова опущена вниз, к коленям. Ее темные волосы были небрежно раскиданы по плечам, часть свисала на лицо. В них была запутана солома, на которой ей приходилось спать. Подойдя к девушке, я сел перед ней, она подняла голову и посмотрела мне в глаза.

Меня поразило словно молнией, вот это красотка, и даже последние дни не сильно на нее повлияли, она могла запросто конкурировать с суккубом, но те ведь демоны, а это человек. Ее огромные карие глаза были наполнены слезами, под опухшими от ударов щеками просматривались все ещё прекрасные черты лица. Слегка выделяющиеся скулы и остренький, но в то же время округлый подбородок, просто кукольное прекрасное личико, фигура также была на высоте, девушка худенькая, но с пышной грудью. Ее глаза как будто просили о помощи.

— Я от Пиррайн, расскажи, что случилось в лесу, и что с инквизитором, — прошептал ей тихонько.

В глазах девушки как будто засверкала надежда, когда я произнёс имя ее сестры.

— Я была в избушке с Глиндэ, когда она сказала, что скоро случится непоправимое. За ней придет человек. Она достала золотую монету и что-то шептала, я такое заклинание слышала раньше. Это проклятье, наложение на предмет. Кто возьмет проклятый предмет, на того и падет проклятье. После чего она положила монету на стол, а сама сказала, что пойдет на болота за травами для зелья. Меня же оставила в доме в лесу.

— Глиндэ, это так ведьму звали? — тихонько спросил я, не забывая, что за нами наблюдают.

Виржиния лишь махнула головой. Хех, забавно, прям как в сказке. Ни дождавшись от меня реакции, она продолжила:

— Через некоторое время в дом вломились солдаты, и с ними инквизитор, он велел стражникам заковать меня в цепи, что они и сделали на месте. Затем он увидел на столе монету, взял ее и подкинул в воздух, поймав в ладоши, после чего как бы прислушался к ней, а затем положил ее себе в кошель. Меня вывели на улицу и закинули в повозку, я видела из окна Изабеллу, ее тоже забрали, скажи мне? — тихим приятным голосом спросила она.

— Нет, с Изабеллой все в порядке. Ты не бойся, Глиндэ больше нет. Можешь рассказать мне все, что знаешь про нее.

— Ты убил ее? Но как? Это невозможно, — встревоженным голосом спросила девушка.

— Она не оставила мне выбора, пришлось ее убить. Она выпустила на меня какого-то духа, который чуть не убил меня, но благодаря Пиррайн, я жив. Расскажи, как снять заклятие с инквизитора?

— Без Гландэ это почти невозможно. — А после задумалась: — Если только переложить проклятье на другого.

— Как на другого? На другого человека? — вопросительно спросил я

— Необязательно, это может быть любое живое существо, которое способно ходить, бегать и питаться.

— Спасибо тебе, я постараюсь тебе помочь.

Тут здоровяки засмеялись:

— Как ты ей поможешь? Постоишь вместе с ней на костре?

Взглянул им в глаза, они тут же замолкли.

Не говоря ни слова, я выскочил из башни и рванул к герцогу.

— На инквизитора наложено проклятье. Я попытаюсь его снять, но ведьму, которая в башне закована, придется отпустить.

— И речи об этом идти не может. Мы не можем вмешиваться в церковные порядки. Но если сможете помочь, то действуйте, сэр Ратибор, — ответил сэр Ален.

Тут я перевел взгляд на герцога Линского.

— Я соглашусь с сэром Аленом, мы не можем вмешиваться в дела церкви.

— Хм, тогда мне нужно пять самых быстрых коней, что есть в графстве, и немедленно. Есть шанс спасти графа, но вы должны к утру выдворить из его комнаты всех церковников, они не одобрят такое лечение, да и врачеватели пусть будут подальше.

— Я все решу, только помоги моему брату. Сэр Ален, распорядитесь о конях, — привычным командным голосом сказал Роберт и вернулся в комнату к графу.

— Идем, скорей, — сказал сэр Ален

Спешным шагом, почти бегом, мы спустились вниз по винтовой лестнице и выбежали во двор. Добежав до конюшни, сдержанный и учтивый сэр Ален непривычно для меня вскрикнул на конюхов, чтоб седлали пятерых лучших коней.

Буквально через пару минут конюхи вывели молодых жеребцов, которых я ранее не видел.

— Это племенные жеребцы графа, он на них катался разве что по праздникам. Он даже их на охоту не брал, берег. Им нет равных в скорости, по крайней мере, в нашем графстве уж точно, — с гордостью сказал сэр Ален и передал мне поводья вороного жеребца.

Привязав длинными поводьями коней друг к другу, вскочил на вороного жеребца и двинулся в уже знакомую деревушку к Перрайн. Конечно, надежды было мало на то, что она согласится ехать со мной, тем более ее сестру отказались отпускать, но все же минимальный шанс оставался.

Скорость на сцепленных конях была не совсем тем, что я ожидал, но все же было неплохо, поскольку они не могли бежать с одинаковой скоростью и постоянно друг друга поддергивали. К вечеру я добрался к деревушке, где меня радостно встретила Изабелла, если б не остальные девушки, стоявшие на улице, она бы кинулась мне на шею.

— Доброго вечера, мне срочно нужна Перрайн!

Изабелла улыбнулась и проводила меня к ней в дом. До этого момента, пока был тут, я ни разу не входил в ее дом. Внутри было достаточно уютненько, в то же время пустовато. Стояла кровать, стол и два стула, в углах по левой стороне стены два больших сундука.

— С чем на этот раз пожаловал? — тем же ледяным голосом спросила Перрайн, отвлекаясь от какой-то книги.

— Мне нужна твоя помощь и помощь еще нескольких девушек. Глиндэ наложила проклятие, которое передалось на инквизитора, и он сейчас при смерти. Нужно перебросить проклятье на какое-нибудь животное.

— Хах, это проклятие и так уже на животном. Он это заслужил. Пусть сдохнет в муках. Если я думаю про то проклятие, то он быстро не умрет, он будет мучиться неделю, пока не выплюнет свои внутренности наружу, — ответила Перрайн с какой-то ухмылкой и радостью. — Кстати, что с моей сестрой, она еще жива?

— Да она жива, ее не хотят отпускать. Я знал, что ты о ней спросишь, и что без нее к тебе не стоило приезжать, но даю тебе слово, если поедешь со мной и спасешь умирающего графа и

инквизитора в придачу, я вытащу твою сестру из заточения живой и невредимой.

— А что с графом стряслось? — с явным интересом спросила Перрайн.

— Как бы помягче сказать, в общем, его конь помял.

— Так, значит, там еще и граф при смерти. Проклятие, похоже, начинает сбываться, это уже интересно, — девушка расплылась в улыбке.

За все время, что я видел Перрайн, она ни разу не улыбнулась, но тут и при таких обстоятельствах цвела и пахла. Меня она начала пугать своим злорадством, но я ее так же понимал, ее родную сестру хотят сжечь живьем.

— Какое еще проклятие? — спросил я

— У Глиндэ была ученица, ее звали Матильда. Она раньше жила с нами, но, как и Вержинии, ей хотелось узнать больше, чем просто знахарство, поэтому она и ушла к Глиндэ. По слухам, она была очень достойной ученицей и подавала большие надежды. Девушки мои, конечно, об этом не знали, они считали, что она ушла в город врачевать, но ее так же, как и Виржинию, подставила Глиндэ. И когда ее привезли на костер, она прокляла графа и инквизитора, вот, судя по событиям, проклятье и начинает сбываться, — мягким и нежным голосом сказала Перрайн

— Помоги им, прошу. И я помогу твоей сестре избежать костра, — твердо сказал, глядя Перрайн в глаза.

— Ну хорошо, но учти, если не сдержишь слово, то горько пожалеешь об этом, — ответила девушка, тут же вернув свой холодный голос.

Перрайн распорядилась подготовить сумки с различными мазями, отварами и прочей атрибутикой. Одну же сумку она достала из-под кровати и не выпускала из рук. Взяв с собой Изабеллу и еще двух девушек, мы выдвинулись в сторону Аденска. Жеребцы поодиночке действительно были быстрыми, и к полуночи мы прибыли в Аденск.

Сказал Перрайн, чтоб двигались в сторону Алирона, а я заеду к барону Александру. Ведь по дороге у меня начал вырисовываться план того, как вытащить Виржинию, всего лишь наметки, но хоть что-то.

Забежав в замок к барону, встретил его на удивление бодрствующим, обычно в это время он уже спал.

— Что-то ты к нам зачастил, — улыбнувшись, сказал Александр.

По-приятельски пожав руки, обнялись, я попросил у него перо и бумагу. Разумеется, Александр мне в этом не отказал.

Написав письмо, я попросил барона его отправить в Бартон немедленно и передать Антуану.

Поблагодарив в очередной раз Александра, я вскочил на своего скакуна и помчался вслед за лекарками, которые уже оторвались от меня на достаточное расстояние.

Глава 19

К утру я нагнал лекарок у стен Алерона. И когда мы проезжали по улочкам города, люди искоса смотрели на девушек, облаченных в длинные плащи с капюшонами, которые скрывали их лица, а вслед нам неслись шепотки горожан.

Во внутреннем дворе замка нас ждал сэр Ален, он нервничал и нарезал круги. Увидев нас, он слегка улыбнулся.

Слуги помогли снять тяжелые сумки с коней, а рыцарь проводил девушек наверх, в комнату к графу. Сам же не стал заходить и остался в коридоре. В открытую дверь было видно, что, кроме Роберта и Карла, там никого нет, не считая сиделки, которая в этот момент обтирала хозяина.

Перрайн направилась прямиком к Карлу, не обратив внимания на Роберта и не склонившись перед владыкой этих земель. Но Роберту на это было плевать, он хоть и был суров, но глаза его выдавали, в них светилась надежда. Девушки зашли вслед за Перрайн. Отодвинув сиделку в сторону, она принялась за осмотр графа, а после скомандовала:

— Всем выйти из комнаты.

Роберт от такой наглости даже не мог слова сказать, но лишь взглянул с неодобрением, и, подчинившись, направился к выходу.

— У него осталось мало времени, если он доживет до утра, значит, все будет в порядке, если нет, увы, — проговорила Перрайн вслед выходящему из комнаты герцогу.

Роберт кивнул, остановившись у двери, и, дав понять, что они сделали все возможное, вышел.

Герцог сначала опустился на кресло, стоящее в коридоре недалеко от комнаты, в которой лежал его брат, но долго усидеть не смог и, поднявшись, начал вышагивать возле комнаты Карла, его шаги эхом разносились по пустому коридору.

Через пару минут из комнаты вышла Изабелла с маленькой сумочкой.

— Идем, проводи меня к инквизитору. Посмотрим, что с ним, — серьезным голосом проговорила она, обратившись ко мне.

— Я провожу вас, — сказал сэр Ален. При звуках его голоса герцог будто вздрогнул и направился с нами к инквизитору.

Пришлось немного пройтись по коридорам замка, ведь инквизитора расположили в другом крыле.

В комнате, где лежал Конрад Милфордский, мы застали неприглядную картину. Инквизитор лежал в постели, залитой кровью, слуги не успевали менять простыни, было впечатление, что кровь сочится у него из всех отверстий и пор.

Изабелла медленно подошла к инквизитору, достав маленький бутылек из сумочки, после чего запрокинула ему голову и влила содержимое ему в рот. Заткнула его рот и нос руками на несколько секунд. Инквизитор сглотнул содержимое, после чего она аккуратно уложила его голову обратно на подушку.

— Это замедлит кровотечение и даст ему дополнительный день жизни, он уже на пределе, — пояснила она свои действия для нас. — Если не остановить кровотечение, он завтра начнет выплевывать свои внутренности, но без ритуала ему все равно не помочь, это лишь продлит его агонию.

Про это мне говорила и Перрайн, подумал я про себя.

— Что нужно для обряда? — спросил сэр Ален, он словно пересиливал себя, задавая этот вопрос.

— Нужно животное средних размеров, на которое перейдет проклятье, — ответила спокойно Изабелла и отошла от инквизитора.

Мы все сидели напротив кровати Конрада на широкой лавке в ожидании какого-то чуда. Будто он должен был проснуться, встать и пойти, но ничего не менялось. Тут служанка, стоящая рядом с инквизитором, сказала, что у него кровь почти не сочится. Изабелла пояснила, что настойка подействовала, и хуже ему точно уже не станет.

Вспомнив о письме, которое я отправил Антуану, я обратился к сэру Алену, сказав, что ближе к вечеру привезут недостающий инвентарь с приспособлениями для лечения, и, чтоб лишних разговоров среди стражников не было, необходимо повозку пропустить без досмотра. Сэр Ален пообещал, что отдаст такое распоряжение, после чего удалился, я же вместе в Робертом и Изабеллой вернулся к графу.

За дверью слышались крики Карла, герцог ринулся в комнату, но я с трудом его удержал, повиснув на нем. Изабелла приоткрыла дверь и быстро юркнула внутрь, захлопнув створку перед нашим носом, не дав даже взглянуть, что происходит внутри.

Я же выпустил герцога из своей хватки, а он лишь зло и недовольно на меня глянул, впрочем, ничего не сказал.

Роберт нервно ходил возле двери, потирая рукой подбородок, время от времени он порывался вломиться в комнату, но перед дверью останавливался, будто не решаясь ее открыть.

Крики графа то затихали, то снова усиливались. Незаметно настал вечер, из комнаты вышла девушка, одна из помощниц Перрайн, и пояснила:

— У господина были сломаны многие кости, которые

проткнули внутренние органы или сильно давили на них. Сестра Перрайн вправляла их на место, потом дала отвар для скорейшего срастания костей, ему нужно протянуть до утра, так что помолитесь за него, — девушка развернулась и вернулась в комнату, не забыв закрыть дверь.

Вспомнив о повозке, я оставил Роберта у дверей комнаты с братом, взяв с него слово, что он туда не ворвется и не будет мешать лечению, пока ему не разрешат лекарки. Герцог дал слово, после чего я направился в сторону главных ворот замка в ожидании повозки. Вышагивая из стороны в сторону, я увидел приближающуюся закрытую повозку, немного похожую на карету, кучером в которой был Антуан.

Его остановили стражи возле ворот, начав выяснять, кто он такой и зачем направился в замок. А один из стражи принялся обходить повозку, и было видно, что вознамерился в неё заглянуть.

Антуан же весь побледнел и попытался что-то пояснить стражам.

— Стоять, — разнесся мой крик по двору, и стражи и Антуан замерли.

Пара шагов — и я стою рядом.

— Вам сэр Алан что приказал? Какого хрена вы творите? — начал я заводиться.

— Так он про эту повозку говорил, что же ты, парень, сразу-то не сказал, — ответил страж, уходя с дороги. Антуан выдохнул с облегчением.

И Стражи свободно пропустили повозку на территорию замка. Запрыгнув на перед повозки к Антуану, мы сделали небольшой крюк по двору, чтоб подъехать и встать неподалеку от башни, где содержалась Виржиния.

— Сэр, прошу вас больше не давать мне таких заданий. Я ведь плохо читаю и не совсем понял, о чем вы писали, пришлось бежать к Марселю, чтобы он мне все пояснил. — Он мне и сказал, что необходимо сделать и кого взять с собой, так что ему обо всем известно, простите, сэр, что я вас подвел, — и он склонил передо мной голову.

— Все хорошо, Антуан, главное, ты здесь, — и я похлопал его по плечу.

— Да и эти, что внутри сидят, они же ни в какую не хотели ехать, не верили мне. Я ведь про них даже и не знал, что такие у нас есть, — нервным голосом сказал парень.

— Всех трех привез? — шепотом произнес я

— Да, ваша светлость. Я ведь в борделе был впервой, — опустил глаза Антуан.

Открыв заднюю дверь повозки, мне на шею прыгнула Мелиса, вцепившись в меня горячими губами, инстинктивно я тоже ее обнял, и в паху появилось легкое возбуждение. Оторвав свои горячие губы от моих, Мелиса улыбнулась.

— Я знала, что ты будешь скучать без меня, — с улыбкой произнесла девушка.

Век бы тебя не видеть, мелькнула у меня мысль.

Тут из повозки послышался легкий смех остальных девушек. После чего наружу вышли Милена и Мари.

— Девушки, мои дорогие Мелиса, Милена и Мари. Мне нужна ваша помощь, а именно, чтобы вы применили все свои чары на охранников в этой башне, ну и, разумеется, так сказать, перекусили. Но не просто так, а увели их с собой в комнату подальше, мне нужен свободный проход наверх и связка ключей от темницы. А для тебя, Мелиса, будет особое задание, но это позже. Вы готовы?

— Перекусить мы всегда готовы, — хихикающим голосом ответила зеленоглазая Милена.

Девушки, скинув с себя плащи и обнажив свои прекрасные тела, вошли в башню. Антуан, застыв на месте, еще некоторое время смотрел вслед скрывшимся за дверью красавицам и не мог прийти в себя от увиденного, так что пришлось отвесить ему оплеуху.

Спустя четверть часа из двери выглянула Мелиса и протянула мне связку ключей.

— Антуан, бери мешок, — отдал распоряжение парню.

Он взял мешок из повозки, тот самый, в который Изабелла положила голову ведьмы, и который я припрятал здесь заблаговременно.

Поднявшись наверх по винтовой лестнице, я открыл уже знакомую дверь. В свете масляного фонаря увидел силуэт лежащей на грязном полу без сил Виржинии со связанными руками. Она не подавала признаков жизни.

— Мелиса, можешь определить, человек она или ведьма? — спросил я у сопровождающей нас демоницы, на которую с вожделением косился Антуан.

Мелиса хихикнула своим очаровательным голосом и ответила:

— Я не могу знать, ведьма она или нет, но она точно не демон, она человек и достаточно красивый, — подойдя к Виржинии, присев возле неё на корточки, и убрала волосы с ее лица.

Приблизившись, я распутал узел веревки, которая связывала руки девушки. Проверил ее пульс, она была еще жива, но,

видимо, без сознания.

Подняв ее на руки, приказал Антуану, чтобы он вытряхнул содержимое из мешка.

Антуан и вытряхнул отрубленную голову Глиндэ, увидев которую, я немного отпрянул назад. А Мелиса, смотря на это, залилась смехом.

Закрыв за собой двери, мы потихоньку начали спускаться вниз по лестнице. Когда проходили мимо соседней двери в темнице, раздался сильнейший удар, да такой, что створка содрогнулась. Спустив Виржинию вниз, аккуратно уложил ее в повозку. Мелиса сходила за остальными своими товарками, убедившись, что охранники в бессознательном состоянии после близости, они разместились в повозке.

Собрались уже уезжать, но меня внутри что-то остановило. Не давал покоя тот сильный удар в дверь, прозвучавший, когда мы спускались по лестнице. Кто же там мог быть заперт с такой неведомой силой, у меня разыгралось любопытство. Я колебался, на одной чаше весов было мое сознание, которое говорило, что надо ехать дальше и не лезть не в свое дело, на второй — жгучий интерес, было любопытно, кто там заперт, ведь о других пленниках этой башни я и не слышал.

Любопытство все же взяло вверх. Если меня не смог убить дух, то что может мне сделать тот, кто там заперт. Была не была.

— Ждите меня здесь и не высовывайтесь. Я скоро приду, — сказал я девушкам.

После чего мы вместе с Антуаном вернулись к той самой двери, за которой послышался удар.

Постояв недолго у двери и прислушиваясь, услышали такой же удар. Я предусмотрительно достал молот, поскольку, случись непредвиденное, им будет удобней действовать.

Я открыл дверь, и тут же на меня с ревом набросился здоровенный рыжеволосый и бородатый мужик ростом около двух метров, волосы взъерошены, глаза дикие. У него были черные брови, голубые глаза, правильной формы нос, широкие плечи и рыжая борода с усами. Но эти черты я подметил уже после.

Нырнув под его удар, я резко развернулся, ударил его со всей силы кулаком посреди лопаток, отчего он впечатался в стену. Но тут же развернулся и снова попер на меня.

Выставив левую руку вперед, правой я поднял молот вверх:

— Стоять, я сказал! Ты еще кто такой? — спросил рыжеволосого.

Мужик посмотрел на меня, после перевел взгляд на молот, потом на Антуана. Опустив руки, увидел, что я не стражник,

сплюнув кровь с губы, наверное, ударился, когда я его впечатал в стену.

— Конор, а ты кто такой? На стражника не сильно похож, да и на прихвостня инквизитора тоже, — сказал здоровяк басом.

Тут вмешался Антуан:

— Перед тобой сэр Ратибор, приклони перед ним колено и останешься жив.

— Сэр?! Так ты рыцарь, значит, — с улыбкой ответил Конор.

— А ты за какие злодеяния очутился в этих шикарных апартаментах? — спросил я рыжеволосого, опустив молот.

— Монах я, точнее, был недавно, немного перебрал с вином, повздорил с настоятелем монастыря, ну и приложил его легонько. Я и убежал. А вот два дня тому назад по розыскной грамоте меня и поймали, грозились передать сегодня под суд, но что-то никто не пришел.

— Это ты на церковных харчах отъелся? Или с детства такой здоровый? — влез Антуан.

На что здоровяк оскалился в улыбке. Антуан же продолжил:

— Ну а за такие преступления у нас вешают. Настоятеля ударить, ишь чего удумал, да еще и насмерть, поди.

Рыжеволосый выдохнул, но продолжил говорить:

— Вот именно, что насмерть зашиб, но я ведь не специально. Он сам нас донимал, мол, ничего не делаем, хотя мы с раннего утра до вечера в храме на учении были, а через день после молитвы читали. А те, кто не читал, из сада не выходили, все работали, а сам он только и мог ходить и тыкать пальцем, что мы плохо работаем, и даже завтрак не заслужили.

— Ну вот как-то я забрел в погреб, где хранили вино, ну и не удержался, отведал. На беду, настоятелю взбрело в голову спуститься в погреб. Увидев меня, хлебающего вино, разорался, и давай меня бить библией по голове. Вы представляете, Библией по голове, святой книгой. Ну, я и отмахнулся от него и приложил, а он головой о бочку и ударился, вот я тогда и струхнул. Взял упавшую Библию из его рук и убежал. Я молитвами пытался замолить свой грех, — с грустью опустил голову Конор.

А после с какой-то детской не посредственностью добавил:

— Не хотел я, он первый начал.

— Значит, грамоте обучен? — спросил я, опуская руку с молотом вниз.

— А то как же. Я с детства при церкви, читать-писать умею, еще и в хоре пел, — ответил Конор.

Взглянув в его глаза, я видел, что он не убийца или какой-то недостойный человек. В его глазах было истинное раскаяние в случившемся.

Я убийц на своем веку повидал многих и мог по взгляду определить, врет мне человек или нет. В голове мелькнула идея взять его с собой, поскольку он читать и писать умеет, тем более может детей грамоте учить, а если что, так я его сдать могу в любое время церковникам. Решено, нужно брать его с собой.

— Пойдешь со мной? — спросил я здоровяка.

— Пойду, если будешь кормить и кроватью нормальной обеспечишь, а если еще и пару серебряников подкинешь и кружку вина нальешь, то я весь твой без остатка.

— По рукам, но учти, если вздумаешь шалить, вмиг очутишься тут же. И это в лучшем случае, — ухмыльнувшись, убирал я молот в проушину на поясе.

Закрыв двери темницы, мы спустились вниз, оставив ключи на ручке входной двери в башню. Антуан сел на перед повозки, Конор забрался внутрь, но в глубь, где сидели суккубки, не полез.

— Тут девка дохлая, и что-то волосатое шевелится, — вскрикнул Конор.

— Она не дохлая, она без сознания, а волосатое — это баран. Так что рот закрой, и чтобы ни звука от тебя не исходило, а то стража набежит, тогда нам всем конец, — прикрикнул я на рыжего.

Антуан дернул поводьями, и мы потихоньку поехали по узкой аллее в сторону конюшни. Приблизившись, я вытащил барана из повозки и занес его в конюшню, наказав конюхам беречь его как зеницу ока. Поскольку этот зверь принадлежит лично герцогу Линскому. Те покорно поклонились, не произнося ни слова.

Сев на перед повозки рядом с Антуаном, я сопроводил их до главных ворот, чтоб их так же не досматривали. Отъехав на сотню метров от ворот замка, попросил Антуана остановиться.

— Отвези троицу туда, где взял, а здоровяку ни слова пока ни о чем, — шепнул я на ухо Антуану. Тот в ответ кивнул.

Я заглянул в повозку, Конор в полусогнутом состоянии стоял над Виржинией.

— Я не могу так дальше ехать. Можно я сяду на перед? — спросил рыжеволосый.

— Разумеется, только смотрите, осторожней. Не попадитесь, — ответил я. И Конор вылез из повозки и сел к Антуану.

Сам же я вернулся в замок.

В длинном, широком и пустом коридоре были слышны шаги Роберта Линского, который все время ходил возле двери, за которой сидел его брат.

— Что-нибудь известно о состоянии графа Карла? — спросил я у напряженного Роберта.

— Нет, ничего, ждем, — ответил он мне.

В ожидании результата время тянулось, как резиновое. А ночью с Робертом мы не сомкнули глаз, ожидая развязки.

Пили вино, а герцог пытался вести со мной беседы и периодически скатывался на рассказы о своем детстве и их отношениях с Карлом.

И вот за окнами появились первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь облака. Дверь комнаты открылась, и вышла Перрайн.

Глава 20

— Жить будет, но восстановление займет долгое время, — сообщила она нам, а после уставилась на меня своим пронзающим взглядом.

Я же промолчал, рядом был герцог, и посвящать его в авантюру с Виржинией не хотелось.

Не дождавшись от меня реакции, Перрайн продолжила:

— Ближе к вечеру приступим к лечению инквизитора, а пока мне нужно отдохнуть, давненько я так не уставала.

И она пошла в соседнюю комнату, которую приготовили специально для нее и остальных девушек. Дверь в спальню, где лежал Карл, она оставила открытой, дав понять этим, что можно войти. Как только Перрайн отошла от двери, Роберт, словно ураган, ворвался в комнату к брату. Я же в комнату к Карлу не стал проходить, а наблюдал через открытую дверь.

Граф лежал в постели, глаза его были закрыты, на щеках появился небольшой румянец, тогда как днем ранее лицо Карла было бледным. Роберт присел на кресло рядом с кроватью и взял руку брата. Глаза графа слегка приоткрылись, и на лице появилась слабая улыбка.

— Брат, я узнаю тебя, — хриплым тяжелым голосом произнес Карл.

— Отдыхай, брат, набирайся силы, — ответил Роберт, и из его глаз побежали слезы радости.

После чего он смахнул их с лица, чтобы никто его таким не видел, и вышел. Подошел ко мне и крепко обнял. От этих объятий у меня потемнело в глазах.

Ослабив хватку и выпустив из своих здоровенных рук, он взял меня за плечи:

— Я этого никогда не забуду, проси, чего хочешь, все для тебя сделаю, — радостным голосом сказал Роберт, но из глаз продолжали непроизвольно катиться слезы.

— Ваша светлость, у меня есть все, чего бы я мог желать, и это все благодаря вам. Но все же имеется одна просьба. Я бы хотел на территории герцогства открыть лавки по продаже различных мазей, отваров и снадобий, чтобы люди могли лечиться. Я понимаю, что на это необходимо согласие инквизитора и церкви.

— Это пустяк, если эти лекарки и поставят его на ноги, у Конрада не останется выбора, кроме как подписать такое разрешение, а если и откажется, я ему сделаю предложение, от которого он не сможет отказаться и он все подпишет, — с

ироничной улыбкой на лице ответил Роберт.

После бессонной ночи мы разошлись в предоставленные нам комнаты. Улегшись в кровати, я еще долго размышлял о том, правильно ли поступил, выкрав Виржинию и отпустив Конора.

Часть меня говорила о том, что поступил правильно в отношении Виржинии, поскольку ее бы сожгли, в этом я был уверен.

Но вот насчет Конора меня терзали смутные сомнения. На какой-то конкретной мысли я не мог сосредоточиться, поскольку одна перебивала другую. Так в раздумьях я и уснул.

Встав поздним вечером с легкой головной болью, я направился в комнату к Карлу. Войдя в апартаменты, увидел рядом с Карлом сидящего в кресле Роберта. Так же в комнате был сэр Ален и барон Беннет.

После того как нашу компанию покинули сэр Ален и барон Беннет, Карл признался в том, что после того, как его супругу изобличили в измене, он был сам не свой. И искал других ее любовников, просто хватал молодых парней, похожих на братьев Даттон, и волочил их в подземелье к мессиру Морэ.

Где их пытали, выбивая показания.

Но после того, как он побывал на дне рождения маленького Людовика, где на его глазах голодные кабаны разорвали барона Вальдемара, это зрелище ему понравилось. И после пыток он начал бросать несчастных в клетки с голодными кабанами, которые разрывали бедолаг, а после и съедали их.

Я был в шоке от рассказа Карла, это же скольких людей он умучил таким образом?

— Позовите священника, хочу исповедаться и смыть с себя свои грехи, я виноват перед нашим господом и готов простить свою супругу, — тихим голосом проговорил Карл.

Незадолго до полуночи в комнату вошла Перрайн и вновь напоила своими снадобьями графа, уложив того спать.

— Пора и инквизитору помочь, — произнесла она ледяным голосом.

И я только сейчас заметил, что она избегала называть его по имени.

Сэр Ален распустил всю стражу во дворе и проверил, чтобы лишних глаз вокруг не было.

Внизу за конюшней собрались герцог Роберт, сэр Томас, сэр Ален и я, а также лекарки во главе с Перрайн.

— Принеси животное, — скомандовала Перрайн.

И я приволок заранее заготовленного барана.

А слуги уже тащили инквизитора на носилках к небольшой площадке. Как только инквизитора опустили на землю, слуги

удалились, после чего Перрайн начала рисовать на земле магические символы и расставлять черные свечи в определенной последовательности.

— Положите его в центр круга, — командным голосом приказала Перрайн.

Я и сэр Ален перенесли инквизитора в центр круга. Рядом забили в землю деревянный кол, к которому привязали барана.

— Всем отойти от круга подальше и желательно не смотреть, — сказала Перрайн.

Она зашла в круг и в только ей известной последовательности зажгла свечи, после чего встала между инквизитором Конрадом и привязанным животным. Разведя руки в стороны, она произнесла несколько неразборчивых слов, после которых свечи начали гореть ярко-алым пламенем. Обернувшись вокруг себя три раза через левое плечо, она провела пальцем правой руки, словно сделав невидимый круг. Взяв огарок свечи, стоявший у ее ног, она в него воткнула четыре иглы крест-накрест и поставила в небольшой сосуд с какой-то жидкостью.

Поставив это сооружение у головы инквизитора, она начала читать заклинание.

— Causa est, tenebrae, maledictum est nigrum, a matris ore, a daemonum cogitationes, impetro off, get off, conversus in inferno. Quomodo candela tabescet, quam acus cadet, sic maledictum cadent a me Conradum et transibit ad hoc animal

Amen. Amen. Amen.

После прочтения пламя свечи у головы инквизитора начало колебаться в разные стороны, и вспыхнуло как бенгальский огонь и тут же погасло.

Взяв аккуратно этот стакан, она запрокинула голову барана и влила содержимое ему в горло. На удивление, в сосуде следов воска или игл я не заметил, только жидкость поменяла свой цвет с бледно-синего на почти черный. После чего Перрайн мигом выскочила из круга и, достав небольшой бутылек из сумки, что держала Изабелла, залпом выпила.

— Отцепите животное, уведите его и убейте скорей, после чего тушу сожгите. Нельзя, чтоб невинное животное испытывало такие муки, а инквизитора можете нести обратно, — тяжело дыша, сказала Перрайн.

Было видно, как непросто для Перрайн прошел данный ритуал.

Махнув рукой, позвав к себе Изабеллу и других девушек, она неспешно пошла в сторону замка, придерживаясь за плечи идущих рядом девушек. В то же время я отвязал барана от деревянного кола, вбитого в землю. Животное начало приседать

на передние копыта. Баран шел с трудом, немного запинаясь, как будто пьян. Отведя его немного подальше, я достал меч и, размахнувшись, отрубил ему голову.

Я смотрел, как на земле растекалась темная кровь убитого мною животного, а сэр Ален уже нес охапку хвороста и масло для его сожжения.

Обложив тушку барана хворостом, я облил его сверху маслом и поджег. Пламя взмыло вверх, осветив окрестности. После чего мы с сэром Аленом направились в замок. Проходя мимо места, где только что закончился ритуал, увидел, что там уже никого и ничего нет. Все атрибуты были уничтожены.

Вернувшись в замок, я тихонько побрел по тихим коридорам в свою комнату. Подойдя к кровати, я рухнул на нее в полном одеянии и уснул.

Проснувшись ближе к обеду, первым делом направился к Карлу, дабы его проведать. Граф сидел на краю кровати, свесив ноги. Его поили мясным бульоном. Убедившись, что больной идет на поправку, я заглянул в соседнюю комнату.

Где в последнее время пребывал герцог в ожидании выздоровления брата. Я увидел одиноко сидящего в кресле Роберта, заметив меня, он приветственно кивнул и заговорил:

— О, заходи. Как раз о тебе думал. Вот, держи, это разрешение, как я и обещал. — И герцог протянул мне свиток. — А лично от себя я освобождаю их от уплаты налога на целый год, вот соответствующая грамота. — И также протянул мне второй свиток. Оба были запечатаны гербом герцога.

— Благодарю, — ответил я ему.

— Граф и инквизитор идут на поправку. Так что я еще раз благодарю тебя, ну и, разумеется, целительниц. Вот еще что, лично от графа, поскольку, я так понял, у нет лошадей, он дарует им повозку с парой замечательных скакунов. И еще, не захочет ли, как ее звать? Ну, такая в черном вся, а, вспомнил, Перрайн стать целительницей у меня в герцогстве? Спроси у нее при возможности. Ты ведь понимаешь, я не могу сам.

— Хорошо, я обязательно спрошу ее. Разрешите тогда идти?

— Да, конечно, иди.

Идя по коридору и завернув за угол, я лоб в лоб столкнулся с Перрайн.

— Я выполнила обязательство по нашей договорённости, теперь твоя очередь, — произнесла она.

— Ее не хотели отпускать, поэтому я выкрал Виржинию. Оно сейчас в Бартоне, в моем замке. Если не веришь моему слову, можешь сама туда съездить и убедиться. Более того, теперь вы можете в пределах герцогства открыть лекарские лавки, плюс к

этому на год вас освобождают от уплаты налогов. Герцог Линский и Конрад Милфордский подписали соответствующее разрешение. Вот они, — и я протянул грамоты Перрайн. — А также лично от графа Алиронского возле конюшни вас ждет повозка, запряженная парой отличных лошадей, они ваши. Теперь вам не придется мучить вашу старую клячу.

— Хм, а за это тебе отдельная благодарность, я признательна, — протянула она, задумчиво. — Сестру я проведаю в ближайшее время, — уже более мягким голосом сказала Перрайн.

— Вот еще что. Герцог спрашивал, не хочешь ли ты быть у него при дворе?

— Вот ещё, чтоб мной кто-то командовал, нет уж, спасибо. Мне и в своей деревушке неплохо живется, а если что случится, так пусть сам к нам приезжает. Мы всех примем, — ответила девушка и пошла дальше по коридору.

После отъезда из города целительниц прошла пара дней, прежде чем граф смог самостоятельно встать на ноги и начал выходить в сад для прогулок. К нему присоединялся инквизитор Конрад Милфордский.

Я же эти два дня ходил по окрестностям замка и по городским улочкам, а также посещал торговые лавки, пытаясь разобраться, что пользуется спросом.

С утра я расположился за завтраком в беседке, а что, хорошо, солнышко светит и птички поют, лепота. И мое уединение неожиданно нарушил инквизитор Конрад.

— Не возражаете, сэр Ратибор, если я составлю компанию? — и он уселся в кресло напротив меня.

— Присаживайтесь, я только буду рад компании такого человека, — с улыбкой протянул я.

— Очень лестные слова, многие в герцогстве меня боятся, я рад, что вы не из их числа.

— Вы делаете богоугодное дело и боретесь с ведьмами и другими врагами рода человеческого.

— Я рад, что ты так считаешь, — и он склонил голову набок, внимательно меня рассматривая.

Я же медленно, по глоточку, тянул вино из кубка, пытаясь прикинуть, зачем это все. Хотя человек на такой должности, а я явно в последнее время привлек к себе много лишнего внимания.

— Ратибор, я знаю, что это ты освободил ведьму из башни, хоть у меня и нет никаких доказательств, но я уверен в этом, — заговорил он. Я чуть вином не подавился и даже закашлялся, а Конрад продолжал, словно не обратив на это внимание.

— Пойми меня правильно, возможно, ты считаешь меня

чудовищем, что сжигает людей ради забавы, но это не так. Ты не смотри, что она красивая и милая с виду. Это чудовище. Не пройдет и пары лет, как ты сам потащишь ее на костер, — он прикрыл глаза на пару секунд и достал из своего одеяния деревянные чётки с крестом и начал их перебирать. А после медленно и неспешно заговорил:

— Есть одна легенда, которая рассказывает, что первой ведьмой стала целительница, которая лечила людей и была не согласна с божьим замыслом. Об этом говорится в старой рукописи из аббатств на севере.

— Я расскажу об этой легенде тебе вкратце. Эта женщина хотела большего, чтобы она могла лечить не просто травами, мазями, а силой собственного прикосновения к больному, словно святая, которой Господь даровал для этого силы. Но способностей у нее таких не было, а бог не слышал её молитв, и в один из дней она разуверилась в силах Господа нашего, обратилась к той силе, что низверг наш Господь, и заключила с ними соглашение, она продала им душу в обмен на силу. Поначалу все шло хорошо, и она лечила людей и животных прикосновением своих рук. Раны заживали на глазах. Но чем больше она пользовалась этой силой, тем быстрее было её падение в бездну.

— Целительницами не просто так становятся или рождаются. У них с детства проявляются способности к излечению живых существ, и родителям это поначалу нравится. Они считают, что к их ребёнку прикоснулась длань божья.

Но по достижении определенного возраста, как правило, это шестнадцать лет, они должны сделать выбор: либо отказаться от своего дара и остаться с людьми с возможностью иметь полноценную семью, детей, либо остаться со своей силой, но тогда они лишаются возможности иметь детей.

Я же внимательно слушал Конрада, не прерывая.

— Они могут лечить раны, в том числе смертельные, но многим хочется большего. Тогда они переступают этот порог, обращаются к темной магии, и неважно, во имя добра или зла, если ей воспользоваться, итог один, она сломает и поглотит разум.

Конрад замолк и внимательно на меня смотрел, словно взвешивая и принимая какое-то решение. Я же был поглощен его рассказом. То ли не дождавшись эффекта, то ли наоборот, он увидел то, что хотел, Конрад вновь заговорил.

— Ну да ладно, ты молод, она красива, но вот зачем тебе этот рыжий шотландец?

Я резко повернулся и посмотрел инквизитору в глаза.

— Не отрицай этого, — и он поднял ладонь, словно

отбрасывал сразу все мои оправдания. — Я знаю, что это ты сделал, ты помог ему сбежать, — загадочным голосом проговорил Конрад Милфордский.

— Знаете, оправдываться и что-либо говорить на этот счет я не буду.

А инквизитор кивал в такт моим словам, не перебивая.

— Многие меня считают очень злым человеком. Так я вам скажу, что это не так, у меня есть чувство сострадания и милосердия. И, несмотря на мой возраст, я в этой жизни кое-что видел и могу по глазам понять человека. По его глазам я видел, что он это не со зла сделал. Он не убийца, полагаю, это произошло чисто случайно. Так сказать, несчастный случай, — я пожал плечами.

Тут инквизитор рассмеялся громким и звонким голосом.

— Так ты думаешь, его за убийство посадили в башню? Однако ты прав, он не убийца. Он настоятеля Талия не убивал, как ему было предъявлено. Он его неловко толкнул, и тот после падения ударился головой об пол, но он всего лишь потерял сознание. Монахи принесли его в келью и привели в сознание. — А разыскивают его, чтобы выпороть, и всего то, за то что забрал Библию с собой.

— Ладно, не буду тебя спрашивать, где он и для чего он тебе, но постарайся сделать так, чтоб его не нашли хотя бы первые полгода. Пусть это будет моей благодарностью тебе за спасенную мне жизнь.

— Разрешите вас спросить, если у нас пошел разговор по душам? — обратился я инквизитору.

— Спрашивай, что тебя интересует? — с интересом взглянул на меня Конрад.

— Я слышал, что у некоторых людей имеются нечеловеческие способности. Такие, как умение очень быстро двигаться. Для обыкновенного человека его движения еле уловимы. А некоторые могут подавлять силу другого человека, и он будет обездвижен на некоторое время. Вот скажите, это колдовство?

— Я наслышан о таких способностях человека. Полагаю, данные силы даны человеку Господом нашим. Я читал даже некоторые древние трактаты, говорящие об этих силах, там же была легенд, а о первой ведьме, — ответил спокойно инквизитор.

— А проклятые предметы? Тоже слышали о таком. И предметы эти обладают немыслимой силой. Будто они дошли до нас от старых богов.

— Это ересь и выдумка невежественных крестьян, — спокойно ответил Конрад, но вот его взгляд изменился.

Волчара, матерый волчара. С таким не поиграешь и долго за

нос не поводишь, и я рад, что он благодарен за свое спасение, иначе у нас мог состояться совсем другой разговор.

Я лишь склонил голову, признавая, что услышал и понял Конрада.

— Приятного дня, сэр Ратибор, — инквизитор, поднявшись пошел дальше гулять по саду.

Посмотрел, как он удаляется от меня, и в голове возникла мысль. Если каждого настигает возмездие по делам его, значит, Конрад Милфордский должен был умереть от проклятья, или это было просто испытание, предупреждение, а может, и возмездие, — вернув его к жизни, и не дав умереть, я продлил его жизнь, во благо ли?

Размышляя об этом и о многом другом, я не заметил, как ко мне подошел сэр Ален и попросил разрешения присесть рядом.

Сидя напротив меня, он долгое время молчал и посматривал по сторонам, будто был чем-то взволнован, но, насколько я его знал, он был не робкого десятка, просто так его не напугать, тем более мы находились не где-нибудь, а в графском саду.

— Сэр Ратибор, будьте вечером в главной зале, вас желают видеть граф и герцог, — сказал он, глядя мне в глаза. — И будьте внимательнее и лучше смотрите по сторонам, вы человек новый в этих краях, но уже слишком близки к герцогу и его семье, это многим не нравится.

— Спасибо, сэр Ален, за предупреждение, — поблагодарил я его.

Кивнув мне в ответ, он удалился. Я задумался над его словами, а ведь он прав, прибыл я недавно и так быстро вознесся в глазах окружающих. Вожу дружбу с герцогом и его братом. Уж парочка недоброжелателей у меня найдется, ну и хрен с ними, так веселее.

Продолжая сидеть, я размышлял о том, что еще задумал герцог, да еще и приглашение такое странное через сэра Алена.

Утро плавно перешло в день, а после непродолжительной прогулки по городу и вовсе солнце склонилось к закату.

Возле входа в замок меня встретил сэр Ален и попросил проследовать за ним в зал.

notes

Примечания

1

Нижнее белье у мужчин в средневековье

2

Аскании княжеский род в Германии, с которыми воевали Грифичи. С XI века они жили в восточной Саксонии. Представителем этого рода является императрица Екатерина II.

3

Вид украшений-аксессуаров, распространённых в европейских странах, представляет собой своеобразный контейнер, как правило, шарообразной формы, куда помещаются ароматические вещества, такие, как амбра.

4

Узкая, облегающая фигуру верхняя одежда, распространённая в средневековой Европе

5

Ко́мель — толстая часть ствола дерева непосредственно над корнем и корневищем

6

Конюший — придворный чин (должность) дворовых людей в средневековье, предполагавший руководство заведыванием конями, конюшнями монарха и многим другим, всем, что было связано с конным делом.

7

Шина — твёрдая накладка на место костного перелома или иного повреждения для создания неподвижности повреждённой части тела.

8

Сюрко длинный и просторный плащ-нарамник, похожий по покрою на пончо и часто украшавшийся гербом владельца. Обычно сюрко был длиной чуть ниже колена, имел разрезы в передней и задней части, без рукавов.